

Пролетария всех стран, соединяйтесь.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

6

С О Ц Э К Г И З

1936

ДОКЛАД тов. СТАЛИНА И. В. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР.

Появление тов. СТАЛИНА на трибуне встречается продолжительной, бурной овацией всего зала. Весь зал встает. Со всех сторон несутся крики: «Ура тов. СТАЛИНУ!», «Да здравствует тов. СТАЛИН!», «Да здравствует Великий СТАЛИН!», «Великому гению тов. СТАЛИНУ ура!», «Виват!», «Рот фронт!», «Тов. СТАЛИНУ слава!»

I. Образование Конституционной Комиссии и ее задачи.

Товарищи!

Конституционная Комиссия, проект которой представлен на рассмотрение настоящего Съезда, была образована, как известно, по специальному постановлению VII Съезда Советов Союза ССР. Постановление это было принято 6 февраля 1935 года. Оно гласит:

«1. Внести в Конституцию Союза ССР изменения в направлении:

а) дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми;

б) уточнения социально-экономической основы Конституции в смысле приведения Конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР (создание новой социалистической индустрии, разгром кулачества, победа колхозного строя, утверждение социалистической собственности, как основы советского общества и т. п.).

2. Предложить Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР избрать Конституционную Комиссию, которой поручить выработать исправленный текст Конституции на указанных в пункте первом основах и внести его на утверждение Сессии ЦИК Союза ССР.

3. Ближайшие очередные выборы органов советской власти в Союзе ССР провести на основе новой избирательной системы».

Это было 6 февраля 1935 года. Через день после принятия этого постановления, т. е. 7 февраля 1935 года, собралась Первая Сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и, во исполнение постановления VII Съезда Советов СССР, образовала Конституционную Комиссию в количестве 31 человека. Она поручила Конституционной Комиссии выработать проект исправленной Конституции СССР.

Таковы формальные основания и директивы верховного органа СССР, на базе которых должна была развернуть свою работу Конституционная Комиссия.

Таким образом Конституционная Комиссия должна была внести изменения в ныне действующую Конституцию, принятую в 1924 году, учтя при этом те сдвиги в жизни Союза ССР в сторону социализма, которые были осуществлены за период от 1924 года до наших дней.

II. Изменения в жизни СССР за период от 1924 года до 1936 года.

Каковы те изменения в жизни СССР, которые осуществились за период от 1924 года до 1936 года и которые должна была отразить Конституционная Комиссия в своем проекте Конституции?

В чем существо этих изменений?

Что имели мы в 1924 году?

Это был первый период НЭП'а, когда Советская власть допустила некоторое оживление капитализма при всемерном развитии социализма, когда она рассчитывала на то, чтобы в ходе соревнования двух систем хозяйства, капиталистической и социалистической, организовать перевес социалистической системы над капиталистической. Задача состояла в том, чтобы в ходе этого соревнования укрепить позиции социализма, добиться ликвидации капиталистических элементов и завершить победу социалистической системы, как основной системы народного хозяйства.

Наша промышленность представляла тогда незавидную картину, особенно тяжелая промышленность. Правда, она восстанавливалась понемногу, но далеко еще не довела своей продукции до довоенного уровня. Она базировалась на старой отсталой и небогатой технике. Конечно, она развивалась в сторону социализма. Удельный вес социалистического сектора нашей промышленности составлял тогда около 80 процентов. Но сектор капитализма имел все же за собой не менее 20 процентов промышленности.

Наше сельское хозяйство представляло, еще более неприглядную картину. Правда, класс помещиков был уже ликвидирован, но зато класс сельскохозяйственных капиталистов, класс кулаков, представлял еще довольно значительную силу. В целом сельское хозяйство напоминало тогда необъятный океан мелких единоличных крестьянских хозяйств с их отсталой средневековой техникой. В этом океане в виде отдельных точек и островков существовали колхозы и совхозы, которые не имели еще, собственно говоря, сколько-нибудь серьезного значения в нашем народном хозяйстве. Колхозы и совхозы были слабы, а кулак был еще в силе. Мы говорили тогда не о ликвидации кулачества, а об его ограничении.

То же самое надо сказать насчет товарооборота в стране. Социалистический сектор в товарообороте составлял каких-нибудь 50—60 процентов,— не больше, а все остальное поле было занято купцами, спекулянтами и прочими частниками.

Такова была картина нашей экономики в 1924 году.

Что мы имеем теперь, в 1936 году?

Если мы имели тогда первый период НЭП'а, начало НЭП'а, период некоторого оживления капитализма, то мы имеем теперь последний период НЭП'а, конец НЭП'а, период полной ликвидации капитализма во всех сферах народного хозяйства.

Начать хотя бы с того, что наша промышленность выросла за этот период в гигантскую силу. Теперь уже нельзя назвать ее слабой

и технически плохо оснащенной. Наоборот, она базируется теперь на новой, богатой современной технике с сильно развитой тяжелой индустрией и еще более развитым машиностроением. Самое же главное в том, что капитализм изгнан вовсе из сферы нашей промышленности, а социалистическая форма производства является теперь безраздельно господствующей системой в области нашей промышленности. Нельзя считать мелочью тот факт, что наша нынешняя социалистическая индустрия с точки зрения объема продукции превосходит индустрию довоенного времени более чем в семь раз.

В области сельского хозяйства вместо океана мелких единоличных крестьянских хозяйств с их слабой техникой и засильем кулака мы имеем теперь самое крупное в мире механизированное, вооруженное новой техникой производство в виде всеобъемлющей системы колхозов и совхозов. Всем известно, что кулачество в сельском хозяйстве ликвидировано, а сектор мелких единоличных крестьянских хозяйств с его отсталой средневековой техникой занимает теперь незначительное место, причем удельный вес его в сельском хозяйстве в смысле размера посевных площадей составляет не более 2—3 процентов. Нельзя не отметить тот факт, что колхозы имеют сейчас в своем распоряжении 316 тысяч тракторов мощностью в 5 миллионов 700 тысяч лошадиных сил, а вместе с совхозами имеют свыше 400 тысяч тракторов мощностью в 7 миллионов 580 тысяч лошадиных сил.

Что касается товарооборота в стране, то купцы и спекулянты изгнаны вовсе из этой области. Весь товароборот находится теперь в руках государства, кооперации и колхозов. Народилась и развилась новая, советская торговля, торговля без спекулянтов, торговля без капиталистов.

Таким образом полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом.

А что это значит?

Это значит, что эксплуатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена, как неизбежная основа нашего советского общества. (Продолжительные аплодисменты.)

В результате всех этих изменений в области народного хозяйства СССР мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорений и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни.

Таковы в основном изменения, происшедшие в области нашей экономики за период от 1924 года до 1936 года.

Сообразно с этими изменениями в области экономики СССР изменилась и **классовая структура** нашего общества.

Класс помещиков, как известно, был уже ликвидирован в результате победоносного окончания гражданской войны. Что касается других эксплуататорских классов, то они разделили судьбу класса помещиков. Не стало класса капиталистов в области промышленности. Не стало класса кулаков в области сельского хозяйства. Не стало купцов и спекулянтов в области товарооборота. Все эксплуататорские классы оказались, таким образом, ликвидированными.

Остался рабочий класс.

Остался класс крестьян.

Осталась интеллигенция.

Но было бы ошибочно думать, что эти социальные группы не претерпели за это время никаких изменений, что они остались такими же, какими они были, скажем, в период капитализма.

Взять, например, рабочий класс СССР. Его часто называют по старой памяти пролетариатом. Но что такое пролетариат? Пролетариат есть класс, лишенный орудий и средств производства при системе хозяйства, когда орудия и средства производства принадлежат капиталистам и когда класс капиталистов эксплуатирует пролетариат. Пролетариат — это класс, эксплуатируемый капиталистами. Но у нас класс капиталистов, как известно, уже ликвидирован, орудия и средства производства отобраны у капиталистов и переданы государству, руководящей силой которого является рабочий класс. Стало быть, нет больше класса капиталистов, который мог бы эксплуатировать рабочий класс. Стало быть, наш рабочий класс не только не лишен орудий и средств производства, а наоборот, он ими владеет совместно со всем народом. А раз он ими владеет, а класс капиталистов ликвидирован, — исключена всякая возможность эксплуатации рабочего класса. Можно ли после этого назвать наш рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя. Маркс говорил: для того, чтобы пролетариат освободил себя, он должен разгромить класс капиталистов, отобрать у капиталистов орудия и средства производства и уничтожить те условия производства, которые порождают пролетариат. Можно ли сказать, что рабочий класс СССР уже осуществил эти условия своего освобождения? Безусловно можно и должно. А что это значит? Это значит, что пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства, утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства производства и направляющий советское общество по пути коммунизма.

Как видите, рабочий класс СССР это — совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобного которому, не знала еще история человечества.

Перейдем к вопросу о крестьянстве. Обычно принято говорить, что крестьянство — это такой класс мелких производителей, члены которого атомизированы, разбросаны по лицу всей страны, копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплуатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п. И действительно, крестьянство в капиталистических странах, если иметь в виду его основную массу, является таким именно классом. Можно ли сказать, что наше современное крестьянство, советское крестьянство, в своей массе похоже на подобное крестьянство? Нет, нельзя этого сказать. Такого крестьянства у нас уже нет. Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством. У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплуатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство. Далее, наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство, т. е. оно базирует свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда.

Как видите, советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества.

Перейдем, наконец, к вопросу об интеллигенции, к вопросу об инженерно-технических работниках, о работниках культурного фронта, о служащих вообще и т. п. Она также претерпела большие изменения за истекший период. Это уже не та старая заскорузлая интеллигенция, которая пыталась ставить себя над классами, а на самом деле служила

в своей массе помещикам и капиталистам. Наша советская интеллигенция это — совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством. Изменился, во-первых, состав интеллигенции. Выходцы из дворянства и буржуазии составляют небольшой процент нашей советской интеллигенции. 80—90 процентов советской интеллигенции — это выходцы из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся. Изменился, наконец, и самый характер деятельности интеллигенции. Раньше она должна была служить богатым классам, ибо у нее не было другого выхода. Теперь она должна служить народу, ибо не стало больше эксплуататорских классов. И именно поэтому она является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества.

Как видите, это совершенно новая, трудовая интеллигенция, подобной которой не найдете ни в одной стране земного шара.

Таковы изменения, происшедшие за истекшее время в области классовой структуры советского общества.

О чем говорят эти изменения?

Они говорят, во-первых, о том, что грани между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими классами и интеллигенцией — стираются, а старая классовая исключительность — исчезает. Это значит, что расстояние между этими социальными группами все более и более сокращается.

Они говорят, во-вторых, о том, что экономические противоречия между этими социальными группами падают, стираются.

Они говорят, наконец, о том, что падают и стираются также политические противоречия между ними.

Так обстоит дело с изменениями в области **классовой структуры СССР**.

Картина изменений в общественной жизни СССР была бы не полной, если бы не сказать несколько слов об изменениях еще в одной области. Я имею в виду область **национальных взаимоотношений** в СССР. В Советский Союз входят, как известно, около 60 наций, национальных групп и народностей. Советское государство есть государство многонациональное. Понятно, что вопрос о взаимоотношениях между народами СССР не может не иметь для нас первостепенного значения.

Союз Советских Социалистических Республик образовался, как известно, в 1922 году на Первом Съезде Советов СССР. Образовался он на началах равенства и добровольности народов СССР. Ныне действующая Конституция, принятая в 1924 году, есть первая Конституция Союза ССР. Это был период, когда отношения между народами не были еще как следует налажены, когда пережитки недоверия к великороссам еще не исчезли, когда центробежные силы все еще продолжали действовать. Нужно было наладить в этих условиях братское сотрудничество народов на базе экономической, политической и военной взаимопомощи, объединив их в одно союзное многонациональное государство. Советская власть не могла не видеть трудностей этого дела. Она имела перед собой неудачные опыты многонациональных государств в буржуазных странах. Она имела перед собой провалившийся опыт старой Австро-Венгрии. И все же она пошла на опыт создания многонационального государства, ибо она знала, что многонациональное государство, возникшее на базе социализма, должно выдерживать все и всякие испытания.

С тех пор прошло 14 лет. Период достаточный для того, чтобы проверить опыт. И что же? Истекший период с несомненностью показал,

что опыт образования многонационального государства, созданного на базе социализма, удался полностью. Это есть несомненная победа ленинской национальной политики. (Продолжительные аплодисменты.)

Чем объяснить эту победу?

Отсутствие эксплуататорских классов, являющихся основными организаторами межнациональной драки; отсутствие эксплуатации, культивирующей взаимное недоверие и разжигающей националистические страсти; наличие у власти рабочего класса, являющегося врагом всякого порабощения и верным носителем идей интернационализма; фактическое осуществление взаимной помощи народов во всех областях хозяйственной и общественной жизни; наконец, расцвет национальной культуры народов СССР, национальной по форме, социалистической по содержанию, — все эти и подобные им факторы привели к тому, что изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства.

В результате мы имеем теперь вполне сложившееся и выдержавшее все испытания многонациональное социалистическое государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света. (Бурные аплодисменты.)

Таковы изменения, происшедшие за истекший период, в области национальных взаимоотношений в СССР.

Таков общий итог изменений в области хозяйственной и общественно-политической жизни в СССР, происшедших за период от 1924 года до 1936 года.

III. Основные особенности проекта Конституции.

Какое отражение получили все эти изменения в жизни СССР в проекте новой Конституции?

Иначе говоря: каковы основные особенности проекта Конституции, представленного на рассмотрение настоящего Съезда?

Конституционной Комиссии было поручено внести изменения в текст Конституции 1924 года. В результате работы Конституционной Комиссии получился новый текст Конституции, проект новой Конституции СССР. Составляя проект новой Конституции, Конституционная Комиссия исходила из того, что конституция не должна быть смешиваемой с программой. Это значит, что между программой и конституцией имеется существенная разница. В то время как программа говорит о том, чего еще нет и что должно быть еще добыто и завоевано в будущем, конституция, наоборот, должна говорить о том, что уже есть, что уже добыто и завоевано теперь, в настоящем. Программа касается главным образом будущего, конституция настоящего.

Два примера для иллюстрации.

Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм. (Продолжительные аплодисменты.) Основным принципом этой фазы коммунизма является, как известно, формула: «от каждого по его способностям, каждому по его труду». Должна ли наша Конституция отразить этот факт, факт завоевания социализма? Должна ли она базироваться на этом завоевании? Безусловно должна. Должна, так как социализм для СССР есть то, что уже добыто и завоевано.

Но советское общество еще не добилось осуществления высшей фазы коммунизма, где господствующим принципом будет формула: «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям», хотя оно и ставит себе целью добиться в будущем осуществления высшей фазы коммунизма. Может ли наша Конституция базироваться на высшей фазе коммунизма, которой еще нет и которая должна быть еще завоевана? Нет, не может, так как высшая фаза коммунизма есть для СССР то, что еще не осуществлено и что должно быть осуществлено в будущем. Не может, если она не хочет превратиться в программу или декларацию о будущих завоеваниях.

Таковы рамки нашей Конституции в данный исторический момент.

Таким образом проект новой Конституции представляет собой итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний. Он является, стало быть, регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле. **(Бурные аплодисменты.)**

В этом первая особенность проекта новой Конституции СССР.

Далее. Конституции буржуазных стран исходят обычно из убеждения о неизбежности капиталистического строя. Главную основу этих конституций составляют принципы капитализма, его основные устои: частная собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; эксплуатация человека человеком и наличие эксплуататоров и эксплуатируемых; необеспеченность трудящегося большинства на одном полюсе общества и роскошь нетрудящегося, необеспеченного меньшинства на другом полюсе; и т. д. и т. п. Они опираются на эти и подобные им устои капитализма. Они их отражают, они их закрепляют в законодательном порядке.

В отличие от них проект новой Конституции СССР исходит из факта ликвидации капиталистического строя, из факта победы социалистического строя в СССР. Главную основу проекта новой Конституции СССР составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные: социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; ликвидация эксплуатации и эксплуататорских классов; ликвидация нищеты большинства и роскоши меньшинства; ликвидация безработицы; труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: «кто не работает, тот не ест». Право на труд, т. е. право каждого гражданина на получение гарантированной работы; право на отдых; право на образование; и т. д. и т. п. Проект новой Конституции опирается на эти и подобные им устои социализма. Он их отражает, он их закрепляет в законодательном порядке.

Такова вторая особенность проекта новой Конституции.

Дальше. Буржуазные конституции молчаливо исходят из предпосылки о том, что общество состоит из антагонистических классов, из классов, владеющих богатством, и классов, не владеющих им, что кака бы партия ни пришла к власти, государственное руководство обществом (диктатура) должно принадлежать буржуазии, что конституция нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, удобные и выгодные вмущим классам.

В отличие от буржуазных конституций проект новой Конституции СССР исходит из того, что в обществе нет уже больше антагонистических классов, что общество состоит из двух дружественных друг другу классов, из рабочих и крестьян, что у власти стоят эти именно трудящиеся классы, что государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу, как передовому классу общества, что конституция нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, удобные и выгодные трудящимся.

Такова третья особенность проекта новой Конституции.

Дальше. Буржуазные конституции молчаливо исходят из предпосылки о том, что нации и расы не могут быть равноправными, что есть нации полноправные и есть нации неполноправные, что кроме того существует еще третья категория наций или рас, например, в колониях, у которых имеется еще меньше прав, чем у неполноправных наций. Это значит, что все эти конституции в основе своей являются националистическими, т. е. конституциями господствующих наций.

В отличие от этих конституций проект новой Конституции СССР, наоборот, — глубоко интернационален. Он исходит из того, что все нации и расы равноправны. Он исходит из того, что разница в цвете кожи или в языке, культурном уровне или уровне государственного развития, равно как другая какая-либо разница между нациями и расами — не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравноправие. Он исходит из того, что все нации и расы, независимо от их прошлого и настоящего положения, независимо от их силы или слабости, — должны пользоваться одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества.

Такова четвертая особенность проекта новой Конституции.

Пятой особенностью проекта новой Конституции составляет его последовательный и до конца выдержанный демократизм. С точки зрения демократизма буржуазные конституции можно разбить на две группы: одна группа конституций прямо отрицает или сводит фактически на нет равенство прав граждан и демократические свободы. Другая группа конституций охотно приемлет и даже афиширует демократические начала, но делает при этом такие оговорки и ограничения, что демократические права и свободы оказываются совершенно изуродованными. Они говорят о равных избирательных правах для всех граждан, но тут же ограничивают их оседлостью и образовательным и даже имущественным цензом. Они говорят о равных правах граждан, но тут же оговариваются, что это не касается женщин, или касается их частично. И т. д. и т. п.

Особенность проекта новой Конституции СССР состоит в том, что он свободен от подобных оговорок и ограничений. Для него не существует активных или пассивных граждан, для него все граждане активны. Он не признает разницы в правах между мужчинами и женщинами, «оседлыми» и «не-оседлыми», имущими и неимущими, образованными и необразованными. Для него все граждане равны в своих правах. Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе.

Наконец, еще одна особенность проекта новой Конституции. Буржуазные конституции обычно ограничиваются фиксированием формальных прав граждан, не заботясь об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления, о средствах их осуществления. Говорят о равенстве граждан, но забывают, что не может быть действительного равенства между хозяином и рабочим, между помещиком и крестьянином, если у первых имеется богатство и политический вес в обществе, а вторые лишены и того и другого, если первые являются эксплуататорами, а вторые эксплуатируемыми. Или еще: говорят о свободе слова, собраний и печати, но забывают, что все эти свободы могут превратиться для рабочего класса в звук пустой, если он лишен возможности иметь в своем распоряжении подходящие помещения для собраний, хорошие типографии, достаточное количество печатной бумаги и т. д.

Особенность проекта новой Конституции состоит в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав. Он не просто провозглашает равенство прав граждан, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта ликвидации режима эксплуатации, факта освобождения граждан от всякой эксплуатации. Он не просто провозглашает право на труд, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта отсутствия кризисов в советском обществе, факта уничтожения безработицы. Он не просто провозглашает демократические свободы, но и обеспечивает их в законодательном порядке известными материальными средствами. Понятно поэтому, что демократизм проекта новой Конституции является не «обычным» и «общепризнаемым» демократизмом вообще, а демократизмом **социалистическим**.

Таковы основные особенности проекта новой Конституции СССР.

Таково отражение в проекте новой Конституции тех сдвигов и изменений в хозяйственной и общественно-политической жизни СССР, которые осуществились за период от 1924 года до 1936 года.

IV. Буржуазная критика проекта Конституции.

Несколько слов о буржуазной критике проекта Конституции.

Вопрос о том, как относится к проекту Конституции иностранная буржуазная печать, представляет бесспорно известный интерес. Поскольку иностранная печать отражает общественное мнение различных слоев населения в буржуазных странах, мы не можем пройти мимо той критики, которую развернула эта печать против проекта Конституции.

Первые признаки реакции иностранной печати на проект Конституции выразились в определенной тенденции — замолчать проект Конституции. Я имею в виду в данном случае наиболее реакционную, фашистскую печать. Эта группа критиков сочла за лучшее просто замолчать проект Конституции, представить дело так, как будто проекта не было и нет его вообще в природе. Могут сказать, что замалчивание не есть критика. Но это неверно. Метод замалчивания, как особый способ игнорирования, является тоже формой критики, правда, глупой и смешной, но все же формой критики. (**Общий смех, аплодисменты.**) Но с методом замалчивания не вышло у них. В конце концов они оказались вынужденными открыть клапан и сообщить миру, что, как это ни печально, проект Конституции СССР все же существует, и не только существует, но и начинает оказывать зловерное воздействие на умы. Да иначе и не могло быть, так как есть все же на свете какое-то общественное мнение, читатели, живые люди, которые хотят знать правду о фактах, и держать их долго в тисках обмана нет никакой возможности. На обмане далеко не уедешь...

Вторая группа критиков признает, что проект Конституции действительно существует в природе, но она считает, что проект не представляет большого интереса, так как он является по сути дела не проектом конституции, а пустой бумажкой, пустым обещанием, рассчитанным на то, чтобы сделать известный маневр и обмануть людей. Они добавляют при этом, что лучшего проекта и не мог дать СССР, так как сам СССР является не государством, а всего-навсего — географическим понятием (**общий смех**), а раз он не является государством, то и конституция его не может быть действительной конституцией. Типичным представителем этой группы критиков является, как это ни странно, германский официоз «**Дейтше Дипломатисш-Политисше Корреспондентс**».

Этот журнал прямо говорит, что проект Конституции СССР является пустым обещанием, обманом, «потемкинской деревней». Он без колебаний заявляет, что СССР не является государством, что СССР «представляет не что иное, как точно определяемое географическое понятие» (**общий смех**), что Конституция СССР не может быть ввиду этого признана действительной конституцией.

Что можно сказать о таких, с позволения сказать, критиках?

В одном из своих сказок-рассказов великий русский писатель Щедрин дает тип бюрократа-самодура, очень ограниченного и тупого, но до крайности самоуверенного и ретивого. После того как этот бюрократ навел во «вверенной» ему области «порядок и тишину», истребив тысячи жителей и спалив десятки городов, он оглянулся кругом и заметил на горизонте Америку, страну, конечно, малоизвестную, где имеются, оказывается, какие-то свободы, смущающие народ, и где государством управляют иными методами. Бюрократ заметил Америку и возмутился: что это за страна, откуда она взялась, на каком таком основании она существует? (**Общий смех, аплодисменты.**) Конечно, ее случайно открыли несколько веков тому назад, но разве нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? (**Общий смех.**) И сказав это, предложил резолюцию: «Закрыть снова Америку!» (**Общий смех.**)

Мне кажется, что господа из «Действие Дипломатическо-Политическо Корреспонденц» как две капли воды похожи на щедринского бюрократа. (**Общий смех, одобрительные аплодисменты.**) Этим господам СССР давно уже намозолил глаза. Десять лет стоит СССР как маяк, заражая духом освобождения рабочий класс всего мира и вызывая бешенство у врагов рабочего класса. И он, этот СССР, оказывается, не только просто существует, но даже растет, и не только растет, но даже преуспевает, и не только преуспевает, но даже сочиняет проект новой Конституции, проект, возбуждающий умы, вселяющий новые надежды угнетенным классам. (**Аплодисменты.**) Как же после этого не возмущаться господам из германского официоза? Что это за страна, вопят они, на каком таком основании она существует (**общий смех**), и если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? И сказав это, постановили: закрыть снова СССР, объявить во всеуслышание, что СССР, как государство, не существует, что СССР есть не что иное, как простое географическое понятие! (**Общий смех.**)

Кладя резолюцию о том, чтобы закрыть снова Америку, щедринский бюрократ, несмотря на всю свою тупость, все же нашел в себе элементы понимания реального, сказав тут же про себя: «Но, кажется, сие от меня не зависит». (**Взрыв веселого смеха, бурные аплодисменты.**) Я не знаю, хватит ли ума у господ из германского официоза догадаться, что «закрыть» на бумаге то или иное государство они, конечно, могут, но если говорить серьезно, то «сие от них не зависит»... (**Взрыв веселого смеха, бурные аплодисменты.**)

Что касается того, что Конституция СССР является будто бы пустым обещанием, «потемкинской деревней» и т. д., то я хотел бы сослаться на ряд установленных фактов, которые сами говорят за себя.

В 1917 году народы СССР свергли буржуазию и установили диктатуру пролетариата, установили Советскую власть. Это факт, а не обещание.

Затем, Советская власть ликвидировала класс помещиков и передала крестьянам более 150 миллионов гектаров бывших помещичьих, казенных и монастырских земель и это — сверх тех земель, которые находились и раньше в руках крестьян. Это факт, а не обещание.

Затем, Советская власть экспроприировала класс капиталистов, ото-

брала у них банки, заводы, железные дороги и прочие орудия и средства производства, объявила их социалистической собственностью и поставила во главе этих предприятий лучших людей рабочего класса. Это факт, а не обещание (**Продолжительные аплодисменты.**)

Затем, организовав промышленность и сельское хозяйство на новых, социалистических началах, с новой технической базой, Советская власть добилась того, что ныне земледелие в СССР дает в 1½ раза больше продукции, чем в довоенное время, индустрия производит в 7 раз больше продукции, чем в довоенное время, а народный доход вырос в 4 раза в сравнении с довоенным временем. Все это — факты, а не обещания. (**Продолжительные аплодисменты.**)

Затем, Советская власть уничтожила безработицу, провела в жизнь право на труд, право на отдых, право на образование, обеспечила лучшие материальные и культурные условия рабочим, крестьянам и интеллигенции, обеспечила проведение в жизнь всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании граждан. Все это — факты, а не обещания. (**Продолжительные аплодисменты.**)

Наконец, СССР дал проект новой Конституции, который является не обещанием, а регистрацией и законодательным закреплением этих общеизвестных фактов, регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано.

Спрашивается, к чему сводится после всего этого болтовня господ из германского офицоза о «потемкинских деревнях», если не к тому, что они задались целью скрыть от народа правду об СССР, ввести народ в заблуждение, обмануть его.

Таковы факты. А факты, как говорят, упрямая вещь. Господа из германского офицоза могут сказать, что тем хуже для фактов. (**Общий смех.**) Но тогда им можно ответить словами известной русской поговорки: «дуракам закон не писан». (**Веселый смех, продолжительные аплодисменты.**)

Третья группа критиков не прогь признать известные достоинства за проектом Конституции, она считает его положительным явлением, но она, видите ли, очень сомневается, чтобы ряд его положений можно было провести в жизнь, ибо она убеждена, что эти положения вообще неосуществимы и должны остаться на бумаге. Это, говоря мягко, скептики. Они, эти скептики, имеются во всех странах.

Нужно сказать, что мы встречаемся с ними не впервые. Когда большевики брали власть в 1917 году, скептики говорили: большевики, пожалуй, не плохие люди, но с властью у них дело не пойдет, они провалятся. На деле, однако, оказалось, что провалились не большевики, а скептики.

Во время гражданской войны и иностранной интервенции эта группа скептиков говорила: Советская власть, конечно, вещь не плохая, но Деникин с Колчаком плюс иностранцы, пожалуй, одолеют ее. На деле, однако, оказалось, что скептики и здесь просчитались.

Когда Советская власть опубликовала первый пятилетний план, скептики опять выступили на сцену, говоря: пятилетка, конечно, дело хорошее, но она едва ли осуществима, надо полагать, что у большевиков с пятилеткой дело не выйдет. Факты, однако, показали, что скептикам опять не повезло: пятилетний план был осуществлен в четыре года.

То же самое надо сказать о проекте новой Конституции и ее критике со стороны скептиков. Стоило опубликовать проект, чтобы эта группа критиков вновь появилась на сцене с ее унылым скепсисом, с ее сомнениями насчет осуществимости некоторых положений Конституции. Нет никаких оснований сомневаться в том, что скептики провалятся

и в данном случае, провалятся нынче так же, как они не раз проваливались в прошлом.

Четвертая группа критиков, атакуя проект новой Конституции, характеризует его, как «сдвиг вправо», как «отказ от диктатуры пролетариата», как «ликвидацию большевистского режима». «Большевики качнулись вправо, это факт» — говорят они на разные голоса. Особенно усердствуют в этом отношении некоторые польские и отчасти американские газеты.

Что можно сказать об этих, с позволения сказать, критиках?

Если расширение базы диктатуры рабочего класса и превращение диктатуры в более гибкую, стало быть, — более мощную систему государственного руководства обществом трактуется ими не как усиление диктатуры рабочего класса, а как ее ослабление или даже как отказ от нее, то позволительно спросить: а знают ли вообще эти господа — что такое диктатура рабочего класса?

Если законодательное закрепление победы социализма, законодательное закрепление успехов индустриализации, коллективизации и демократизации называется у них «сдвигом вправо», то позволительно спросить: а знают ли вообще эти господа — чем отличается левое от правого? **(Общий смех, аплодисменты.)**

Не может быть сомнения, что эти господа окончательно запутались в своей критике проекта Конституции и, запутавшись, перепутали правое с левым.

Нельзя не вспомнить по этому случаю дворовую «девчонку» Пелагею из «Мертвых душ» Гоголя. Она, как рассказывает Гоголь, взялась как-то показать дорогу кучеру Чичикова Селифану, но, не сумев отличить правую сторону дороги от левой ее стороны, запуталась и попала в неловкое положение. Надо признать, что наши критики из польских газет, несмотря на всю их амбицию, все же недалеко ушли от уровня понимания Пелагеи, дворовой «девчонки» из «Мертвых душ». **(Аплодисменты.)** Если вспомните, кучер Селифан счел нужным отчитать Пелагею за смешение правого с левым, сказав ей: «Эх ты, черноногая... не знаешь, где право, где лево». Мне кажется, что следовало бы так же отчитать наших незадачливых критиков, сказав им: Эх вы, горе-критики... не знаете, где право, где лево. **(Продолжительные аплодисменты.)**

Наконец, еще одна группа критиков. Если предыдущая группа обвиняет проект Конституции в отказе от диктатуры рабочего класса, то эта группа обвиняет его, наоборот, в том, что он ничего не меняет в существующем положении в СССР, что он оставляет нетронутой диктатуру рабочего класса, не допускает свободу политических партий и сохраняет в силе нынешнее руководящее положение партии коммунистов в СССР. При этом эта группа критиков считает, что отсутствие свободы партий в СССР является признаком нарушения основ демократизма.

Я должен признать, что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР. **(Бурные аплодисменты.)** Если уважаемые критики считают это недостатком проекта Конституции, то можно только пожалеть об этом. Мы же, большевики, считаем это достоинством проекта Конституции. **(Бурные аплодисменты.)**

Что касается свободы различных политических партий, то мы держимся здесь несколько иных взглядов. Партия есть часть класса, его передовая часть. Несколько партий, а значит и свобода партий может существовать лишь в таком обществе, где имеются антагонистические классы, интересы которых враждебны и непримиримы, где имеются, скажем, капиталисты и рабочие, помещики и крестьяне, кулаки и бед-

нота и т. д. Но в СССР нет уже больше таких классов, как капиталисты, помещики, кулаки и т. п. В СССР имеются только два класса: рабочие и крестьяне, интересы которых не только не враждебны, а наоборот — дружественны. Стало быть, в СССР нет почвы для существования нескольких партий, а значит и для свободы этих партий. В СССР имеется почва только для одной партии, Коммунистической партии. В СССР может существовать лишь одна партия — партия коммунистов, смело и до конца защищающая интересы рабочих и крестьян. А что она не плохо защищает интересы этих классов, в этом едва ли может быть какое-либо сомнение. **(Бурные аплодисменты.)**

Говорят о демократии. Но что такое демократия? Демократия в капиталистических странах, где имеются антагонистические классы, есть в последнем счете демократия для сильных, демократия для имущего меньшинства. Демократия в СССР, наоборот, есть демократия для трудящихся, т. е. демократия для всех. Но из этого следует, что основы демократизма нарушаются не проектом новой Конституции СССР, а буржуазными конституциями. Вот почему я думаю, что Конституция СССР является единственной в мире до конца демократической конституцией.

Так обстоит дело с буржуазной критикой проекта новой Конституции СССР.

V. Поправки и дополнения к проекту Конституции.

Перейдем к вопросу о поправках и дополнениях к проекту Конституции, внесенных гражданами при всенародном обсуждении проекта.

Всенародное обсуждение проекта Конституции дало, как известно, довольно значительное количество поправок и дополнений. Все они опубликованы в советской печати. Ввиду большого разнообразия поправок и неодинаковой их ценности следовало бы их разбить, по-моему, на три категории.

Отличительная черта поправок первой категории состоит в том, что они трактуют не о вопросах Конституции, а о вопросах текущей законодательной работы будущих законодательных органов. Отдельные вопросы страхования, некоторые вопросы колхозного строительства, некоторые вопросы промышленного строительства, вопросы финансового дела, — таковы темы этих поправок. Видимо, авторы этих поправок не уяснили себе разницы между конституционными вопросами и вопросами текущего законодательства. Именно поэтому они стараются втиснуть в Конституцию как можно больше законов, ведя дело к тому, чтобы превратить Конституцию в нечто вроде свода законов. Но конституция не есть свод законов. Конституция есть основной закон, и только основной закон. Конституция не исключает, а предполагает текущую законодательную работу будущих законодательных органов. Конституция дает юридическую базу для будущей законодательной деятельности таких органов. Поэтому поправки и дополнения такого рода, как не имеющие прямого отношения к Конституции, должны быть, по-моему, направлены в будущие законодательные органы страны.

Ко второй категории следует отнести такие поправки и дополнения, которые пытаются внести в Конституцию элементы исторических справок или элементы декларации о том, чего еще не добилась Советская власть и чего она должна добиться в будущем. Отметим в Конституции, какие трудности преодолели на протяжении долгих лет партия, рабочий класс и все трудящиеся в борьбе за победу социализма; указать в Конституции конечную цель советского движения, т. е. построе-

ние полного коммунистического общества,— таковы темы этих поправок, повторяющиеся в разных вариациях. Я думаю, что такие поправки и дополнения также должны быть отложены в сторону, как не пмеющие прямого отношения к Конституции. Конституция есть регистрация и законодательное закрепление тех завоеваний, которые уже добыты и обеспечены. Если мы не хотим исказить этот основной характер Конституции, мы не должны заполнять ее историческими справками о прошлом или декларациями о будущих завоеваниях трудящихся СССР. Для этого дела имеются у нас другие пути и другие документы.

Наконец, к третьей категории следует отнести такие поправки и дополнения, которые имеют прямое отношение к проекту Конституции.

Значительная часть поправок этой категории имеет редакционный характер. Поэтому их можно было бы передать в Редакционную комиссию настоящего Съезда, которую, я думаю, создаст Съезд, поручив ей установить окончательную редакцию текста новой Конституции.

Что касается остальных поправок третьей категории, то они имеют более существенное значение, и о них придется, по-моему, сказать здесь несколько слов.

1) Прежде всего о поправках к 1-ой статье проекта Конституции. Имеется четыре поправки. Одни предлагают вместо слов «государство рабочих и крестьян» сказать: «государство трудящихся». Другие предлагают к словам «государство рабочих и крестьян» добавить: «и трудовой интеллигенции». Третьи предлагают вместо слов «государство рабочих и крестьян» сказать: «государство всех рас и национальностей, населяющих территорию СССР». Четвертые предлагают слово «крестьян» заменить словом «колхозников» или словами: «трудящихся социалистического земледелия».

Следует ли принять эти поправки? Я думаю, что не следует.

О чем говорит 1-ая статья проекта Конституции? Она говорит о классовом составе советского общества. Можем ли мы, марксисты, обойти в Конституции вопрос о классовом составе нашего общества? Нет, не можем. Советское общество состоит, как известно, из двух классов, из рабочих и крестьян. Первая статья проекта Конституции об этом четко и говорит. Стало быть, 1-ая статья проекта Конституции правильно отображает классовый состав нашего общества. Могут спросить: а трудовая интеллигенция? Интеллигенция никогда не была и не может быть классом,— она была и остается прослойкой, рекрутирующей своих членов среди всех классов общества. В старое время интеллигенция рекрутировала своих членов среди дворян, буржуазии, отчасти среди крестьян и лишь в самой незначительной степени среди рабочих. В наше, советское время интеллигенция рекрутирует своих членов главным образом среди рабочих и крестьян. Но как бы она ни рекрутировалась и какой бы характер она ни носила, интеллигенция все же является прослойкой, а не классом.

Не ущемляет ли это обстоятельство прав трудовой интеллигенции? Нисколько! Первая статья проекта Конституции говорит не о правах различных слоев советского общества, а о классовом составе этого общества. О правах различных слоев советского общества, в том числе о правах трудовой интеллигенции, говорится главным образом в десятой и одиннадцатой главах проекта Конституции. Из этих глав явствует, что рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция совершенно равноправны во всех сферах хозяйственной, политической, общественной и культурной жизни страны. Стало быть, об ущемлении прав трудовой интеллигенции не может быть и речи.

То же самое надо сказать о нациях и расах, входящих в состав

СССР. Во второй главе проекта Конституции уже сказано, что СССР есть свободный союз равноправных наций. Стоит ли повторять эту формулу в первой статье проекта Конституции, трактующей не о национальном составе советского общества, а об его классовом составе? Ясно, что не стоит. Что касается прав наций и рас, входящих в состав СССР, то об этом говорится во второй, десятой и одиннадцатой главах проекта Конституции. Из этих глав явствует, что нации и расы СССР пользуются одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, политической, общественной и культурной жизни страны. Стало быть, не может быть и речи об ущемлении национальных прав.

Также неправильно было бы заменить слово «крестьянин» словом «колхозник» или словами «трудящийся социалистического земледелия». Во-первых, среди крестьян кроме колхозников имеются еще свыше миллиона дворов не-колхозников. Как быть с ними? Не думают ли авторы этой поправки сбросить их со счета? Это было бы неразумно. Во-вторых, если большинство крестьян стало вести колхозное хозяйство, то это еще не значит, что оно перестало быть крестьянством, что у него нет больше своего личного хозяйства, личного двора и т. д. В-третьих, пришлось бы тогда заменить также слово «рабочий» словами «труженик социалистической промышленности», чего, однако, авторы поправки почему-то не предлагают. Наконец, разве у нас уже исчезли класс рабочих и класс крестьян? А если они не исчезли, то стоит ли вычеркивать из лексикона установившиеся для них наименования? Авторы поправки, видимо, имеют в виду не настоящее, а будущее общество, когда классов уже не будет и когда рабочие и крестьяне превратятся в тружеников единого коммунистического общества. Они, стало быть, явным образом забегают вперед. Но при составлении Конституции надо исходить не из будущего, а из настоящего, из того, что уже есть. Конституция не может и не должна забегать вперед.

2) Далее идет поправка к 17-ой статье проекта Конституции. Поправка состоит в том, что предлагают исключить вовсе из проекта Конституции 17-ую статью, говорящую о сохранении за Союзными республиками права свободного выхода из СССР. Я думаю, что это предложение неправильно и потому не должно быть принято Съездом. СССР есть добровольный союз равноправных Союзных республик. Исключить из Конституции статью о праве свободного выхода из СССР, — значит нарушить добровольный характер этого союза. Можем ли мы пойти на этот шаг? Я думаю, что мы не можем и не должны идти на этот шаг. Говорят, что в СССР нет ни одной республики, которая хотела бы выйти из состава СССР, что ввиду этого статья 17-ая не имеет практического значения. Что у нас нет ни одной республики, которая хотела бы выйти из состава СССР, это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что мы не должны зафиксировать в Конституции право Союзных республик на свободный выход из СССР. В СССР нет также такой Союзной республики, которая хотела бы подавить другую Союзную республику. Но из этого вовсе не следует, что из Конституции СССР должна быть исключена статья, трактующая о равенстве прав Союзных республик.

3) Далее имеется предложение дополнить вторую главу проекта Конституции новой статьей, содержание которой сводится к тому, что автономные советские социалистические республики при достижении соответствующего уровня хозяйственного и культурного развития могут быть преобразованы в союзные советские социалистические республики. Можно ли принять это предложение? Я думаю, что не следует его принимать. Оно неправильно не только со стороны его содержания, но и со стороны его мотивов. Нельзя мотивировать перевод автоном-

ных республик в разряд союзных республик хозяйственной и культурной их зрелостью, также как нельзя мотивировать оставление той или иной республики в списке автономных республик ее хозяйственной или культурной отсталостью. Это был бы не марксистский, не ленинский подход. Татарская Республика, например, остается автономной, а Казахская Республика становится союзной, но это еще не значит, что Казахская Республика с точки зрения культурного и хозяйственного развития стоит выше, чем Татарская Республика. Дело обстоит как раз наоборот. То же самое надо сказать, например, об Автономной Республике Немцев Поволжья и о Киргизской Союзной Республике, из коих первая в культурном и хозяйственном отношении стоит выше, чем вторая, хотя и остается автономной республикой.

Каковы те признаки, наличие которых дает основание для перевода автономных республик в разряд союзных республик?

Их, этих признаков,— три.

Во-первых, необходимо, чтобы республика была окраинной, не окруженной со всех сторон территорией СССР. Почему? Потому что если за Союзной республикой сохраняется право выхода из Союза ССР, то необходимо, чтобы эта республика, ставшая Союзной, имела возможность логически и фактически поставить вопрос об ее выходе из СССР. А такой вопрос может поставить только такая республика, которая, скажем, граничит с каким-либо иностранным государством и, стало быть, не окружена со всех сторон территорией СССР. Конечно, у нас нет республик, которые бы фактически ставили вопрос о выходе из СССР. Но раз остается за Союзной республикой право выхода из СССР, то надо обставить дело так, чтобы это право не превращалось в пустую и бессмысленную бумажку. Возьмем, например, Балкирскую или Татарскую Республику. Допустим, что эти автономные республики перевели в разряд союзных республик. Могли ли бы они поставить вопрос логически и фактически о своем выходе из СССР? Нет, не могли бы. Почему? Потому что они со всех сторон окружены советскими республиками и областями и им, собственно говоря, некуда выходить из состава СССР. (Общий смех, аплодисменты.) Поэтому перевод таких республик в разряд союзных республик был бы неправильен.

Во-вторых, необходимо, чтобы национальность, давшая советской республике свое имя, представляла в республике более или менее компактное большинство. Взять, например, Крымскую Автономную Республику. Она является окраинной республикой, но крымские татары не имеют большинства в этой республике, наоборот,— они представляют там меньшинство. Стало быть, было бы неправильно и нелогично перевести Крымскую Республику в разряд союзных республик.

В-третьих, необходимо, чтобы республика была не очень маленькой в смысле количества ее населения, чтобы она имела населения, скажем, не меньше, а больше хотя бы миллиона. Почему? Потому что было бы неправильно предположить, что маленькая советская республика, имеющая минимальное количество населения и незначительную армию, могла рассчитывать на независимое государственное существование. Едва ли можно сомневаться, что империалистические хищники живо прибрали бы ее к рукам.

Я думаю, что без наличия этих трех объективных признаков было бы неправильно в настоящий исторический момент ставить вопрос о переводе той или иной автономной республики в разряд союзных республик.

4) Далее предлагают вычеркнуть в статьях 22-ой, 23-ей, 24-ой, 25-ой, 26-ой, 27-ой, 28-ой и 29-ой подробное перечисление администра-

тивно-территориального деления союзных республик на края и области. Я думаю, что это предложение также неприемлемо. В СССР имеются люди, которые готовы с большой охотой и безустали перекраивать края и области, внося этим путаницу и неуверенность в работе. Проект Конституции создает для этих людей узду. И это очень хорошо, потому что здесь, как и во многом другом, требуется у нас атмосфера уверенности, требуется стабильность, ясность.

5) Пятая поправка касается 33-ей статьи. Считают нецелесообразным создание двух палат и предлагают уничтожить Совет Национальностей. Я думаю, что эта поправка также неправильна. Однопалатная система была бы лучше двухпалатной, если бы СССР представлял единое национальное государство. Но СССР не есть единое национальное государство. СССР есть, как известно, многонациональное государство. У нас имеется верховный орган, где представлены **общие интересы** всех трудящихся СССР независимо от их национальности. Это — Совет Союза. Но у национальностей СССР кроме общих интересов имеются еще **свои особые, специфические** интересы, связанные с их национальными особенностями. Можно ли пренебрегать этими специфическими интересами? Нет, нельзя. Нужен ли специальный верховный орган, который бы отражал эти именно специфические интересы? Безусловно нужен. Не может быть сомнения, что без такого органа невозможно было бы управлять таким многонациональным государством, как СССР. Таким органом является вторая палата, Совет Национальностей СССР.

Ссылаются на парламентскую историю европейских и американских государств, ссылаются на то, что двухпалатная система в этих странах дала лишь минусы, что вторая палата вырождается обычно в центр реакции и в тормоз против движения вперед. Все это верно. Но это происходит потому, что в этих странах между палатами нет равенства. Как известно, второй палате дают нередко больше прав, чем первой, и затем, как правило, вторая палата организуется недемократическим путем, нередко путем назначения ее членов сверху. Несомненно, что этих минусов не будет, если провести равенство между палатами и вторую палату организовать так же демократически, как и первую.

6) Предлагают далее дополнение к проекту Конституции, требующее уравниения количества членов обеих палат. Я думаю, что это предложение можно было бы принять. Оно дает, по-моему, явные политические плюсы, так как подчеркивает равенство палат.

7) Далее идет дополнение к проекту Конституции, в силу которого предлагается выбирать депутатов в Совет Национальностей так же, как и в Совет Союза, путем прямых выборов. Я думаю, что это предложение также можно было бы принять. Правда, оно может создать некоторые технические неудобства при выборах. Но зато оно даст большой политический выигрыш, так как оно должно повысить авторитет Совета Национальностей.

8) Далее идет дополнение к статье 40-ой, в силу которого предлагается предоставить Президиуму Верховного Совета право издавать временные законодательные акты. Я думаю, что это дополнение неправильно и не должно быть принято Съездом. Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было. Законодательная власть в СССР должна осуществляться только одним органом, Верховным Советом СССР.

9) Далее предлагают дополнение к 48-ой статье проекта Конституции, в силу которого требуют, чтобы председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР избирался не Верховным Советом СССР, а всем населением страны. Я думаю, что это дополнение неправильно, ибо оно не соответствует духу нашей Конституции. По системе нашей Конституции в СССР не должно быть единоличного президента, избираемого всем населением, наравне с Верховным Советом, и могущего противопоставлять себя Верховному Совету. Президент в СССР коллективный,— это Президиум Верховного Совета, включая и председателя Президиума Верховного Совета, избираемый не всем населением, а Верховным Советом, и подотчетный Верховному Совету. Опыт истории показывает, что такое построение верховных органов является наиболее демократическим, гарантирующим страну от нежелательных случайностей.

10) Далее идет поправка к той же 48-ой статье. Она гласит: увеличить количество заместителей председателя Президиума Верховного Совета СССР до одиннадцати с тем, чтобы от каждой Союзной республики имелся один заместитель. Я думаю, что эту поправку можно было бы принять, ибо она улучшает дело и может лишь укрепить авторитет Президиума Верховного Совета СССР.

11) Далее идет поправка к статье 77-ой. Она требует организации нового общесоюзного народного комиссариата,— Наркомата Оборонной Промышленности. Я думаю, что эту поправку также следовало бы принять (аплодисменты), ибо назрело время для того, чтобы выделить нашу оборонную промышленность и дать ей соответствующее наркоматское оформление. Мне кажется, что это могло бы только улучшить дело обороны нашей страны.

12) Далее идет поправка к статье 124-ой проекта Конституции, требующая ее изменения в том направлении, чтобы запретить отправление религиозных обрядов. Я думаю, что эту поправку следует отвергнуть, как не соответствующую духу нашей Конституции.

13) Наконец, еще одна поправка, имеющая более или менее существенный характер. Я говорю о поправке к 135-ой статье проекта Конституции. Она предлагает лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общепольным трудом, или же, во всяком случае,— ограничить избирательные права лиц этой категории, дав им только право избирать, но не быть избранными. Я думаю, что эта поправка также должна быть отвергнута. Советская власть лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не на веки вечные, а временно, до известного периода. Было время, когда эти элементы вели открытую войну против народа и противодействовали советским законам. Советский закон о лишении их избирательного права был ответом Советской власти на это противодействие. С тех пор прошло немало времени. За истекший период мы добились того, что эксплуататорские классы уничтожены, а Советская власть превратилась в непобедимую силу. Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время. Говорят, что это опасно, так как могут пролезть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и т. д. Но чего тут собственно бояться? Волков бояться, в лес не ходить. (Веселое оживление в зале, бурные аплодисменты.) Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поста-

влена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили такой позор, если же наша агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы. Значит, надо работать, а не хныкать (**бурные аплодисменты**), надо работать, а не дожидаться того, что все будет предоставлено в готовом виде в порядке административных распоряжений. Ленин еще в 1919 году говорил, что недалеко то время, когда Советская власть сочтет полезным ввести всеобщее избирательное право без всяких ограничений. Обратите внимание: **без всяких ограничений**. Это он говорил в то время, когда иностранная военная интервенция не была еще ликвидирована, а наша промышленность и сельское хозяйство находились в отчаянном положении. С тех пор прошло уже 17 лет. Не пора ли, товарищи, выполнить указание Ленина? Я думаю, что пора.

Вот что говорил Ленин в 1919 году в своем труде «Проект программы РКП(б)». Разрешите зачитать:

«Р.К.П. должна разъяснять трудящимся массам, во избежание неправильного обобщения переходящих исторических надобностей, что лишение избирательных прав части граждан отнюдь не касается в Советской республике, как это бывало в большинстве буржуазно-демократических республик, определенного разряда граждан, пожизненно объявляемых бесправными, а относится только к эксплуататорам, только к тем, кто вопреки основным законам социалистической Советской республики упорствует в отстаивании своего эксплуататорского положения, в сохранении капиталистических отношений. Следовательно, в Советской республике, с одной стороны, с каждым днем укрепления социализма и сокращения числа тех, кто имеет объективно возможность оставаться эксплуататором или сохранять капиталистические отношения, уменьшается само собою процент лишаемых избирательного права. Едва ли теперь в России этот процент больше чем два, три процента. С другой стороны, в самом недалеком будущем прекращение внешнего нашествия и довершение экспроприации экспроприаторов может, при известных условиях, создать положение, когда пролетарская государственная власть изберет другие способы подавления сопротивления эксплуататоров и введет всеобщее избирательное право **без всяких ограничений**» (Ленин, т. XXIV, стр. 94. Издание Партиздата. 1935 год).

Кажется, ясно.

Так обстоит дело с поправками и добавлениями к проекту Конституции СССР.

VI. Значение новой Конституции СССР.

Судя по результатам всенародного обсуждения, длившегося почти 5 месяцев, можно предположить, что проект Конституции будет одобрен настоящим Съездом. (**Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Зал встает.**)

Через несколько дней Советский Союз будет иметь новую, социалистическую Конституцию, построенную на началах развернутого социалистического демократизма.

Это будет исторический документ, трактующий просто и сжато, почти в протокольном стиле, о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР от капиталистического рабства, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии.

Это будет документ, свидетельствующий о том, что то, о чем мечтали и продолжают мечтать миллионы честных людей в капиталистических странах, — уже осуществлено в СССР. **(Бурные аплодисменты.)**

Это будет документ, свидетельствующий о том, что то, что осуществлено в СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах. **(Бурные аплодисменты.)**

Но из этого следует, что международное значение новой Конституции СССР едва ли может быть переоценено.

Теперь, когда мутная волна фашизма оплевывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира, новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы. **(Аплодисменты.)** Новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства. **(Бурные аплодисменты.)**

Еще большее значение имеет новая Конституция СССР для народов СССР. Если для народов капиталистических стран Конституция СССР будет иметь значение программы действий, то для народов СССР она имеет значение итога их борьбы, итога их побед на фронте освобождения человечества. В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. **(Продолжительные аплодисменты.)** Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма. **(Бурная овация. Весь зал встает. Громовое «ура». Общие возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!» С'езд стоя поет «Интернационал». После исполнения «Интернационала» овация возобновляется. Крики: «Ура!», «Да здравствует наш вождь товарищ Сталин!»)**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

**Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских
Социалистических Республик**

Об утверждении Конституции (Основного Закона)

**Союза Советских Социалистических
Республик**

Чрезвычайный VIII Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

Проект Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик в редакции, представленной Редакционной Комиссией Съезда, утвердить.

Президиум Съезда

Москва, Кремль.
5 декабря 1936 г.

КОНСТИТУЦИЯ

(Основной Закон)

Союза Советских Социалистических Республик

ГЛАВА I

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Статья 1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

Статья 2. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.

Статья 3. Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

Статья 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком.

Статья 5. Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений).

Статья 6. Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то-есть всенародным достоянием.

Статья 7. Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их общественные постройки составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций.

Каждый колхозный двор, кроме основного дохода от общественного колхозного хозяйства, имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь — согласно устава сельскохозяйственной артели.

Статья 8. Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то-есть навечно.

Статья 9. Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда.

Статья 10. Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом.

Статья 11. Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

Статья 12. Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способности, каждому — по его труду».

ГЛАВА II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

Статья 13. Союз Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик:

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,

Украинской Советской Социалистической Республики,

Белорусской Советской Социалистической Республики,

Азербайджанской Советской Социалистической Республики,

Грузинской Советской Социалистической Республики,

Армянской Советской Социалистической Республики,

Туркменской Советской Социалистической Республики,

Узбекской Советской Социалистической Республики,

Таджикской Советской Социалистической Республики,

Казахской Советской Социалистической Республики,

Киргизской Советской Социалистической Республики.

Статья 14. Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат:

а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами;

б) вопросы войны и мира;

в) принятие в состав СССР новых республик;

г) контроль за исполнением Конституции СССР и обеспеченне соответствия Конституций союзных республик с Конституцией СССР;

д) утверждение изменений границ между союзными республиками;

е) утверждение образования новых краев и областей, а также новых автономных республик в составе союзных республик;

ж) организация обороны СССР и руководство всеми вооруженными силами СССР;

- з) внешняя торговля на основе государственной монополии;
- п) охрана государственной безопасности;
- к) установление народнохозяйственных планов СССР;
- л) утверждение единого государственного бюджета СССР, а также налогов и доходов, поступающих на образование бюджетов союзного, республиканских и местных;
- м) управление банками, промышленными и сельскохозяйственными учреждениями и предприятиями, а также торговыми предприятиями — общесоюзного значения;
- н) управление транспортом и связью;
- о) руководство денежной и кредитной системой;
- п) организация государственного страхования;
- р) заключение и предоставление займов;
- с) установление основных начал землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами;
- т) установление основных начал в области просвещения и здравоохранения;
- у) организация единой системы народнохозяйственного учета;
- ф) установление основ законодательства о труде;
- х) законодательство о судостроительстве и судопроизводстве; уголовный и гражданский кодексы;
- ц) законы о союзном гражданстве; законы о правах иностранцев;
- ч) издание общесоюзных актов об амнистии.

Статья 15. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик.

Статья 16. Каждая Союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР.

Статья 17. За каждой Союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР.

Статья 18. Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия.

Статья 19. Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик.

Статья 20. В случае разхождения закона Союзной республики с законом общесоюзным, действует общесоюзный закон.

Статья 21. Для граждан СССР устанавливается единое союзное гражданство.

Каждый гражданин Союзной республики является гражданином СССР.

Статья 22. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из краев: Азово-Черноморского, Дальне-Восточного, Западно-Сибирского, Красноярского, Северо-Кавказского; областей: Воронежской, Восточно-Сибирской, Горьковской, Западной, Ивановской, Калининской, Кировской, Куйбышевской, Курской, Ленинградской, Московской, Омской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Северной, Сталинградской, Челябинской, Ярославской; автономных советских социалистических республик: Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Карельской, Коми, Крымской, Марийской, Мордовской, Немцев Поволжья, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Чувашской, Якут-

ской: автономных областей: Адыгейской, Еврейской, Карачаевской, Ойротской, Хакаской, Черкесской.

Статья 23. Украинская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Киевской, Одесской, Харьковской, Черниговской и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики.

Статья 24. В Азербайджанской Советской Социалистической Республике состоят Нахичеванская Автономная Советская Социалистическая Республика и Нагорно-Карабахская автономная область.

Статья 25. В Грузинской Советской Социалистической Республике состоят: Абхазская АССР, Аджарская АССР, Юго-Осетинская автономная область.

Статья 26. В Узбекской Советской Социалистической Республике состоит Кара-Калпакская АССР.

Статья 27. В Таджикской Советской Социалистической Республике состоит Горно-Бадахшанская автономная область.

Статья 28. Казахская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Южно-Казахстанской.

Статья 29. Армянская ССР, Белорусская ССР, Туркменская ССР и Киргизская ССР не имеют в своем составе автономных республик, равно как краев и областей.

ГЛАВА III

ВЫСНИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Статья 30. Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР.

Статья 31. Верховный Совет СССР осуществляет все права, присвоенные Союзу Советских Социалистических Республик согласно статьи 14 Конституции, поскольку они не входят, в силу Конституции, в компетенцию подотчетных Верховному Совету СССР органов СССР: Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Народных Комиссариатов СССР.

Статья 32. Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР.

Статья 33. Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей.

Статья 34. Совет Союза избирается гражданами СССР по избирательным округам по норме: один депутат на 300 тысяч населения.

Статья 35. Совет Национальностей избирается гражданами СССР по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: по 25 депутатов от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа.

Статья 36. Верховный Совет СССР избирается сроком на четыре года.

Статья 37. Обе палаты Верховного Совета СССР: Совет Союза и Совет Национальностей равноправны.

Статья 38. Совету Союза и Совету Национальностей в одинаковой мере принадлежит законодательная инициатива.

Статья 39. Закон считается утвержденным, если он принят обеими палатами Верховного Совета СССР простым большинством каждой.

Статья 40. Законы, принятые Верховным Советом СССР, публикуются на языках союзных республик за подписями председателя и секретаря Президиума Верховного Совета СССР.

Статья 41. Сессии Совета Союза и Совета Национальностей начинаются и заканчиваются одновременно.

Статья 42. Совет Союза избирает председателя Совета Союза и двух его заместителей.

Статья 43. Совет Национальностей избирает председателя Совета Национальностей и двух его заместителей.

Статья 44. Председатели Совета Союза и Совета Национальностей руководят заседаниями соответствующих палат и ведают их внутренним распорядком.

Статья 45. Совместные заседания обеих палат Верховного Совета СССР ведут поочередно председатели Совета Союза и Совета Национальностей.

Статья 46. Сессии Верховного Совета СССР созываются Президиумом Верховного Совета СССР два раза в год.

Внеочередные сессии созываются Президиумом Верховного Совета СССР по его усмотрению или по требованию одной из союзных республик.

Статья 47. В случае разногласия между Советом Союза и Советом Национальностей вопрос передается на разрешение согласительной комиссии, образованной на паритетных началах. Если согласительная комиссия не приходит к согласному решению или если ее решение не удовлетворяет одну из палат, вопрос рассматривается вторично в палатах. При отсутствии согласного решения двух палат, Президиум Верховного Совета СССР распускает Верховный Совет СССР и назначает новые выборы.

Статья 48. Верховный Совет СССР избирает на совместном заседании обеих палат Президиум Верховного Совета СССР в составе: председателя Президиума Верховного Совета СССР, одиннадцати его заместителей, секретаря Президиума и 24 членов Президиума.

Президиум Верховного Совета СССР подотчетен Верховному Совету СССР во всей своей деятельности.

Статья 49. Президиум Верховного Совета СССР:

- а) созывает сессии Верховного Совета СССР;
- б) дает толкование действующих законов СССР, издает указы;
- в) распускает Верховный Совет СССР на основании 47 статьи Конституции СССР и назначает новые выборы;
- г) производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик;
- д) отменяет постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных республик в случае их несоответствия закону;
- е) в период между сессиями Верховного Совета СССР освобождает от должности и назначает отдельных Народных Комиссаров СССР по представлению председателя Совета Народных Комиссаров СССР с последующим внесением на утверждение Верховного Совета СССР;
- ж) награждает орденами и присваивает почетные звания СССР;
- з) осуществляет право помилования;
- и) назначает и сменяет высшее командование вооруженных сил СССР;

к) в период между сессиями Верховного Совета СССР объявляет состояние войны в случае военного нашествия на СССР или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии;

л) объявляет общую и частичную мобилизацию;

м) ратифицирует международные договоры;

н) назначает и отзывает полномочных представителей СССР в иностранных государствах;

о) принимает верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей иностранных государств.

Статья 50. Совет Союза и Совет Национальностей избирают мандатные комиссии, которые проверяют полномочия депутатов каждой палаты.

По представлению мандатной комиссии палаты решают либо признать полномочия, либо кассировать выборы отдельных депутатов.

Статья 51. Верховный Совет СССР назначает, когда он сочтет необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу. Все учреждения и должностные лица обязаны выполнять требования этих комиссий и представлять им необходимые материалы и документы.

Статья 52. Депутат Верховного Совета СССР не может быть привлечен к судебной ответственности или арестован без согласия Верховного Совета СССР, а в период, когда нет сессии Верховного Совета СССР, — без согласия Президиума Верховного Совета СССР.

Статья 53. По истечении полномочий или после досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР сохраняет свои полномочия вплоть до образования вновь избранным Верховным Советом СССР нового Президиума Верховного Совета СССР.

Статья 54. По истечении полномочий или в случае досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР назначает новые выборы в срок не более двух месяцев со дня истечения полномочий или роспуска Верховного Совета СССР.

Статья 55. Вновь избранный Верховный Совет СССР созывается Президиумом Верховного Совета СССР прежнего состава не позже, как через месяц после выборов.

Статья 56. Верховный Совет СССР образует на совместном заседании обеих палат Правительство СССР — Совет Народных Комиссаров СССР.

ГЛАВА IV

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Статья 57. Высшим органом государственной власти Союзной республики является Верховный Совет Союзной республики.

Статья 58. Верховный Совет Союзной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года.

Нормы представительства устанавливаются Конституциями союзных республик.

Статья 59. Верховный Совет Союзной республики является единственным законодательным органом республики.

Статья 60. Верховный Совет Союзной республики:

а) принимает Конституцию республики и вносит в нее изменения в соответствии со статьей 16 Конституции СССР;

б) утверждает Конституции находящихся в ее составе автономных республик и определяет границы их территории;

в) утверждает народнохозяйственный план и бюджет республики;

г) пользуется правом амнистии и помилования граждан, осужденных судебными органами Союзной республики.

Статья 61. Верховный Совет Союзной республики избирает Президиум Верховного Совета Союзной республики в составе: председателя Президиума Верховного Совета Союзной республики, его заместителей, секретаря Президиума и членов Президиума Верховного Совета Союзной республики.

Полномочия Президиума Верховного Совета Союзной республики определяются Конституцией Союзной республики.

Статья 62. Для ведения заседаний Верховный Совет Союзной республики избирает своего председателя и его заместителей.

Статья 63. Верховный Совет Союзной республики образует Правительство Союзной республики — Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА V

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Статья 64. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союза Советских Социалистических Республик является Совет Народных Комиссаров СССР.

Статья 65. Совет Народных Комиссаров СССР ответственен перед Верховным Советом СССР и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Совета — перед Президиумом Верховного Совета СССР, которому подотчетен.

Статья 66. Совет Народных Комиссаров СССР издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и проверяет исполнение.

Статья 67. Постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР обязательны к исполнению на всей территории СССР.

Статья 68. Совет Народных Комиссаров СССР:

а) объединяет и направляет работу общесоюзных и союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР и других подведомственных ему хозяйственных и культурных учреждений;

б) принимает меры по осуществлению народнохозяйственного плана; государственного бюджета и укреплению кредитно-денежной системы;

в) принимает меры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан;

г) осуществляет общее руководство в области сношений с иностранными государствами;

д) определяет ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу, руководит общим строительством вооруженных сил страны;

е) образует, в случае необходимости, специальные Комитеты и Главные Управления при Совете Народных Комиссаров СССР по делам хозяйственного, культурного и оборонного строительства.

Статья 69. Совет Народных Комиссаров СССР имеет право по отраслям управления и хозяйства, отнесенным к компетенции СССР, приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров Союзных республик и отменять приказы и инструкции Народных Комиссаров СССР.

Статья 70. Совет Народных Комиссаров СССР образуется Верховным Советом СССР в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров СССР;
Заместителей председателя Совета Народных Комиссаров СССР;
Председателя Государственной плановой комиссии СССР;
Председателя Комиссии советского контроля;
Народных Комиссаров СССР;
Председателя Комитета заготовок;
Председателя Комитета по делам искусств;
Председателя Комитета по делам высшей школы.

Статья 71. Правительство СССР или Народный Комиссар СССР, к которым обращен запрос депутата Верховного Совета СССР, обязаны не более чем в трехдневный срок дать устный или письменный ответ в соответствующей палате.

Статья 72. Народные Комиссары СССР руководят отраслями государственного управления, входящими в компетенцию СССР.

Статья 73. Народные Комиссары СССР издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяют их исполнение.

Статья 74. Народные Комиссариаты СССР являются или общесоюзными или союзно-республиканскими.

Статья 75. Общесоюзные Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления на всей территории СССР или непосредственно или через назначаемые ими органы.

Статья 76. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления, как правило, через одноименные Народные Комиссариаты союзных республик и управляют непосредственно лишь определенным ограниченным числом предприятий по списку, утверждаемому Президиумом Верховного Совета СССР.

Статья 77. К общесоюзным Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Обороны;
Иностранных дел;
Внешней торговли;
Путей сообщения;
Связи;
Водного транспорта;
Тяжелой промышленности;
Оборонной промышленности.

Статья 78. К союзно-республиканским Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Пищевой промышленности;
Легкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;
Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли;
Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения.

ГЛАВА VI

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Статья 79. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союзной республики является Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

Статья 80. Совет Народных Комиссаров Союзной республики ответствен перед Верховным Советом Союзной республики и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Совета Союзной республики — перед Президиумом Верховного Совета Союзной республики, которому подотчетен.

Статья 81. Совет Народных Комиссаров Союзной республики издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяет их исполнение.

Статья 82. Совет Народных Комиссаров Союзной республики имеет право приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров автономных республик и отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся краев, областей и автономных областей.

Статья 83. Совет Народных Комиссаров Союзной республики образуется Верховным Советом Союзной республики в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров Союзной республики;

Заместителей председателя;

Председателя Государственной плановой комиссии;

Народных Комиссаров:

Пищевой промышленности;

Легкой промышленности;

Лесной промышленности;

Земледелия;

Зерновых и животноводческих совхозов;

Финансов;

Внутренней торговли;

Внутренних дел;

Юстиции;

Здравоохранения;

Просвещения;

Местной промышленности;

Коммунального хозяйства;

Социального обеспечения;

Уполномоченного Комитета заготовок;

Начальника Управления по делам искусств;

Уполномоченных общесоюзных Народных Комиссариатов.

Статья 84. Народные Комиссары Союзной республики руководят отраслями государственного управления, входящими в компетенцию Союзной республики.

Статья 85. Народные Комиссары Союзной республики издадут в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и Союзной республики, приказов и инструкций союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР.

Статья 86. Народные Комиссариаты Союзной республики являются союзно-республиканскими или республиканскими.

Статья 87. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь как Совету Народных Комиссаров Союзной республики, так и соответствующему союзно-республиканскому Народному Комиссариату СССР.

Статья 88. Республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь непосредственно Совету Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА VII

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ АВТОНОМНЫХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Статья 89. Высшим органом государственной власти Автономной республики является Верховный Совет АССР.

Статья 90. Верховный Совет Автономной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года по нормам представительства, устанавливаемым Конституцией Автономной республики.

Статья 91. Верховный Совет Автономной республики является единственным законодательным органом АССР.

Статья 92. Каждая Автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности Автономной республики и построенную в полном соответствии с Конституцией Союзной республики.

Статья 93. Верховный Совет Автономной республики избирает Президиум Верховного Совета Автономной республики и образует Совет Народных Комиссаров Автономной республики, согласно своей Конституции.

ГЛАВА VIII

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Статья 94. Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах (станциях, деревнях, хуторах, кишлаках, аулах) являются Советы депутатов трудящихся.

Статья 95. Краевые, областные, автономных областей, окружные, районные, городские, сельские (станций, деревень, хуторов, кишлаков, аулов) Советы депутатов трудящихся избираются соответственно трудящимися края, области, автономной области, округа, района, города, села сроком на два года.

Статья 96. Нормы представительства в Советы депутатов трудящихся определяются Конституциями союзных республик.

Статья 97. Советы депутатов трудящихся руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан, руководят местным хозяйственным и культурным строительством, устанавливают местный бюджет.

Статья 98. Советы депутатов трудящихся принимают решения и дают распоряжения в пределах прав, предоставленных им законами СССР и Союзной республики.

Статья 99. Исполнительными и распорядительными органами краевых, областных, автономных областей, окружных, районных, городских и сельских Советов депутатов трудящихся являются избираемые ими исполнительные комитеты в составе: председателя, его заместителей, секретаря и членов.

Статья 100. Исполнительным и распорядительным органом сельских Советов депутатов трудящихся в небольших поселениях, в соответствии с Конституциями союзных республик, являются избираемые ими председатель, его заместитель и секретарь.

Статья 101. Исполнительные органы Советов депутатов трудящихся непосредственно подотчетны как Совету депутатов трудящихся, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся.

ГЛАВА IX

СУД И ПРОКУРАТУРА

Статья 102. Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами.

Статья 103. Рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом.

Статья 104. Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

Статья 105. Верховный Суд СССР и специальные суды СССР избираются Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

Статья 106. Верховные Суды союзных республик избираются Верховными Советами союзных республик сроком на пять лет.

Статья 107. Верховные Суды автономных республик избираются Верховными Советами автономных республик сроком на пять лет.

Статья 108. Краевые и областные суды, суды автономных областей, окружные суды избираются краевыми, областными или окружными Советами депутатов трудящихся или Советами депутатов трудящихся автономных областей сроком на пять лет.

Статья 109. Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании — сроком на три года.

Статья 110. Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

Статья 111. Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

Статья 112. Судьи независимы и подчиняются только закону.

Статья 113. Высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учрежде-

ниями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Прокурора СССР.

Статья 114. Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на семь лет.

Статья 115. Республиканские, краевые, областные прокуроры, а также прокуроры автономных республик и автономных областей назначаются Прокурором СССР сроком на пять лет.

Статья 116. Окружные, районные и городские прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет.

Статья 117. Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР.

ГЛАВА X

ОСНОВНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН

Статья 118. Граждане СССР имеют право на труд, то-есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

Статья 119. Граждане СССР имеют право на отдых.

Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

Статья 120. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также — в случае болезни и потери трудоспособности.

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящихся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов.

Статья 121. Граждане СССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобщим-обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся.

Статья 122. Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сети родильных домов, детских ясель и садов.

Статья 123. Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом.

Статья 124. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

Статья 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

- а) свобода слова,
- б) свобода печати,
- в) свобода собраний и митингов,
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

Статья 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

Статья 127. Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

Статья 128. Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом.

Статья 129. СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу.

Статья 130. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

Статья 131. Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

Статья 132. Всеобщая воинская обязанность является законом.

Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР.

Статья 133. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.

ГЛАВА XI

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

Статья 134. Выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, краевые и областные Советы депутатов трудящихся, Верховные Советы автономных республик, Советы депутатов трудящихся автономных областей, окружные, районные, городские и сельские (станции, деревни, хутора, кишлака, аула) Советы депутатов трудящихся, — производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Статья 135. Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

Статья 136. Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет один голос; все граждане участвуют в выборах на равных основаниях.

Статья 137. Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

Статья 138. Граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

Статья 139. Выборы депутатов являются прямыми: выборы во все Советы депутатов трудящихся, начиная от сельского и городского Совета депутатов трудящихся вплоть до Верховного Совета СССР, производятся гражданами непосредственно путем прямых выборов.

Статья 140. Голосование при выборах депутатов является тайным.

Статья 141. Кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам.

Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами.

Статья 142. Каждый депутат обязан отчетываться перед избирателями в своей работе и в работе Совета депутатов трудящихся и может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке.

ГЛАВА XII

ГЕРБ, ФЛАГ, СТОЛПЦА

Статья 143. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями, с надписью на языках союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Наверху герба имеется пятиконечная звезда.

Статья 144. Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик состоит из красного полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение ширины к длине 1:2.

Статья 145. Столицею Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.

ГЛАВА XIII

ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ

Статья 146. Изменение Конституции СССР производится лишь по решению Верховного Совета СССР, принятому большинством не менее $\frac{2}{3}$ голосов в каждой из его палат.

ПРЕЗИДИУМ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ СОЮЗА ССР

Н. АЙТАКОВ	М. КАЛИНИН	П. ПОСТЫШЕВ
И. АКУЛОВ	А. КИСЕЛЕВ	А. РАХИМБАЕВ
А. АНДРЕЕВ	С. КОСИОР	Я. РУДЗУТАК
Ю. АХУН-БАБАЕВ	М. ЛИТВИНОВ	И. СТАЛИН
В. БЛЮХЕР	П. ЛЮБЧЕНКО	Д. СУЛИМОВ
С. БУДЕННЫЙ	А. МИКОЯН	Н. ХРУЩЕВ
К. ВОРОШИЛОВ	В. МОЛОТОВ	А. ЧЕРВЯКОВ
Н. ЕЖОВ	Г. МУСАБЕКОВ	В. ЧУБАРЬ
А. ЖДАНОВ	Г. ОРДЖОНИКИДЗЕ	Н. ШВЕРНИК
Л. КАГАНОВИЧ	Г. ПЕТРОВСКИЙ	Р. ЭЙХЕ

О предмете политической экономии и ее преподавании

Вряд ли есть надобность доказывать теперь кому-либо исключительное значение политической экономии в деле изучения общественных наук и воспитания марксистско-ленинского мировоззрения.

Политическая экономия имеет выдающееся значение не только для развития теоретической нашей работы, но и для всей практики социалистического строительства. «Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народно-хозяйственным планом...», — гласит статья 11-я сталинской Конституции советского государства. Теоретической же основой социалистического народно-хозяйственного плана является марксистско-ленинская политическая экономия.

И недаром эта наука, которая — по понятным причинам — в царской России усердно изгонялась и фальсифицировалась, занимает такое серьезное место во всей системе нашей научной работы, подготовки кадров и партийной пропаганде. Тем более важное значение приобретает правильная постановка изучения и преподавания политической экономии. В этой области, однако, имеются серьезнейшие недостатки и извращения.

Преподавание политической экономии поставлено у нас неправильно. Неправильными являются и самая структура курса политической экономии, и построение программ и учебников, и характер преподавания. Необходима серьезная перестройка. Недаром этот вопрос был предметом обсуждения ЦК ВКП(б), который вынес по этому поводу специальное решение.

В чем коренной дефект постановки преподавания политической экономии? Он кроется прежде всего в неправильном понимании или, быть может, при правильном понимании в неправильном отображении в программах и учебниках предмета политической экономии, ее объема и содержания. В программах и учебниках по политической экономии дается главным образом анализ капиталистического способа производства, рассматривается империализм, как высшая стадия капитализма — и все. Иногда в «благотворительном порядке», в виде не относящихся к программе и курсу вопросов даются и кое-какие сухие сведения о докапиталистических формациях. В конце же курса или по отдельным его разделам проводятся параллели, сопоставления и противопоставления социалистической системы хозяйства с капиталистической. Но эти вопросы в курсе политической экономии занимают незначительное место.

Правильно ли такое построение программ и учебников политической экономии?

Разумеется, нет. Это ясно всякому, кто серьезно подумает над указаниями по этому вопросу основоположников марксизма-ленинизма.

Как известно, Энгельс писал, что «политическая экономия, в широком смысле слова, есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческих обществах»¹, а не только в капиталистическом обществе. Это указание Энгельса имел в виду Владимир Ильич Ленин в замечаниях на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода». В этой работе Н. И. Бухариным была дана совершенно неправильная трактовка предмета политической экономии. У Бухарина в его «Экономике переходного периода» написано: «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т. е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве...».

В этой тираде допущен ряд специфически бухаринских ошибок. В. И. Ленин написал против этого места: «Две неверности: 1) определение шаг назад против Энгельса; 2) товарное производство есть тоже «организованное» хозяйство»². Еще важнее для понимания вопроса о предмете политической экономии следующее замечание Владимира Ильича. У Бухарина написано: «Таким образом, конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии». Сказано прямо и категорически. В. И. Ленин не менее категорически написал против этого места: «неверно». Яснее сказать нельзя. И дальше В. И. Ленин поясняет: «Даже в чистом коммунизме, хотя бы отношение $IV + m$ к III ? и накопление?» (это известные соотношения марксовской схемы воспроизводства).

Из этих замечаний совершенно ясно, что трактовать политическую экономию как науку о капиталистической системе хозяйства и только — значит трактовать ее неправильно, не так, как понимали и требовали Маркс, Энгельс, Ленин.

У В. И. Ленина есть и более непосредственные указания на то, каким должен быть учебник, а тем самым и курс политической экономии. Он писал, что политическая экономия есть наука «о развивающихся исторически укладах общественного производства»³. Следовательно, ограничивать ее анализом капиталистического производства неправильно. Анализ капиталистического производства — только часть политической экономии, очень важная и большая часть, но не вся политическая экономия. К тому же капиталистическая система не может рассматриваться как нечто застывшее и неподвижное. Капиталистическая система должна изучаться в ее возникновении, развитии и гибели.

Неправильная постановка вопроса о предмете политической экономии, отразившаяся в программах и учебниках, усугубляется другой грубейшей ошибкой, свойственной постановке преподавания политической экономии, а именно — разрывом с основными требованиями марксистско-ленинского метода, разрывом с историей.

Некоторые экономисты, рассуждая о том, как нужно преподавать политическую экономию, договаривались до того, что объявляли историю, как это ни странно, вредной. Вот одно курьезное, довольно давнишнее, но характерное заявление на сей счет: «Если исторические факты являются частью теории (как 24-я глава «Капитала»), если ими аргументируют и доказывают теоретическое положение, то они не

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 104. Партиздат, 1936.

² «Ленинский сборник» XI, стр. 49.

³ В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 371.

только допустимы, но необходимы. Если же теория в них не нуждается (?!) или не нуждается, по крайней мере, на данной стадии ее развития,— то они могут принести, и обычно приносят, только вред: получается уклон в историю, в описание, теория же разрывается, лишается своей внутренней цельности»¹.

Откуда такая нелюбовь и даже вражда к истории, к преступному «уклону в историю»? В цитированной статье история признается терпимой только в 24-й главе I тома «Капитала» (тут уж ничего не поделаешь!), а в остальном история объявляется вредной, якобы нарушающей цельность экономической теории. Экономистам, боящимся замарать чистые ризы теоретической политической экономии «конкретикой» исторического развития, полезно напомнить хотя бы следующие слова Маркса и Энгельса, относящиеся еще к тому периоду, когда они выковыряли в огне критической борьбы острое, всепобеждающее оружие диалектического материализма. Способ рассматривания, соответствующий действительной жизни, писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», «исходит из действительных предпосылок, ни на миг не покидая их. Предпосылками его являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и неподвижности, а в своем действительном, наблюдаемом на опыте процессе развития в определенных условиях. Когда изображается этот действительный процесс жизни, история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, как у идеалистов»².

Беспощадно громя идеализм и метафизику во всех их проявлениях, Маркс и Энгельс формулируют основы своего единственно научного метода, смело разрешающего кажущееся идеалистам непримиримым противоречие между конкретным и абстрактным, между логическим и историческим:

«С того, перед чем умозрение останавливается, т. е. с действительной жизни, как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Прекращаются фразы о сознании, их место должно занять действительное знание. Изображение действительности лишает самостоятельную философию среды, в которой она может существовать. В крайнем случае ее может заменить совокупность наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Абстракции эти сами по себе, обособленные от реальной истории, ничего не стоят. Они могут послужить лишь тому, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев. Но, в отличие от философии, они отнюдь не дают рецепта или схемы, к которым можно подогнать исторические эпохи. Наоборот, трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала — минувшей ли эпохи или современности,— когда принимаются за его действительное изображение»³.

Маркс и Энгельс едко издевались над буржуазной наукой, неспособной связать реальное историческое развитие и его научное познание, конкретное и абстрактное, логическое и историческое. «Неуклю-

¹ Сборник «Вопросы преподавания экономических дисциплин». Статья Д. Розенберга, стр. 25. Главполитпросвет, 1927.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 17.

³ Там же, стр. 17—18.

жая кляча обыденного буржуазного разума растерянно останавливается перед рвом, отделяющим сущность от явления, причину от следствия»,— язвительно писал Энгельс о сокрушительной для буржуазной науки «К критике политической экономии» Маркса¹.

Фридрих Энгельс показывает, что логический метод исследования в марксистском понимании есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей. Логический ход мыслей должен начать с того, с чего начинается и история, и его дальнейшее развитие представляет собой не что иное, как отражение, в абстрактной и теоретически последовательной форме, исторического процесса— исправленное отражение, но исправленное соответственно законам, которым нас учит сама историческая действительность, ибо логический способ исследования дает возможность изучить всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме.

Все это совсем не похоже на присущую некоторым нашим преподавателям и авторам программ и учебников политической экономии «боязнь» истории, стремление оторвать изучение экономики от реального процесса исторического развития общественных формаций.

В приведенной выше выдержке из старого сборника материалов о преподавании политической экономии своеобразный «антиисторический» уклон экономистов выражен особенно резко. К сожалению, подобным тенденциям не чужда и более поздняя практика преподавания политической экономии.

Разве в сравнительно новых программах и учебниках чувствуется, что политическая экономия— наука общественно-историческая, как понимали ее Маркс и Ленин, наука о «развивающихся исторически укладах общественного производства»? В существующих программах, правда, не в такой грубой форме, как в цитированном сборнике, но в достаточно сильной мере отображена та же, насквозь неправильная установка. Между тем Маркс и Ленин отнюдь не считали, что история «мешает» экономической теории, «нарушает ее цельность». Владимир Ильич, между прочим, на весьма конкретном примере о функциях денег показал, какое место должна занимать история в курсе политэкономии. Как известно, у Маркса вопрос о функциях денег, об их развитии поставлен исторически, но в «опытных руках» некоторых наших преподавателей и авторов учебников этот вопрос превращается в чистейшую схоластику.

В. И. Ленин, указывая, как вопрос о функциях денег должен освещаться в учебнике, пишет: «...Теоретический анализ этих функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что действительно происходило в историческом развитии человечества»².

Вот наглядный пример того соотношения теории и истории в преподавании политической экономии, которому В. И. Ленин придавал очень большое значение.

«Отнесение, напр., различных функций денег к различным периодам экономического развития,— писал Владимир Ильич,— наглядно показывает учащемуся, что теоретический анализ этих функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что действительно происходило в историческом развитии человечества. Представление об отдельных, исторически-

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 10. Партиздат, 1932.

² В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 372.

определенных, укладах общественного хозяйства получается более цельное. А ведь вся задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы; вся задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что с вопросами экономической науки самым непосредственным образом связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни»¹.

Вот как нужно строить учебник политической экономии и как нужно ее преподавать. Нельзя превращать преподавание политической экономии в пустое мудрствование, в схоластическую игру понятиями, в совокупность тощих абстракций, нужно ее преподавать так, как этого требуют Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Нужно преподавать ее в живом развитии, на основе исторического материала. Нужно показать действительное развитие общественных формаций, их экономические законы, их смену в ожесточенной борьбе.

Вопросы социалистического хозяйства, вопросы коммунизма не включаются в курс политической экономии как его самостоятельная составная часть. До сих пор в учебниках и программах политэкономии этим важнейшим вопросам отводилась или маленькая отдельная глава или небольшие параграфы различных глав для противопоставления и сопоставления с капиталистической системой хозяйства. Как это ни странно, социалистическое хозяйство не получило права гражданства в курсе политической экономии, хотя, как известно, в СССР построен в основном социализм! Анализа социалистической системы хозяйства, которая в результате Великой Октябрьской социалистической революции, в огне и буре ожесточенной классовой борьбы пришла на смену капитализму, которая представляет собою новую общественную формацию, высшее достижение человеческого общества в его развитии — всего этого не было в программах и учебниках политической экономии. Куда годится курс политической экономии, рассказывающий о капитализме, но не показывающий, не анализирующий тот строй, который в революционной борьбе должен прийти и пришел в нашей стране на смену капитализму?

В существующих курсах вопросы социалистического хозяйства не включались в политическую экономию как ее завершающая часть, а выделялись в особую, недостаточно ясную «дисциплину»: «экономическая политика», которая некоторыми авторами не признавалась теоретической наукой, а рассматривалась как прикладная область, в которой дается разбор практики советского государства.

Все это совершенно неправильно. Социалистическая система хозяйства, утвердившаяся в СССР в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком, экономические основы этой системы, ее закономерности, ее развитие должны занимать серьезнейшее самостоятельное место в курсе политической экономии.

В преподавании политической экономии должны быть полностью учтены известные замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов учебников по истории и постановление СНК

¹ Там же.

СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР.

Те же недостатки, которые свойственны и историческому фронту и другим участкам нашей теоретической и преподавательской работы,— пренебрежение к истории, непонимание, недооценка и, ко всему этому, незнание истории — характерны и для курса политической экономии. История — чрезвычайно требовательная наука, весьма трудоемкая, требующая исключительной добросовестности. А без истории нет никакой науки вообще.

Всем известна лекция В. И. Ленина в Свердловском университете по вопросу о государстве. Там есть одно место, которое каждый занимающийся общественными науками, преподающий эти науки, т. е. выполняющий особо ответственную задачу в области воспитания и формирования наших кадров, должен постоянно перечитывать, сопоставляя свою практику с конкретными ленинскими указаниями.

«Самое надежное,— говорил Ленин,— в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,— самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Эти ленинские слова являются ключом к правильному пониманию и разрешению всех вопросов политической экономии. Если игнорировать это решающее требование, мы никогда не добьемся правильной трактовки экономических категорий, явлений, процессов, закономерностей. Чтобы правильно подойти к вопросу, не запутаться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, самое важное — подойти к вопросу исторически. Только такой, единственно научный подход к политической экономии является самым серьезным противоядием против того сухого теоретизирования, склонности к безжизненным абстракциям, к талмудическому выхолащиванию, которое свойственно существующим учебникам и программам политической экономии.

Наши учебники нельзя упрекнуть в том, что они игнорируют критику различных антимарксистских взглядов. Наоборот, они приводят большое количество цитат и сообщают без разбора о таком изобилии различных борющихся взглядов, что часто теряется основное содержание, основная цель учебника. Например в учебнике Липидуса и Островитянова приводится целый ряд таких ошибочных взглядов и высказываний, которые давным-давно забыты. Там, например, разбираются давнишние ошибки тов. Позднякова. Что это за ошибки, что за особая «теория» Позднякова, для чего и кому нужно их изучать? Все это совершенно излишне для понимания и изучения политической экономии. Учебники политической экономии загромождены разбором всяческих, не имеющих сейчас значения препирательств различных групп бывших слушателей Института красной профессуры.

В программах и учебниках политической экономии необходимо

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 364.

давать острую, серьезную критику различных буржуазных, буржуазно-фашистских, оппортунистических теорий. Без этого нельзя как следует понять и изучить боевую марксистско-ленинскую политическую экономию. Маркс недаром назвал свой «Капитал» «Критикой политической экономии».

Но эту важнейшую задачу нельзя подменять разбором многочисленных частных ошибок или высказываний, имеющих значение в личных биографиях их авторов, но не представляющих никакого интереса для науки.

- Авторы, включая все эти рассуждения в учебники и программы, загружают преподавание таким мусором, что учащимся трудно пробраться через него и овладеть основными положениями предмета. Все эти ненужные детали не помогают, а мешают изучать марксистско-ленинскую политическую экономию, не помогают, а мешают настоящей критике важнейших буржуазных, буржуазно-фашистских и оппортунистических теорий, критике, без которой изучение политической экономии немыслимо.

Всеми этими недостатками грешат не только преподаватели политической экономии. Им далеко не чужды и работники философского фронта, которые, надо думать, учтут печальный опыт экономистов и историков и сделают для себя необходимые выводы.

Центральный комитет партии предложил отменить существующую программу преподавания политической экономии, поскольку программа, как и учебники, вопреки прямым указаниям Ленина и Сталина, сводит эту общественно-историческую науку к формальному определению экономических терминов и понятий и тем самым уводит ее, по меткому замечанию товарища Сталина, «в область талмудизированных абстракций».

Такова оценка существовавших до сего времени программ и учебников политической экономии. Оценка суровая, но справедливая.

Нужна глубокая и серьезная перестройка программ, учебников и всей постановки преподавания политической экономии.

Замечательным образцом того, как надо подходить к изучению и освещению важнейших теоретических вопросов политической экономии, являются работы В. И. Ленина по империализму. Выпуском XXVIII и XXIX Ленинских сборников Институт Маркса — Энгельса — Ленина закончил огромную работу до публикации подготовительных материалов Владимира Ильича к его работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Эти подготовительные материалы представляют совершенно исключительную ценность, раскрывая как бы лабораторию ленинской работы. Книга Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» содержит всего около ста страничек. Эта работа представляет собой «популярный очерк», как назвал ее Ленин. Он настаивал на этом названии. Он соглашался изменить свою фамилию, изменить заглавие книжки, если будут цензурные препятствия к опубликованию этой работы, но настаивал на том, чтобы осталось обозначение «популярный очерк».

Для этого «популярного очерка» в сто страничек Владимир Ильич проработал гигантский материал. Он использовал в своих подготовительных тетрадях по «Империализму» свыше 600 книг на различных языках, около 100 различных журналов, огромное количество газет, справочников. И все же в своем предисловии к этому «популярному очерку» Владимир Ильич писал: «В тамошних условиях работы мне приходилось, естественно, терпеть известный недостаток во француз-

ской и английской литературе и очень большой недостаток — в литературе русской»¹.

Вот как работал Владимир Ильич над материалом! Надо добавить, что работа над этой книжкой заняла у В. И. Ленина всего 5½ месяцев (январь — июнь 1916 года), и за эти 5½ месяцев он одновременно выполнял огромнейшую практическую работу по руководству партией и написал ряд статей по боевым вопросам партийной политики. Надо принять во внимание, что Владимир Ильич не пользовался помощью никаких институтов, не имел никакого подсобного аппарата для выполнения своей работы. Колоссальнейшее впечатление производит самый характер ленинских подготовительных тетрадей: вот, например, простая ученическая тетрадь или даже сшитые листы бумаги, тщательно разлинованные карандашом, и в эти тетради рукой В. И. Ленина, его мелким, бисерным почерком вписаны систематизированные важнейшие факты мировой истории, начиная с 60—70-х годов прошлого столетия и до мировой империалистической войны.

В. И. Ленин сам составил синхронистические таблицы, которые опубликованы в ХХІХ Ленинском сборнике. Он кропотливо анализирует, сопоставляет факты международной политики, вопросы международных отношений, стараясь на конкретных, исторических примерах разобрать и показать, как складывалась обстановка в империалистических странах, как развертывалась их борьба за передел мира, вылившаяся в мировую империалистическую войну 1914—1918 годов.

Сейчас мы знаем наизусть пять признаков империализма, сформулированных В. И. Лениным, которые столь ясно, столь четко и исчерпывающим образом характеризуют высшую стадию развития капитализма. Но, чтобы притти к этим выводам, таким ясным, простым, В. И. Ленин проработал колоссальное количество самых различных материалов, статистических сборников, книг, описывающих развитие капитализма, развитие отдельных картелей и трестов, проработал множество исторических и географических справочников, журнальных статей и т. д.

Ряд страниц в тетрадях В. И. Ленина целиком заполнен расчетами, характеризующими движение цен во время борьбы картелей на рынке, например движение цен на керосин в Германии. Владимир Ильич сам, своей рукой, подсчитал, как складывались эти цены, подсчитал проценты их роста. И из всего этого огромного материала выросла книжка в сто страничек — программная работа, являющаяся прямым продолжением работ Маркса, глубоко анализирующая высшую стадию развития капитализма. Эта работа Ленина так могущественна потому, что она опирается на колоссальный конкретный исторический материал.

В предисловии к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» Владимир Ильич прямо указывает, что в этой работе он останавливается в особенности на экономической стороне вопроса. Но эта экономическая работа опирается на колоссальный конкретный исторический материал. Там есть, например, материал о развитии железных дорог в Китае, есть соответствующие карты, вычерченные рукой Ленина. А как тщательно Владимир Ильич изучал все факты мировой истории, колониальной политики, мельчайшие и крупнейшие факты, сопоставляя их по разным источникам, снова возвращаясь к ним, разбирая, разбивая их на периоды для того, чтобы максимально точно установить исторические события! И только потом

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 71.

В. И. Ленин делает вывод. Вот что значит марксистско-ленинский метод исследования!

К сожалению, наша практика изучения и преподавания политической экономии далека от этих методов работы.

В решении Центрального комитета партии утверждена и новая схема курса политической экономии. Вот эта схема: введение — марксистско-ленинское учение об экономическом развитии человеческого общества и предмет политической экономии. От первобытного общества до капитализма (краткая характеристика общественных формаций в их развитии). Это — органическая часть курса политической экономии, — а не «благотворительный» придаток, — именно потому, что политическая экономия есть наука о развивающихся исторически укладах общественного производства.

Дальше идут разделы: возникновение капитализма; промышленный капитализм; империализм и, наконец, большой заключительный раздел — социализм, также являющийся органической составной частью курса политической экономии. Иной схемы и быть не может, если не отступать от правильного, марксистско-ленинского понимания предмета политической экономии как науки.

Попытки исключить вопросы социализма из политической экономии и отнести эти вопросы к особому, неопределенному предмету преподавания — «экономическая политика советской власти» — совершенно неправильны.

Характерной чертой наших учебников и программ по политической экономии является не только то, что они игнорировали историю и конкретное историческое развитие, но и то, что они игнорировали крупнейшие работы основоположников марксизма-ленинизма, подменяя их суррогатным изложением. Например, такой блестящий образец конкретного анализа экономического развития России, процесса образования внутреннего рынка для крупной промышленности, анализа со всеми глубокими теоретическими выводами, каким является работа Ленина «Развитие капитализма в России»; не находил должного отражения в наших программах, в учебниках, в практике преподавания политической экономии.

В этой работе В. И. Ленин блестяще показал, как надо давать теоретический анализ развития капиталистического хозяйства. Для этой замечательной работы В. И. Ленин проработал огромное количество статистических таблиц об отдельных уездах, материалы земской статистики, которые кажутся презренной пылью иному современному экономисту, витающему в заоблачных высях «талмудизированных абстракций».

Эта важнейшая работа Ленина до сих пор обходится в курсах политической экономии.

В постановлении Центрального комитета партии сказано, что в основу программы и учебника должны быть положены «Капитал» Маркса, «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция» Ленина и «Вопросы ленинизма» Сталина. К этому надо добавить и важнейший документ социализма — сталинскую Конституцию. Вот что должно быть основой учебников, программ и всего преподавания политической экономии.

Очень важно указание ЦК ВКП(б) о том, что нам нужны не голые, безжизненные схемы, оторванные от конкретного исторического развития и классовой борьбы. ЦК ВКП(б) указал, что при составлении учебника политической экономии нужно брать пример с Маркса, Эн-

гельса, Ленина и Сталина, которые свои теоретические работы насыщали яркими историческими фактами, вызывающими у читателя ненависть к капиталистическому строю эксплуатации и наемного рабства и воспитывающими активных борцов за коммунизм.

«Капитал» Маркса — могущественная теоретическая работа, которую не могли поколебать сотни и тысячи буржуазных экономистов на протяжении десятков лет. Каждая строка «Капитала» насыщена ненавистью к капитализму и любовью к коммунизму, преданностью великому делу рабочего класса. И все наше преподавание политической экономии, наши учебники должны воспитывать ненависть к капиталистическому строю, к капиталистическому угнетению и эксплуатации, должны воспитывать преданных борцов за коммунизм, вооруженных великой теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Вряд ли нужно приводить много примеров, чтобы показать, что до сих пор наши программы и учебники политической экономии были далеки от тех задач, которые ставит ЦК ВКП(б), и страдали схематизмом, абстрактностью, оторванностью от классовой борьбы, склонностью сводить весь курс политической экономии к сухим дефинициям, от увлечения которыми настойчиво предостерегал Владимир Ильич Ленин.

Важнейшее значение имеет требование ЦК ВКП(б) о том, чтобы в программе и учебнике по политической экономии, в соответствующих разделах, была дана острая критика буржуазных, буржуазно-фашистских и оппортунистических теорий. ЦК указал, что нам нужно именно это, а не препирательства не имеющих значения групп бывших слушателей Института красной профессуры, загромождающие программы, учебники ненужным хламом.

Мы недавно слышали дикие завывания германских фашистов, поджигателей войны, на нюрнбергском съезде. Против этих враждебных сил должно быть направлено острие нашей критики.

На этих основах должны быть перестроены все преподавание политической экономии, все программы и учебники. Это потребует большой работы со стороны кадров преподавателей и научных работников — экономистов, которым нужно основательно доучиваться и перееучиваться.

Только тогда будут выполнены задачи, поставленные Центральным комитетом партии, только тогда изучение и преподавание политической экономии будет отвечать требованиям марксизма-ленинизма, показывая и доказывая, почему с такой железной закономерностью капитализм должен погибнуть в огне революционной борьбы пролетариата, почему в упорной классовой борьбе должен возникнуть и победить коммунизм и почему борьба за коммунизм является высшим призванием и высшим счастьем каждого передового, сознательного гражданина.

Промышленный капитализм как стадия в развитии капиталистического общества¹

Как следует из схемы построения курса политической экономии, изложенной тов. Талем при обсуждении вопроса о перестройке преподавания политической экономии (Институт экономики Академии наук СССР²), в основу перестройки положен исторический принцип. Недаром в решении Центрального комитета партии политическая экономия названа общеисторической наукой.

Что же означает исторический подход к политической экономии? Историзм в применении к политической экономии означает прежде всего изучение политэкономии в широком смысле слова, т. е. изучение законов, «управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческих обществах»³. Этот вопрос достаточно освещен тов. Талем.

Далее, исторический подход обязывает нас показать закономерности и категории каждой формации со стороны не только их логического, но и исторического развития. Как исторически они возникают и как на их основе происходит развитие производственных отношений данной формации. Наконец исторический подход требует, чтобы мы дали конкретно-историческое представление о развитии самой экономики данной формации, об этапах этого развития, о важнейших исторических фактах, явлениях, характерных для данной формации.

Только в результате такого изучения политэкономии студент получит не отвлеченное схематическое представление о данной формации, а живое и конкретное.

Таковы основные моменты, которые характеризуют историзм в политэкономии.

Как применить все эти установки к разделу «Промышленный капитализм»?

У Ленина в его рецензии на книгу по политэкономии Богданова мы находим ряд конкретных указаний, относящихся к разделу «Промышленный капитализм».

«Характеризуя капитализм, — говорит Ленин, — автор опустил вопрос о росте торгово-промышленного населения на счет земледельческого и о концентрации населения в крупных городах; этот пробел тем ощутительнее, что, говоря о средних веках, автор подробно остановился на отношениях деревни и города, а о современном городе сказал всего пару слов о подчинении им деревни» (Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 375). «Наконец, как общий недостаток книги, мы

¹ Переработанная стенограмма доклада в Институте экономики Академии наук СССР при обсуждении вопроса о перестройке преподавания политической экономии.

² См. в настоящем номере журнала статью тов. Таля: О предмете политической экономии и ее преподавании.

³ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 104. Партиздат, 1936.

должны отметить отсутствие примеров из русской жизни. По весьма многим вопросам (хотя бы, напр. об организации производства в средние века, о развитии машинного производства и рельсовых путей, о росте городского населения, о кризисах и синдикатах, об отличии мануфактуры от фабрики и т. д.) подобные примеры из нашей экономической литературы были бы очень важны»¹.

Эти указания Ленина идут по линии большей конкретизации и насыщения историческим материалом раздела «Промышленный капитализм» и в частности — необходимости привлечения материала из истории России, чего до сих пор мы почти не делали.

Мы имеем также ряд важнейших указаний, относящихся к политэкономии, со стороны товарища Сталина. В частности, непосредственное отношение к разделу «Промышленный капитализм» имеют замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспект новой истории.

Мы имеем в виду прежде всего указание на то, «что самое главное в новой истории буржуазных стран, если иметь в виду период до октябрьской революции в России, это победа французской революции и утверждение капитализма в Европе и Америке». Затем указание на хронологические рамки эпохи промышленного капитализма — «от французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской коммуны (исключительно)» и общую характеристику промышленного капитализма как «периода победы и утверждения капитализма в передовых странах».

То же относится и к указанию относительно уделения большего внимания колониальному вопросу.

Все эти указания должны быть нами положены в основу перестройки курса политэкономии.

Из этих указаний прежде всего вытекает, что мы должны показать промышленный капитализм, во-первых, как определенную историческую стадию в развитии капиталистической системы эксплуатации, охватывающую период от французской буржуазной революции до Парижской коммуны, и, во-вторых, как прогрессивную стадию в развитии капиталистической формации, как «период победы и утверждения капитализма в передовых странах».

Основные закономерности развития капиталистической системы эксплуатации складываются в период возникновения капитализма, и в особенности в период промышленного капитализма. Как известно, эти закономерности не перестают действовать и в эпоху империализма, подвергаясь видоизменениям, вытекающим из специфических особенностей империалистической стадии в развитии капитализма.

Ленин на VIII съезде партии подверг резкой критике предложение тов. Бухарина выбросить из программы партии изложение эпохи промышленного капитализма и ограничиться характеристикой империализма. Конкретность тов. Бухарина, — говорил Ленин, — это книжное изложение финансового капитализма».

Необходимость в программе партии характеристики промышленного капитализма Ленин мотивировал прежде всего необходимостью исторического подхода к самой социалистической революции. «...Надо сказать, как мы шли, что нас подвело к самой социалистической революции», — спрашивает Ленин, — и отвечает: «Нас подвел капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах»².

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 377.

² Там же, т. XXIV, стр. 134.

Выше Ленин указывает, что и в эпоху империализма, «в действительности существует громаднейшая подпочва старого капитализма». «В каждой земледельческой губернии мы наблюдаем наряду с монополизированной промышленностью свободную конкуренцию. Нигде в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать»¹.

Раздел политэкономии «Промышленный капитализм» по существу должен дать основные закономерности развития капитализма и подготовить почву для постановки проблем империализма. Отсюда мы должны сделать известные выводы относительно разграничения конкретно-исторического материала между эпохой промышленного капитализма и эпохой империализма.

Характеристика эпохи промышленного капитализма в основном должна быть дана нами на материале соответствующей эпохи. Однако, это не исключает необходимости в отдельных случаях для характеристики общих закономерностей капитализма привлекать материал из эпохи империализма.

В замечании товарищей Сталина, Жданова и Кирова на конспект учебника «Новой истории» говорится, что главным недостатком является «то обстоятельство, что он недостаточно резко подчеркивает всю глубину разницы и противоположности между революцией французской (буржуазной революцией) и октябрьской революцией в России (социалистической революцией)».

Это указание мы должны учесть при перестройке преподавания политэкономии. В новом курсе политэкономии мы отказываемся от тех экскурсов в область советской экономики, которые давались раньше в политэкономии. Теперь мы должны дать специальный большой раздел политэкономии социализма. Но это не значит, что мы советскую социалистическую систему хозяйства не должны иметь все время в качестве путеводной звезды при изложении политэкономии капитализма.

Наша социалистическая практика, запечатленная в сталинской Конституции, является не только ярким выражением победы социализма, но и критикой капиталистических порядков.

Каждая статья этой Конституции есть удар по капиталистической системе эксплуатации, которая в противоположность социализму не может обеспечить ни права на труд, ни права на отдых, ни права на образование, ни роста материального и культурного уровня трудящихся, ни подлинной свободы и демократии. Наоборот, она есть система наемного рабства, несущая рабочему классу все ужасы безработицы, пауперизма, голода, нищеты и закабаления.

Поэтому при изложении курса политэкономии капитализма, имея перед собой образ социализма, осуществленного в СССР, мы должны особенно подчеркивать все эти черты капиталистической эксплуатации, составляющей полный антипод социализму. Так, при рассмотрении вопроса о формах заработной платы необходимо осветить современные системы заработной платы, или, критикуя буржуазные теории по основным проблемам политэкономии, необходимо подвергнуть разгрому и современные буржуазные теории, в особенности фашистские. Теперь в свете этих установок коснемся недочетов в преподавании политэкономии и в частности недочетов нашего

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 133.

с тов. Лапидусом курса политэкономии. Речь здесь будет идти главным образом о разделе промышленного капитализма. Остановимся прежде всего на теме «Прибавочная стоимость».

Теория прибавочной стоимости является основой марксовой политической экономии, ее краеугольным камнем. Этот раздел в наибольшей степени должен быть насыщен яркими конкретными историческими фактами, которые должны вызывать у читателя ненависть к капиталистической системе эксплуатации и воспитывать борцов за коммунизм. В этом разделе на материале не только Англии, но и других стран и в особенности России, должно быть выяснено не только существо капиталистической эксплуатации, но и самое развитие капитализма во всем его многообразии, со всеми присущими ему противоречиями.

Между тем как в нашем курсе политэкономии, так и в других дело ограничивается изложением категории абсолютной и относительной прибавочной стоимости, переменного и постоянного капитала, самым общим схематичным изложением трех стадий в развитии капитализма: простой кооперации, мануфактуры и фабрики.

Стоит только сопоставить эти главы нашего курса с тем богатством идей, с тем обилием чрезвычайно яркого конкретно-исторического материала, которые содержатся в «Капитале» Маркса и в «Развитии капитализма в России» Ленина, чтобы убедиться, насколько в нашем сухом, схематичном изложении выхолощено богатство содержания этих разделов политэкономии. Абстрактно, с минимальным привлечением исторического и иллюстративного материала изложены в нашем курсе также разделы, посвященные кругообороту и обороту капитала, воспроизводству и обращению общественного капитала, прибыли и цене производства и другим темам. Такая сугубо актуальная проблема, как кризисы, дается также отвлеченно без привлечения материала из истории кризисов и в частности из истории последнего мирового экономического кризиса.

Одно из основных требований, которое мы должны предъявить к марксистско-ленинскому курсу политэкономии,— это острая критика буржуазных, буржуазно-фашистских и ревизионистских теорий.

Как в нашем курсе политэкономии, так и в других учебниках, равно как и в программах по политэкономии, принят такой метод: сначала дается положительное изложение основных категорий политэкономии по Марксу—Энгельсу—Ленину—Сталину, а затем следует специальный раздел критики. В этом разделе дается критика всех враждебных теорий, начиная с фашизма и кончая контрреволюционным троцкизмом и правым оппортунизмом.

Политэкономия представляет собой сугубо партийную науку, которая строилась и росла в борьбе с враждебными теориями, которая по самому своему существу есть сугубо критическая наука. Но благодаря такому построению изложение марксистско-ленинской политэкономии превращается в спокойное изложение логических категорий без какой-либо борьбы и критики вплоть до раздела, в котором дается какой-то винегрет из критических замечаний по поводу отрывков из самых разнообразных теорий врагов марксизма-ленинизма.

Мы должны давать политэкономия таким образом, чтобы самое изложение было критическим — так, как это делают Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Это, конечно, не исключает того, чтобы школы, пользующиеся наибольшим влиянием в буржуазных странах, выделялись

в самостоятельный раздел и специально подвергались критическому разбору.

Таким образом, то место в решении ЦК, где говорится о том, что мы общ историческую науку превращаем в изложение талмудизированных абстракций, имеет полную силу и в отношении тех лигатурных работ, непосредственным участником которых мне довелось быть.

В связи с этим коснемся постановки преподавания политэкономии в ИКП и нашей научно-исследовательской работы. Если под углом зрения тех требований, которые ЦК партии предъявляет нам в деле перестройки курса политэкономии, мы посмотрим наши журналы, — «Проблемы экономики» в своем прежнем виде и, теперь уже покойный, журнал «ИКП», который отражал, как в зеркале, состояние преподавания политэкономии в Институтах Красной профессуры, то мы там увидим, пожалуй, в еще большей степени увлечение талмудизированными абстракциями.

Какие теоретические проблемы политэкономии на семинарах в ИКП и на страницах наших журналов стояли в центре внимания? Возьмем теорию прибавочной стоимости и всеобщий закон капиталистического накопления. Какой вопрос обычно стоит на наших семинарах при проработке этих тем? Это прежде всего вопрос о «динамике стоимости рабочей силы». Вообще говоря, вопрос о динамике стоимости рабочей силы, раз он возникает, должен быть разрешен. Но когда на семинарах этот вопрос становится центральной проблемой, вокруг которой концентрируются все прения, когда проблемой динамики стоимости рабочей силы пытаются подменить проблему абсолютного обнищания, тогда подобное направление преподавания становится уже прямо вредным. Острая проблема абсолютного падения в условиях капитализма жизненного уровня рабочего класса, которая имеет исключительно теоретическое и политическое значение в системе марксовой политэкономии, подменяется проблемой отставания заработной платы от стоимости рабочей силы. Между тем эти две проблемы ни в коем случае нельзя отождествлять. Сведение проблемы обнищания к отставанию заработной платы от стоимости рабочей силы по существу означает ревизию установок Коминтерна в вопросе обнищания. Увлекаясь «динамикой стоимости рабочей силы», мы в нашей преподавательской и в научно-исследовательской работе забываем о проблеме обнищания, не уделяем ей достаточного внимания. Между тем она требует кропотливого изучения большого цифрового материала и притом материала не только современного, но и исторического, относящегося к эпохе промышленного капитализма.

Возьмем другой пример. В теме «Промышленный капитализм» стоит проблема кризисов. Но откройте журнал «ИКП», который издавался в эпоху грандиознейшего мирового экономического кризиса, и вы тщетно будете искать на страницах этого журнала боковой статьи по теории кризисов, написанной на основе анализа современного экономического кризиса. Такой статьи вы не найдете. Но зато вы найдете абстрактно-схоластические рассуждения о возможности кризисов в условиях простого товарного хозяйства. Это говорит о схоластическом направлении как в нашей преподавательской работе, так и в научно-исследовательской работе.

Когда мы приступили к составлению нового курса политэкономии

для вузовцев, по ряду проблем мы испытывали большие трудности в подборе доброкачественного статистического и фактического материала, ибо наши научные работники-экономисты увлекались талмудизированными абстракциями и сравнительно редко снисходили до конкретных исследований проблем капиталистического хозяйства.

Таким образом, решение ЦК ВКП(б) является не только директивой о перестройке преподавания политической экономии в вузах, но и директивой о перестройке нашей научно-исследовательской работы.

Остановимся несколько подробнее на вопросе о перестройке преподавания такой центральной проблемы марксовой политической экономии, как проблема прибавочной стоимости, с тем чтобы в отношении остальных тем, входящих в раздел «Промышленный капитализм», ограничиться лишь беглыми замечаниями. Ленин назвал учение Маркса о прибавочной стоимости краеугольным камнем марксовой политической экономии. Энгельс говорил, что благодаря двум величайшим открытиям Маркса — теории исторического материализма и теории прибавочной стоимости — социализм из утопии превратился в науку.

Основной принцип, который мы должны применить к перестройке преподавания теории прибавочной стоимости, есть тот же принцип историзма. Исторический подход к этой теме прежде всего обеспечивается уже тем, что по новой схеме ей предшествует большой раздел, который носит название «Возникновение капитализма» и который содержит в себе такие темы: 1) простое товарное хозяйство и закон его развития, 2) деньги и 3) первоначальное накопление капитала.

Переходя непосредственно к самой теме прибавочной стоимости, мы прежде всего должны учесть следующий момент, методический и одновременно исторический. Мы все до такой степени срослись с учением Маркса об эксплуатации, что оно кажется нам простой и очевидной аксиомой. Между тем в свое время этому величайшему гениальному открытию Маркса предшествовала длительная борьба мнений в буржуазной политической экономии. Для того, чтобы действительно понять во всей глубине тот величайший переворот, который произвел Маркс своим открытием прибавочной стоимости, необходимо осветить состояние теоретической мысли по этому вопросу до Маркса. Необходимо показать, до чего дошла в этом отношении буржуазная наука в лице своих лучших представителей — классиков, показать, как они бились над этой проблемой и почему не смогли ее разрешить. На таком историческом фоне можно гораздо ярче показать, какой величайший переворот совершил Маркс в политической экономии, открыв закон прибавочной стоимости. Вопрос о том, дать ли характеристику состоянию буржуазной мысли по этому вопросу до изложения марксовой теории прибавочной стоимости или после — это уже вопрос методический, но во всяком случае такая характеристика должна быть дана.

Далее, в целях более глубокого исторического понимания существа капиталистической эксплуатации необходимо дать ее анализ в сравнении с докапиталистическими формами эксплуатации. Мы должны вскрыть существо капиталистической эксплуатации, как более «гибкой», более приспособленной к условиям товарно-капиталистического

хозяйства. Это можно продемонстрировать хотя бы на примере вотчинных фабрик с крепостным трудом в дореволюционной России. Наемный труд дает капиталисту то преимущество, что позволяет ему легко приспособляться к циклическому ходу развития капиталистической системы, выбрасывать рабочего за ворота во время кризисов и привлекать его на предприятие в периоды подъема. Необходимо показать, что эта система, обеспечивая капиталиста рабочей силой, в то же время создает для рабочего существование полной необеспеченности и неуверенности в завтрашнем дне.

У нас в литературе были попытки противопоставить закон прибавочной стоимости закону стоимости. Это противопоставление шло по такой линии. Закон стоимости сводили к основному закону простого товарного хозяйства, и лишь закон прибавочной стоимости считали основным законом капитализма. Такое противопоставление неправильно. Нельзя прибавочную стоимость оторвать от стоимости. Стоимость есть не только закон развития простого товарного хозяйства, закон превращения его в капиталистическое хозяйство, но и закон развития капитализма. Сама прибавочная стоимость возникает на основе дальнейшего развития стоимости. Отмечая это, мы должны в то же время подчеркнуть, что стоимость есть наиболее общий закон развития товарного хозяйства вообще, т. е. как простого товарного хозяйства, так и капиталистического.

Прибавочная же стоимость, как это отметил еще Энгельс, является специфическим законом развития капитализма. Прибавочная стоимость, являясь дальнейшим развитием стоимости, в то же время порождает ряд капиталистических категорий. В самом деле, прибыль есть не что иное, как превращенная форма прибавочной стоимости. Цена производства, являющаяся превращенной формой стоимости, возникает в результате перераспределения прибавочной стоимости между различными отраслями капиталистического производства. Торговая прибыль, ссудный процент, земельная рента — все это части прибавочной стоимости.

Поэтому вскрыть полностью закон прибавочной стоимости как специфический закон развития капитализма мы сможем, по существу пройдя весь курс политэкономии капитализма. Однако, общую характеристику этого закона и его роли в развитии капитализма мы должны дать в теме «Прибавочная стоимость», после выяснения существа капиталистической эксплуатации. Мы должны показать, во-первых, что основным стимулом капиталистического развития является погоня за прибылью, являющейся превращенной формой прибавочной стоимости, что в погоне за прибавочной стоимостью капитализм развивает производительные силы (иллюстрацией чего являются прежде всего три стадии в развитии капитализма); во-вторых, что прибавочная стоимость лежит в основе неустранимого в пределах капитализма классового антагонизма между рабочим и капиталистом; в-третьих, что борьба за раздел прибавочной стоимости лежит в основе конкурентной борьбы между капиталистами.

Далее необходимо отметить, что капиталистическая система, в смысле развития производительных сил выступая в качестве более передовой по сравнению с докапиталистическими формами хозяйства, в то же время является крайне отсталой по сравнению с бесклассовым социалистическим обществом, так как наряду с факторами, действующими росту производительных сил, капиталистическая система содержит в себе факторы, тормозящие этот рост, вытекающие

из частной собственности на средства производства и частнокапиталистического присвоения. После этого следует поставить вопрос о критике буржуазных теорий капитала. О необходимости анализа состояния буржуазной теоретической мысли по этому вопросу до Маркса мы уже говорили. Остановимся здесь на вопросе о критике буржуазных теорий, возникших после Маркса и явившихся в огромнейшей степени прямой реакцией на тот переворот, который Маркс произвел в науке своим открытием прибавочной стоимости. Огромным недочетом является то, что мы в нашей преподавательской практике мало уделяем внимания современным буржуазным и в особенности фашистским теориям. Это положение должно быть исправлено. Мы должны дать острую критику буржуазных, буржуазно-фашистских и ревизионистских теорий. Мы должны показать, что буржуазная мысль после Маркса не пошла дальше самых вульгарных, апологетических фетишистских представлений, схваченных с поверхности капиталистических отношений. Мы должны также раскритиковать эти теории по существу.

Мы вынуждены подчеркнуть это потому, что у нас нередко вся критика буржуазных теорий ограничивается вскрытием их классовых корней. Некоторые пытаются даже это обосновать тем, что для нас, марксистов-ленинцев, и без критики ясна несостоятельность буржуазных теорий. Подобные рассуждения в корне расходятся с указаниями ЦК партии. Критика буржуазных и буржуазно-фашистских теорий должна быть дана как с точки зрения логической их несостоятельности, так и с точки зрения несоответствия историческим фактам развития капитализма.

Возьмем для примера фашистского теоретика Шпанна.

Исходным пунктом своей теории он берет тезис об «услугах и преимуществах». Услуги он делит на ведущие и исполнительские. Ведущие услуги не исчезают от употребления и потому являются услугами высшего порядка по сравнению с услугами, исчезающими от употребления. Ведущие услуги — это услуги организаторские и изобретательские, оказываемые промышленниками, торговцами, министрами, директорами и т. д.; исполнительские услуги — это услуги, оказываемые рабочими. «Никакого дохода нехватило бы, — уверяет Шпанн, — чтобы оплатить стоимость услуг, не исчезающих от употребления». «Кто мог бы оплатить изобретение серпа и молота, ведущих свое начало от далекой древности, и кто может оплатить хозяйственное право за услуги порядка?» — патетически спрашивает Шпанн. Конечный вывод Шпанна таков: во-первых, разные виды прибыли капиталистов — это разные виды творческой заработной платы и, во-вторых, не капиталист эксплуатирует рабочего, а наоборот — рабочий присваивает неоплаченный труд творчески одаренных людей.

Ярко апологетический характер этой теории бросается в глаза с первого взгляда. Причем эта апологетика самого низкого пошиба, направленная на обоснование высоких прибылей капиталистов и высоких окладов министров и чиновников фашистского государства, труд которых, по мнению Шпанна, не оценим. Вместе с тем эта теория пытается обосновать то положение, что рабочего никто-де не эксплуатирует. Мы должны разгромить эту теорию по существу и разоблачить ее грубо апологетический характер, приведя не только соответствующие логические доводы, но исторические факты. Шпанн хочет представить капиталиста в качестве организатора и изобрета-

теля и между прочим ссылается на Ауэра, который разбогател на сетках накаливания. Мы должны в связи с этим показать действительную роль капиталиста в развитии производительных сил. История развития капиталистической техники и в частности история промышленной революции показывает, что капиталисты умели очень хорошо эксплуатировать чужие изобретения и самих изобретателей, но сами за самыми редкими исключениями не осчастливили мир никакими изобретениями. Более того, многие великие изобретатели, которые своими изобретениями дали возможность капиталистам заработать миллионы, умерли в полной бедности и нищете.

В качестве примера можно сослаться на изобретателя мюль-машины Кромптона, который не имел средств даже на то, чтобы приобрести патент на свое изобретение и вынужден был предоставить его в бесплатное пользование капиталистам, которые собрали ему за это по подписке жалкую сумму в 67 фунтов стерлингов. Поэтому, когда он изобрел машину для кардования, он разбил ее, воскликнув: «Этой машины они по крайней мере не получат». Можно также сослаться на Аркрайта, которого буржуазные историки представляют как капиталиста-изобретателя, но который на деле был, по словам Маркса, «величайшим вором чужих изобретений и самым низким субъектом».

Критикуя буржуазные теории, мы должны в ряде случаев апеллировать также и к фактам из экономики социализма. Возьмем теорию производительности трех факторов производства — земли, капитала и труда, развитую вульгарным экономистом Сэем и перепеваемую до сих пор в самых разнообразных вариантах буржуазными экономистами и в частности фашистами. С точки зрения этой теории труд создает заработную плату, капитал — процент, а земля — ренту. Между прочим фашистский экономист Кляггес так же строит свою теорию на том, что «источником экономической стоимости является природа». При критике этой теории прямо напрашивается довод от нашей социалистической практики. В самом деле, на одной шестой части мира существует страна социализма, с мощной передовой индустрией, с крупнейшим в мире социалистическим земледелием. Передовая техника является здесь фактором, который в огромной степени облегчает труд человека, а земля под воздействием передовой техники и социалистического труда, как нигде, раскрывает перед человеком свои неисчерпаемые естественные богатства. Тем не менее ни средства производства, ни земля не являются в СССР средствами присвоения дохода капиталистами и землевладельцами. Почему? Потому что основные средства производства и земля не являются частной собственностью капиталистов и помещиков, а составляют государственную, всенародную собственность. Все это чрезвычайно убедительно говорит о том, что не благодаря каким-то производительным услугам земли и капитала возникает рента или процент, а благодаря монополии частной собственности на средства производства и вытекающей отсюда капиталистической эксплуатации.

Дальше встает вопрос о таких важных разделах, как абсолютная прибавочная стоимость и относительная прибавочная стоимость. Здесь мы должны показать прежде всего исторический процесс возникновения этих различных форм стоимости, показать, что абсолютная прибавочная стоимость возникает раньше относительной прибавочной стоимости, что она отражает первый период в развитии капитализма, период формального подчинения труда капиталу. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что абсолютная прибавочная стои-

мость как метод повышения нормы эксплуатации путем удлинения рабочего дня сопутствует капитализму на всем протяжении его развития. Так, промышленный переворот, введение машин имело своим последствием удлинение рабочего дня. Тенденция к удлинению рабочего дня особенно обостряется в период империализма, в частности общего кризиса капиталистической системы. Следовательно абсолютную прибавочную стоимость мы должны показать в ее историческом развитии, как борьбу рабочего класса с капиталистами за сокращение рабочего дня.

Борьба за сокращение рабочего дня в известной мере находила свое отражение в наших программах и учебниках по политэкономии. Однако в большинстве случаев мы ограничивались кратким изложением того материала по этому вопросу, который дан Марксом в I томе «Капитала». Мы должны давать также и более поздние данные по истории борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня. В частности мы должны привлекать большой материал из истории борьбы за рабочий день у нас в дореволюционной России. Таким образом, будет показано действительное историческое значение абсолютной прибавочной стоимости в процессе развития капиталистической системы эксплуатации.

Относительная прибавочная стоимость характеризует уже реальное подчинение труда капиталу. Изложение проблемы относительной прибавочной стоимости до сих пор также страдало абстрактностью и схематизмом. Между тем относительная прибавочная стоимость связана непосредственно с классовой борьбой между капиталистом и рабочим. Именно поэтому буржуазные апологеты стараются использовать факт повышения прибавочной стоимости вследствие роста производительности труда для доказательства производительности капитала. В силу тех же причин социал-демократы и в частности Каутский в корне извращают учение Маркса об относительной прибавочной стоимости. Так, Каутский делает из относительной прибавочной стоимости апологетический вывод, что при этом методе повышения нормы эксплуатации одновременно может и увеличиваться эксплуатация рабочего класса и расти реальная и тем более денежная заработная плата. Словом, и овцы целы и волки сыты. В противовес этому мы должны подчеркнуть, что суть относительной прибавочной стоимости, по Марксу, заключается в сокращении необходимого времени, в снижении стоимости рабочей силы и увеличении за этот счет прибавочной стоимости, в повышении нормы эксплуатации рабочего капиталистом.

Таким образом, всякий прогресс капиталистической техники ведет к сокращению необходимого времени и тем самым к увеличению прибавочного времени. Кроме того, мы должны подчеркнуть, что всякий прогресс капиталистической техники связан с огромным ростом интенсивности труда и следовательно с огромным ухудшением положения рабочего класса.

На эту сторону необходимо обратить сугубое внимание. При изложении этой темы историческое развитие относительной прибавочной стоимости и ее роль в развитии капитализма мы должны показать на трех стадиях в развитии капитализма. Эта тема имеет огромное значение для перестройки курса политэкономии. Не случайно в схеме курса политической экономии, предложенной нам к руководству Центральным комитетом партии, эта часть выделена в самостоятельный раздел.

Какие основные идеи мы должны дать в этой теме?

Прежде всего мы должны, как мы уже говорили: 1) показать конкретно роль и действие закона относительной прибавочной стоимости в развитии самого капитализма, 2) показать, что развитие капитализма есть в то же время огромное увеличение эксплуатации рабочего класса, 3) показать процесс обобществления труда капиталом и все свойственные ему антагонистические противоречия. Но мало этого. В курсе политической экономии мы должны не только давать одни закономерности и тенденции развития капитализма, но и показать конкретно, как капитализм развивается на основе этих закономерностей, показать развитие самого капитализма: рост производительных сил, развитие производственных отношений, рост крупной промышленности, развитие капиталистического рынка и т. д. До сих пор мы этого не делали. Мы ограничились только абстрактной характеристикой трех стадий, главным образом в разрезе развития капиталистической техники и влияния этого развития на положение рабочего класса. Конкретная характеристика капитализма давалась только в разделе империализма. Изложение же промышленного капитализма сводилось исключительно к изложению категорий капиталистического хозяйства.

Мы должны дать здесь действительно три стадии в развитии капитализма, историю промышленного переворота и его последствий. При этом в основу надо положить ту схему, которую мы находим у Ленина в его «Развитии капитализма». Эта схема является дальнейшим развитием и конкретизацией соответствующих глав I тома «Капитала».

Ленин говорит, что капитализм проходит в своем развитии три стадии: мелкотоварное производство, капиталистическая мануфактура — фабрика, крупная машинная индустрия. «Основная тенденция мелко-товарного производства, — говорит он, — состоит в развитии капитализма, в частности, в образовании мануфактуры, а мануфактура на наших глазах с громадной быстротой перерастает в крупную машинную индустрию»¹.

Исходным пунктом превращения мелкотоварного ремесленного производства в капиталистическое являются значительное расширение размеров этого производства, объединение под командой капиталиста значительного количества рабочих.

В этой связи мы и должны показать значение простой кооперации в возникновении капитализма и все ее отличие от докапиталистических форм простой кооперации. Далее необходимо осветить роль торгового капитала в разложении мелкого производства и в развитии различных систем капиталистической домашней промышленности. Иллюстрацией может служить материал по истории развития капитализма в Англии и России.

Перейдем теперь к мануфактурному периоду. На конкретных примерах из истории Англии, Франции, Пруссии, России мы должны прежде всего показать, каким образом совершался переход от различных форм кустарной промышленности к мануфактуре. Здесь надо дать характеристику мануфактурного способа производства, его роль в развитии капитализма, его влияние на положение рабочего класса, показать превращение рабочего в частичного рабочего. Нужно показать, каким образом мануфактура в специфически свойственной ей форме развивает и углубляет противоположность между городом и деревней, как мануфактура развивает противоположность между ум-

¹ Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 423—424.

ственным и физическим трудом, показать противоречие между организованностью внутри предприятия и между анархией во всем обществе. Особо необходимо остановиться на той роли, какую в развитии мануфактуры играет относительная прибавочная стоимость.

Мы должны также осветить политику меркантилизма, которая связана с мануфактурной стадией в развитии капитализма, ее роль в развитии капитализма.

Наконец, надо показать, как на известной стадии своего развития мануфактура вступает в противоречие со своим базисом в виде ремесленной техники и подготавливает условия, необходимые для промышленного переворота.

До сих пор такой важный этап в развитии капитализма, как промышленный переворот, не находил сколько-нибудь достаточного отражения в наших программах и учебниках политэкономии. Между тем переход от мануфактуры к фабрике означает решающий шаг в создании адекватной капитализму техники, а тем самым и в дальнейшем развитии относительной прибавочной стоимости, в развитии капиталистической эксплуатации. Первой страной, вступившей на путь капиталистического развития, была Англия. Поэтому мы и должны в центре этой темы поставить историю промышленного переворота в Англии. На примере Англии нужно показать, как было подготовлено это величайшее движение в истории капитализма, которое недаром заслужило название промышленной революции.

Ведь не случайно в хлопчатобумажной и металлургической промышленности почти параллельно возник целый ряд диспропорций — между прядением и ткачеством, между топливом и обработкой металлов. Эти диспропорции во весь рост поставили проблему изобретения машины. Идея машины носилась в воздухе. Мысль многих людей одновременно работала в этом направлении, и в результате возник ряд важнейших открытий и изобретений, приведших к перевороту в технике производства. Переворот завершился тем, что производство самих машин стало совершаться при помощи машин. Тем самым был окончательно устранен узкий базис ремесленной техники и открыта дорога для быстрого развития производительных сил в передовой стране капитализма того времени — в Англии, ставшей «мастерской» мира.

Необходимо кратко осветить распространение промышленной революции на континент Европы: Францию, Бельгию, Пруссию и т. д., а также на Россию.

Промышленная революция принесла с собой переворот в системе производственных отношений. Необходимо показать содержание этого переворота: рост крупного производства, сопровождаемый разорением мелких производителей, новое размещение производительных сил, создание крупных промышленных городских центров, разделение общества на два резко очерченных антагонистических класса — буржуазию и пролетариат, завершение процесса отделения промышленности от земледелия и города от деревни.

Богатые данные по этому вопросу имеются в работе Ленина «Развитие капитализма в России».

Далее надо показать, как промышленный капитализм в ходе своего развития создает для себя растущий рынок, не только национальный, но и мировой. Вместе с тем промышленный капитализм на место устаревшей меркантильной политики ставит так называемый либерализм, свободную торговлю. Необходимо оговориться, что здесь дол-

жна быть дана лишь общая, краткая характеристика последствий промышленного переворота. Ряд проблем, которые здесь затрагиваются, будут более подробно освещены в дальнейших разделах курса, как например, борьба крупного производства с мелким, противоположность между городом и деревней и др.

Чрезвычайно важным в этом разделе политэкономии является показ, каким образом промышленная революция, развитие крупной промышленности влияет на положение рабочего класса. На цифровом материале и ярких фактах надо осветить такие вопросы, как повышение интенсивности труда, удлинение рабочего дня, вовлечение женского и детского труда и как следствие всего этого — снижение стоимости рабочей силы и рост эксплуатации рабочего. Мы должны также показать, как промышленная революция углубляет и обостряет противоположность между умственным и физическим трудом.

В заключение должен быть дан вывод относительно растущего обобществления труда капиталом, должно быть показано, как это обобществление приходит во все большее и большее противоречие с частнокапиталистической формой присвоения. Как выражение этого противоречия необходимо показать всю противоречивость процесса развития производительных сил в условиях капитализма, показать, как капитализм, с одной стороны, в погоне за прибылью, подстегиваемый конкуренцией, развивает производительные силы, а с другой, порождает препятствия этому развитию в силу частнособственнического присвоения.

Так мы должны перестроить преподавание политической экономии в части таких важных тем нашего курса, как прибавочная стоимость и три стадии в развитии капитализма.

В отношении остальных тем, относящихся к разделу «Промышленный капитализм», ограничимся несколькими беглыми замечаниями. Возьмем заработную плату. При изучении этой темы мы ограничивались обычно изложением вопроса о заработной плате, как превращенной формы цены или стоимости рабочей силы, и о формах заработной платы. При такой постановке эта боевая проблема капитализма превращалась в какую-то схоластику.

В основе капиталистической эксплуатации лежит полный отрыв непосредственного производителя — рабочего — от средств производства. Рабочий в условиях капитализма не заинтересован в повышении производительности и интенсивности своего труда. Поэтому вопрос о том, как побудить рабочего работать, не покладая рук, и давать капиталисту максимум прибавочной стоимости, имеет важнейшее значение для капиталиста. Рабство и феодализм побуждали рабов и крепостных к труду методами внеэкономического принуждения. Для капитализма, с его системой наемного труда, с его гораздо более быстрыми темпами развития, с его постоянными сменами циклов, методы внеэкономического принуждения не годятся. Ему нужна более «гибкая» система. Вот тут и приходят ему на помощь различные формы оплаты. Ставя заработную плату в зависимость от производительности и интенсивности труда, капиталист заставляет рабочего работать с максимальным напряжением, а в результате этой напряженной работы получается снижение заработной платы, снижение жизненного уровня рабочих.

Наша задача вскрыть эту хитрую механику капиталистической эксплуатации, скрывающуюся за различными системами заработной платы, и показать классовую борьбу, которая идет вокруг заработной платы, значение этой борьбы и ее последствия.

Маркс неоднократно подчеркивал, что капиталисты хотят обеспечить себя рабочей силой путем быстрой смены слабых и недолговечных поколений, что заработная плата и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу и что за этими категориями скрывается острая классовая борьба между рабочими и капиталистами. Излагая сущность заработной платы, мы должны всемерно подчеркивать это классовое ее содержание. С другой стороны, без борьбы рабочих они не получают даже того, что им причитается по закону заработной платы. Этим подчеркивается, что закон стоимости рабочей силы не осуществляется самотеком, а требует для своего осуществления острой классовой борьбы.

Все эти важнейшие моменты теории заработной платы мы обычно опускали в нашем преподавании, а они имеют исключительное значение. Мы обходили также молчанием современные формы заработной платы. Для примера сошлемся хотя бы на систему Бедо, о которой мы совершенно не упоминали. А между прочим сейчас это — острейшие вопросы, вокруг которых идет борьба рабочего класса.

В этом смысле мы должны обновить, сделать более современным освещение вопросов заработной платы в условиях капитализма и дать большой конкретный исторический материал. Наконец, мы должны уже в этой теме осветить тенденцию развития заработной платы в условиях капитализма и роль профсоюзов.

Можно сказать, что здесь мы забегаем несколько вперед, так как тенденция заработной платы определяется всеобщим законом капиталистического накопления. Однако, беды в этом никакой нет. Ведь Маркс в своих брошюрах, посвященных заработной плате, отступал от того порядка изложения, который у него принят в «Капитале». Более того, он прямо советовал при изучении «Капитала» отступать в отдельных случаях от порядка его изложения. Это наше замечание относится не только к заработной плате, но и к торговому и ссудному капиталу и другим темам, где также в некоторых случаях приходится отступать от порядка изложения, принятого Марксом в «Капитале».

Перейдем к теме «Воспроизводство и накопление капитала». Здесь прежде всего мы сталкиваемся с проблемой концентрации и централизации капитала и гибелью мелкого производства. Этот вопрос должен быть освещен с привлечением большого конкретного материала. Здесь же должна быть дана критика ревизионистов и буржуазных теоретиков, в частности фашистских. Центральным в этой теме является вопрос об абсолютном и относительном обнищании. Этот вопрос не находил у нас достаточно конкретного освещения. Мы ограничивались обычно постановкой этого вопроса в условиях империализма. Между тем наша главная задача — показать рост абсолютного и относительного обнищания в условиях промышленного капитализма, так как империализму у нас посвящается самостоятельный большой раздел, где вопрос обнищания в новых условиях империалистической стадии развития капитализма не может быть обойден.

Наиболее трудной с точки зрения конкретизации и привлечения исторического материала является тема «Прибыль и цена производства». Здесь в борьбе с абстрактно-схоластическим подходом чрезвычайно важно осветить вопрос об историческом процессе превращения стоимости в цену производства, который завершается примерно в эпоху промышленного переворота, когда капитализм создает себе адекватную техническую базу. Этот процесс освещен Энгельсом в его

брошюре «О капитале». Кроме того, в этой теме необходимо привлечь в историческом разрезе данные об органическом составе капитала, о межотраслевой конкуренции и т. д. Необходимо также показать классовое содержание закона цены производства. Изложению темы о торговом капитале нужно предпослать историческое введение, которое должно показать роль торгового капитала в условиях докапиталистических формаций и главным образом в эпоху разложения феодализма, после чего перейти к освещению роли торгового капитала в условиях промышленного капитализма.

В теме «Торговый капитал» необходимо осветить историческое развитие видов торговли, современные виды капиталистической торговли, концентрацию торгового капитала, дать критику буржуазных и ревизионистских теорий, отрицающих концентрацию. Необходимо осветить вопрос о роли товарной биржи в условиях капитализма. Надо также показать эксплуатацию торговым капиталом мелкого производителя, в особенности в отсталых колониальных и полуколониальных странах. Примерно в таком же стиле надо осветить вопрос о ссудном капитале и кредите.

Важнейшей темой раздела «Промышленный капитализм» является тема о капиталистических кризисах. Здесь большое внимание должно быть уделено истории кризисов, и самая теория кризисов также должна быть освещена с привлечением материалов из истории кризисов.

Заканчивая изучение стадии промышленного капитализма, мы должны дать итоговую картину состояния капитализма накануне его вступления в империалистическую стадию своего развития.

Решение Центрального комитета открывает перед нами непочатый край методической и научно-исследовательской работы. Не может быть никаких сомнений в том, что коллективными усилиями мы сдвинем политэкономию с абстрактно-схоластических рельсов, переведем ее на рельсы конкретно-исторического исследования и добьемся того, что наши программы и учебники будут воспитывать у учащихся ненависть к капитализму, воспитывать борцов за коммунизм.

О разделе «Империализм» в курсе политической экономии¹

Решение ЦК ВКП(б) о программе и учебнике политэкономии пронизано мыслью, что политэкономия есть наука глубоко партийная. Изучение развития общественных форм вооружает нас для борьбы за коммунизм. Оно вскрывает вздорность буржуазной «истины», что капитализм есть вечная и неизменная форма организации общественного производства. Оно показывает, что переход от одной общественной формы к другой совершается путем революционных скачков, и это опрокидывает буржуазную теорию, согласно которой развитие всегда происходит чисто эволюционным путем. Изучение революций прошлого дает возможность ярче выявить особенности Великой Октябрьской социалистической революции, показать, что буржуазные революции принесли только смену одной формы эксплуатации другою, и лишь социалистическая революция ставит и разрешает задачу уничтожения всякой эксплуатации человека человеком.

С этим критерием партийности политэкономии мы должны подходить к рассмотрению каждой из ее проблем. Величайший вред рубинщины заключался в том, что она отвлекала внимание от анализа действительно актуальных революционных проблем марксовой политической экономии в сторону бесплодной схоластики, в сторону меньшевизма.

Если подойти с этим критерием партийности к разделу «Империализм», то вряд ли нужно доказывать его огромную важность.

Решающим пунктом ленинской характеристики высшей стадии капитализма является тезис о том, что «империализм есть канун социалистической революции»². В этом коренное отличие ленинской теории империализма от всякого рода оппортунистических и буржуазных теорий. Обосновывая этот тезис, Ленин показывает, что:

а) империализм есть высшая стадия капиталистической экономики, когда полностью созрели все объективные, материальные предпосылки социалистической революции;

б) империализм означает крайнее обострение важнейших противоречий капитализма: между буржуазией и пролетариатом, между империалистическими нациями и колониальными и зависимыми народами, между империалистическими державами в их борьбе за передел мира. Как указывает товарищ Сталин, «империализм доводит противоречия капитализма до последней черты, до крайних пределов, за которыми начинается революция»³;

¹ Переработанная стенограмма доклада в Институте экономики Академии наук СССР при обсуждении вопроса о перестройке преподавания политической экономии.

² Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 71.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 3, изд. 10-е.

в) империализм создает новые условия для развертывания социалистической революции. Создается возможность первоначально победы социализма в одной стране и соединения антиимпериалистической борьбы колониальных и зависимых народов с борьбой пролетариата передовых стран за уничтожение капитализма. Доказывая, что главным препятствием к победе пролетариата выступает оппортунизм, Ленин вскрывает его корни, намечает пути и средства его преодоления.

Ленинское учение об империализме, развитое и продолженное товарищем Сталиным, целиком и полностью базируется на марксовой теории капитализма. Оно является ее прямым продолжением и дальнейшим развитием, вскрывая те новые черты капитализма, которые при жизни Маркса и Энгельса только начали намечаться. Рубеж двух веков — XIX и XX — является рубежом двух стадий в развитии капитализма — «свободного» капитализма и империализма.

Характеризуя ленинскую теорию пролетарской революции, товарищ Сталин указывает, что ее исходные положения даны в ленинской теории империализма, из которой вытекают следующие важнейшие выводы:

«...первый вывод: обострение революционного кризиса внутри капиталистических стран, нарастание элементов взрыва на внутреннем, пролетарском фронте в «метрополиях».

«...второй вывод: обострение революционного кризиса в колониальных странах, нарастание элементов возмущения против империализма на внешнем, колониальном фронте.

«...третий вывод: неотвратимость войн при империализме и неизбежность коалиции пролетарской революции в Европе с колониальной революцией на Востоке и единый мировой фронт революции против мирового фронта империализма».

Все эти выводы объединяются у Ленина в один общий вывод о том, что «империализм есть канун социалистической революции» (см. т. XIX, стр. 71)¹.

Ленинская теория империализма таким образом является исходным пунктом ленинской теории пролетарской революции. Это одна из важнейших частей программы Коминтерна. Это тот раздел политической экономии, который создан Лениным и Сталиным. Ленин и Сталин внесли очень много нового и в освещение проблем промышленного капитализма, но раздел об империализме они создали заново, являясь его творцами.

Наконец, именно в этом разделе политической экономии мы должны дать вузовцам конкретное представление о современном капитализме, который противостоит социалистической системе хозяйства нашей страны и с которым ведет борьбу мировой пролетариат.

Все это в достаточной мере определяет важность раздела «Империализм» в курсе политической экономии. Тем не менее этот раздел не занял еще должного места в преподавании политической экономии. Правда, положение ныне лучше, чем в 1921—1925 гг. Тогда в ИКП политическая экономия проходила следующим образом: первый курс — десяток тем, посвященных проблеме стоимости; второй курс — специальные семинары, посвященные теории денег, теории воспроизводства, проблеме кредита. Политическая экономия изучалась несколько лет, но не было ни одной темы, посвященной империализму. В программах Института Красной профессуры 1931—1932 гг. империализму было уделено максимум две темы.

¹ Сталин. Вопросы ленинизма. стр. 16—17, изд. 10-е.

Передо мною программа курса политической экономии для экономических вузов, опубликованная в конце 1933 г. По этой программе проходили политэкономию в 1934—1935 гг. и, возможно, и сейчас еще кое-где проходят. Распределение часов в этой программе следующее:

«Товар и труд, заключающийся в товаре. Формы стоимости. Товарный фетишизм — 20 ч.

Прибыль и цена производства. Закон тенденции нормы прибыли к понижению — 16 ч.

Ленинская теория империализма — 14 ч.»

Программа отводит две лекции проблеме ссудного капитала и столько же ленинской теории империализма, добавляя третью лекцию для критики антиленинских теорий новейшего капитализма.

Программа эта распадается на 31 тему, которым посвящены 39 лекций, но среди них нет ни одной специальной лекции по вопросу о законе неравномерности капиталистического развития в эпоху империализма и ленинско-сталинской теории построения социализма в одной стране. В учебнике Лapidуса и Островитянова закону неравномерности посвящен лишь один из 12 пунктов одной из сорока девяти глав пухлого двухтомного курса.

Вопрос об удельном весе раздела «Империализм» в курсе политической экономии имеет важное политическое значение. До сих пор этот раздел не занимал соответствующего места ни в программах, ни в учебниках, ни в преподавании политической экономии.

Следует отметить, что цитированная программа рекомендует:

«Конкретизация изучения политической экономии должна осуществляться также путем доведения всех вопросов политической экономии капитализма до нынешней его ступени — эпохи империализма: изучение основных категорий и законов капиталистического производства должно включать рассмотрение их не только применительно к монополистическому капитализму, но и к современной эпохе капитализма — империализму. Это следует делать во всех темах, во всех случаях, когда методически это возможно».

Использование современного материала и новейших фактов при преподавании любой проблемы политической экономии целесообразно и необходимо. Но очень часто под флагом конкретизации по существу протаскивается отказ от историзма при освещении проблем политэкономии. Конечно, легче при прохождении теории кризисов привести факты, относящиеся к кризису 1929 г., чем изложить историю кризисов. Проще, говоря об аграрных кризисах, опираться на конкретный материал, относящийся к послевоенному аграрному кризису, чем давать анализ аграрного кризиса 70—80 годов XIX в. Осветить динамику концентрации производства в период господства свободной конкуренции можно, лишь проделав предварительную кропотливую работу по собиранию соответствующих данных. Проще, вместо того, чтобы дать картину концентрации производства в эпоху промышленного капитализма, привести соответствующие данные, относящиеся к эпохе империализма, благо они прекрасно систематизированы в ленинской работе об империализме. Такого рода «актуализация» преподавания политической экономии вредна, ибо она прикрывает уход от историзма и ведет к смазыванию своеобразия экономики империализма. Совершенно очевидно, что нельзя выявить в должной степени своеобразие таких явлений, как концентрация производства в эпоху империализма, особенности послевоенного аграрного кризиса, особенности экономического кризиса 1929 г. и т. д., если анализ

этих проблем включать в соответствующие разделы политической экономии, посвященные промышленному капитализму. Мне думается, что тов. Островитянов при обсуждении вопроса о перестройке преподавания политэкономии в вузах (Институт экономики Академии наук СССР) правильно подчеркнул, что промышленный капитализм следует проходить на конкретном материале промышленного капитализма. Это не означает отказа от использования и современного материала. Но нужно, чтобы это не шло ни в ущерб историчности изложения курса политической экономии, ни в ущерб выяснению специфических проблем эпохи империализма.

«Империализм, как высшая стадия капитализма» содержит колоссальный конкретный материал. 4 тома «Ленинских сборников», посвященных подготовительным работам Ленина по «Империализму», показывают, какое грандиозное количество фактов Ленин использовал при построении своей теории новейшего капитализма. Игнорировать ленинские работы преподаватели политэкономии, авторы учебников и программ не могли. Это ставило известные границы для схоластических упражнений. Тем не менее благополучия в этой области мы не имеем. Вот несколько примеров.

В учебнике Лapidуса и Островитянова специальный параграф посвящен вопросу о том, как развитие производительных сил капитализма подготовило переход к империализму. Но во всем изложении этого вопроса нет даже и попытки дать действительную картину развития производительных сил капитализма.

В учебнике Кофмана 8 страниц посвящены монополюльной цене. Но нет ни одного факта, ни одной цифры, нет попыток дать анализ того, как монополюльная цена влияет на положение рабочего класса, крестьянства, как она обостряет противоречия капитализма.

Мы должны насытить богатым фактическим материалом изложение каждой проблемы раздела «Империализм». Вузовец должен получить достаточно конкретное представление о современном капитализме, знать важнейшие из существующих монополий, иметь представление о том, как распределены сферы влияния империалистических государств и т. д.

Стремясь к максимальной конкретизации изложения отдельных вопросов империализма, следует однако учитывать одну опасность. Буржуазная литература пытается нагромождением бесчисленных различий в формах и историческом развитии монополий в отдельных странах скрыть и смазать основной и общий закон их господства в современном капитализме.

Известный буржуазный знаток (и апологет) монополистического капитализма Лифман насчитывает многочисленные формы монополистических обществ. Он копается во всякого рода юридических и несущественных экономических различиях, создавая сложную классификацию монополистических организаций, выискивая «принципиальные» различия в динамике и в формах монополий отдельных капиталистических стран. Мы ни в коей мере не должны идти на поводу у этих буржуазных исследователей. Напомним, как Ленин относился к вопросу об особенностях развития монополий в отдельных странах. Он отнюдь не игнорировал эти различия, но, отмечая их, подчеркивал: «Факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами, напр., в отношении протекционизма или свободной торговли, обуславливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение моно-

голии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма»¹.

Крупнейшим недостатком в преподавании проблем империализма является то, что в наших учебниках не находил должного освещения монополистический капитализм в России. В порядке самокритики должен отметить, что это относится и к книге «Новые материалы к работе Ленина «Империализм». Это моя ошибка. Освещение монополистического капитализма в России важно не только потому, что это прошлое нашей страны, которое мы не можем игнорировать. Империализм есть канун социалистической революции. Это основной тезис, обоснованию которого посвящена ленинская теория империализма. Но Россия — это пока что единственная страна, где пролетарская революция уже победила. Социал-демократы и буржуазные литераторы написали десятки книг, в которых пытаются доказать, что революция в России была продуктом случайного стечения исторических обстоятельств, что она имеет чисто локальное значение и отнюдь не является началом мировой социалистической революции, как это утверждают большевики. Только анализ монополистического капитализма в России может показать, что Великая социалистическая революция в России является результатом тенденций, присущих всему мировому капитализму, тенденций, ведущих к крушению капиталистической системы во всем мире.

Вспомним, далее, бухаринскую трактовку проблемы слабого звена, которая встретила решительную критику Ленина. Бухарин утверждал в своей «Экономике переходного периода», что слабейшим звеном империалистической цепи являются страны, наименее развитые в экономическом отношении. Мы не можем ограничиться простым констатированием ошибочности этого бухаринского тезиса. Надо дать вузовцу реальное представление об уровне концентрации производства в царской России (этот уровень был очень высок), о степени охвата промышленности России монополиями. Надо показать, что царская Россия была одной из крупнейших колониальных империй. Одновременно курс политической экономии должен вскрыть и специфические черты русского империализма. Надо показать, что Россия была объектом полуколониальной эксплуатации, что господство монополий осуществлялось в условиях чрезвычайно отсталой экономики. Нужно показать, как это сочетание гнета монополий с пережитками крепостничества, патриархальщины вело к чрезвычайно обострению всех противоречий. Особенности империализма в России следует освещать при рассмотрении всех проблем раздела «Империализм».

Следующий существенный недостаток преподавания по разделу «Империализм» заключается в том, что мы до сих пор не показывали истории перехода к империализму. Ленин подчеркивает, что «последняя треть XIX века была переходом к новой империалистической эпохе»². Уделяем ли мы в наших учебниках и в нашем преподавании должное внимание этому периоду? Нет. А между тем это очень важный период экономического развития капитализма.

Это был период быстрого роста капитализма и его производительных сил. Техника прогрессировала гигантскими шагами. Именно в это время производство стали приобрело массовый характер на основе революции в методах ее выплавки, совершенной изобретениями Бессемера (1856 г.), Мартена (1867 г.) и Томаса (1879). Мелкие сталелитейные заводы уступили место предприятиям огромных размеров.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 84—85. Разрядка наша. — Л. М.

² Там же, стр. 309.

За три десятилетия мировая выплавка стали увеличилась примерно в 56 раз (0,5 млн. т в 1870 г. и 28 млн. т в 1900 г.). Бурный рост сталелитейной промышленности послужил основой развития машиностроения и всей тяжелой промышленности. Замена чугунных рельсов стальными усиливала размах железнодорожного строительства. Особенно быстро совершенствовались механические двигатели промышленности и транспорта, появились моторы совершенно нового типа. К этому периоду относятся изобретения динамомшины (1873 г.), четырехтактного двигателя внутреннего сгорания (1877 г.), паровой турбины (1885 г.), мотора Дизеля (1893 г.). На основе этих изобретений были построены трамвай (1879 г.), автомобиль с двигателем внутреннего сгорания (1885 г.), тепловоз (1891 г.), мотоцикл (1894 г.), аэроплан (1903 г.).

Триумфально шествовало электричество, неуклонно расширялась сфера его применения. В 1891 г. была успешно осуществлена передача электроэнергии на расстояние. Целая серия изобретений революционировала связь: телеграф Бодо (1874 г.), телефон Белла (1876 г.), микрофон (1877 г.), беспроводный телеграф (1895 г.), беспроводный телефон (1902 г.). В этот же период были открыты электросварка металлов (1881 г.), электроплавка стали (1895 г.), контактный способ получения серной кислоты (1875—1888 гг.), электролитический способ получения алюминия (1886 г.) и значительное количество других новых методов производства.

Все это меняло и техническую основу промышленности и ее структуру. В целом мировая промышленная продукция с 1870 г. выросла к 1900 г. в 3,1 раза, к 1913 г.— в 5,3 раза. Если в середине XIX столетия текстильная индустрия была решающей отраслью фабрично-заводской промышленности, то к концу века господствующее место заняла тяжелая индустрия. Еще более важные сдвиги произошли в положении отдельных стран в мировом хозяйстве.

За последние три десятилетия XIX в. Англия почти удвоила размеры своей промышленной продукции. Но неизмеримо быстрее развивались страны молодого капитализма, которые сразу строили промышленность на основе новейших достижений техники. Победа промышленного Севера над рабовладельческим Югом в гражданской войне в США (1861—1865 гг.) чрезвычайно ускорила развитие американского капитализма. Победа Пруссии в войне с Францией (1870—1871 гг.), объединение Германии под гегемонией Пруссии (1867—1871 гг.), получение Германией от Франции Эльзас-Лотарингии с ее богатейшими запасами железной руды и 5 млрд. франков контрибуции создали условия для быстрого роста германской промышленности. Объединение Италии, в основном осуществившееся в 1859—1860 гг., ускорило развитие итальянского капитализма. Высокими темпами развивался после отмены крепостного права капитализм в России. За 1870—1900 гг. Россия увеличила выплавку чугуна в 8 раз, выплавку стали — в 216 раз, добычу угля — в 5 раз. В Азии в последней четверти XIX в. после завершения так называемой революции Мейдзи сильно ускорился рост японского капитализма. Все это в своей совокупности нанесло непоправимый удар промышленной монополии Англии.

Еще в 1870 г. Англия добывала больше угля, производила больше чугуна, стали и тканей, чем США, Германия, Франция, Италия, Россия и Япония, вместе взятые. Но уже в девяностых годах Англия уступила промышленное первенство Соединенным штатам Америки, а в начале XX в. она потеряла и второе место в пользу Германии.

На основе этого огромного роста производительных сил капитализ-

ма чрезвычайно обострились противоречия капиталистической системы. Начался переход капитализма к периоду его упадка. Одним из симптомов перехода явились большая глубина и длительность кризисов последней четверти XIX в. В 1885 г. Энгельс писал по этому поводу: «С 1870 г. Германия и в особенности Америка стали конкурентами Англии в современной промышленности, тогда как в большинстве других европейских стран собственная промышленность развилась в такой степени, что они перестали зависеть от Англии. Последствием этого явилось распространение процесса перепроизводства на гораздо большую территорию, чем тогда, когда этот процесс ограничивался преимущественно Англией, при чем перепроизводство приобрело и сохраняет до сих пор не острый, а хронический характер. Отдаляя наступление грозы, которая прежде очищала атмосферу каждые десять лет, эта все продолжающаяся хроническая депрессия неизбежно приведет к краху такой силы и таких размеров, какого мы никогда раньше не знали»¹.

Обострение конкурентной борьбы привело к под'ему волны колониальных захватов. За 1876—1914 гг. колониальные владения великих держав выросли в 1,6 раза, а население колоний с 273 до 523 млн. В итоге весь мир оказался поделенным между кучкой богатейших стран. Дальнейшая борьба за колонии неминуемо вела к мировым военным конфликтам.

Парижская коммуна была первым в истории человечества «правительством рабочего класса» (Маркс), она показала, что на смену эпохе буржуазных революций идет эпоха революций социалистических. В основе этого лежали глубочайшие изменения в экономике капитализма.

Именно с 70-х годов прошлого столетия начинается переход к новой, высшей стадии развития капитализма — империализму. Окончательно этот переход завершился в конце XIX, начале XX века.

В наших учебниках политической экономии мы до сих пор не показывали этой картины перехода от капитализма свободной конкуренции к империализму, мы не давали истории перехода к империализму, мы не показывали, как сложился тот новый, более высокий уровень производительных сил, который характерен для империализма, не показывали технических сдвигов, приведших к гигантскому усилению концентрации производства.

Следующий вопрос, который не находил должного отражения в преподавании империализма, это ленинская формула об империализме как надстройке над старым капитализмом. Ленин говорил: «Чистый империализм без основной базы капитализма никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет»². «Нигде в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать... Если Маркс говорил о мануфактуре, что она явилась надстройкой над массовым мелким производством, то империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом. Если разрушить его верхушку, обнажится старый капитализм. Стоять на той точке зрения, будто есть цельный империализм без старого капитализма — это значит принять желаемое за действительность»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XXVII, стр. 500—501.

² Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 131.

³ Ленин, там же, стр. 133.

В учебнике т. Островитянова, в учебнике т. Сегалья и в цитированной мною программе для экономических вузов нет анализа бухаринской теории «чистого империализма». Суть не только в том, чтобы вставить еще пару страниц и подвергнуть критике Бухарина — речь идет о построении всего раздела «Империализм» в курсе политэкономии, об изложении основных проблем империализма. Ленин писал: «Если бы перед нами был цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, наша задача была бы в сто тысяч раз легче. Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности»¹. «Только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. На самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чисто-империалистического капитализма»².

Совершенно очевидно, что и отношение к средним слоям городов, которое приобрело ныне в условиях борьбы с фашизмом особенно большое значение, и ряд других важнейших политических вопросов не могут быть правильно решены, если стоять на точке зрения «чистого империализма». А вопрос национально-колониальный? Разве можно правильно осветить эти вопросы, не разгромив теории «чистого империализма»? Нужно показать многоукладность экономики стран капитализма в эпоху империализма. Эта многоукладность была не только в царской России, она имеет место во всей системе мирового империализма. Нет ни одной страны в мире, где не было бы мелкого производства. Мы ничего не поймем в экономике империализма, если не покажем сочетания господства монополий с пережитками крепостничества и феодализма, в особенности в колониальных странах, в которых монополистический капитал эти пережитки консервирует, закрепляет и сохраняет.

Все это мы должны иметь в виду при освещении любой темы раздела «Империализм», начиная с концентрации производства. Ленин подчеркивает, что не во всех отраслях производства господствуют крупные предприятия. Даже в Германии — в стране с очень высоким уровнем концентрации производства — в 1925 г. 67% всех лиц, занятых в кожевенной, пищевкусовой, швейной, металлообрабатывающей, строительной, музыкально-игрушечной отраслях промышленности, было сосредоточено в предприятиях с числом лиц менее 50 в каждом. Об этой огромной массе мелких предприятий мы склонны забывать в нашем преподавании и учебниках. Мы говорим о монопольно-высоких ценах, но игнорируем такое явление, как монопольно-низкие цены, по которым монополии скупают продукты производства у мелких товаропроизводителей. А ведь это одна из очень существенных форм эксплуатации монополиями мелкого производства. Монополии почти полностью подчиняют себе тяжелую индустрию, так называемые новые производства, железнодорожный и водный транспорт, электростанции и т. п. отрасли, где преобладают немногие крупнейшие предприятия. Эти отрасли играют в современной экономике решающую роль и их захват обеспечивает монополиям господство над всем хозяйством. Но сотни тысяч и миллионы предприятий остаются вне монополистических объединений. Монополии не могут полностью устранить ни «свобод-

¹ Там же.

² Там же, стр. 134.

ного» капитализма, ни мелкого производства. В ряде стран (Япония, Польша, ранее царская Россия, в особенности зависимые и колониальные страны) господство монополий уживается с остатками средневековья и крепостничества и самых отсталых форм хозяйства.

Это соединение новых и старых экономических форм, и прежде всего соединение монополии и конкуренции, служит источником острейших противоречий. Ибо, осуществляя непосредственное владение и контроль над крупнейшими предприятиями важнейших отраслей, монополии ставят в зависимость от себя сотни тысяч немонополизированных предприятий, меняют условия их существования, эксплуатируют все хозяйство и все население. Сельское хозяйство, например, благодаря невысокой концентрации производства в большинстве стран в минимальной степени охвачено трестами, картелями и другими формами монополистических объединений. Но тем острее оно испытывает гнет монополий.

Все эти особенности экономики монополистического капитализма нельзя показать, не расшибив вдребезги бухаринскую теорию «чистого империализма», не исходя в изложении всех проблем империализма из ленинского тезиса о том, что империализм есть надстройка над старым капитализмом. Нельзя забывать, далее, ленинского указания о том, что «именно это соединение противоречащих друг другу «начал»: конкуренции и монополии и существенно для империализма, именно оно и подготавливает крах, т. е. социалистическую революцию»¹.

Небывалое обострение конкурентной борьбы, рост хаотичности общественного производства, увеличение остроты и разрушительной силы кризисов, невиданное разорение мелкой буржуазии — все это лишь результат соединения монополии и конкуренции. Важнейшее значение имеет тот факт, что конкурентная борьба монополий при империализме, будучи борьбой за монопольные рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капиталов, за колониальные сверхприбыли, неизбежно перерастает эпизодически в империалистические войны за передел поделенного мира. Ужасы империалистической войны, тяготы милитаризма являются могучим фактором ускорения решающих боев мирового пролетариата за социализм.

Следующий чрезвычайно важный вопрос, который плохо освещен в наших учебниках и программах, — это национально-колониальный вопрос. Возьмем XVIII, XIX и другие томы сочинений Ленина, в которых трактуются проблемы империализма, возьмем работы товарища Сталина — какое колоссальное место занимает в этих работах национально-колониальный вопрос. Можем ли мы это сказать о наших учебниках и наших программах? Безусловно нет!

Обычно в учебниках дается краткая характеристика раздела мира (без показа истории этого раздела), декларируется далее неизбежность борьбы за передел мира (опять-таки без показа истории этой борьбы). Иногда в учебниках дается краткая критика теории деколонизации. Но нет подлинного анализа экономического строя колоний и особенностей развития капитализма и капиталистической промышленности в колониях. Нет показа того, какими путями и методами империалисты консервируют отсталость колониальной экономики и феодально-крепостнические отношения в колониях. А между тем это вопрос огромнейшей политической важности. Вспомним

¹ Ленин, Собр. соч., т. XX, стр. 297.

хотя бы ту борьбу, которую вела партия с контрреволюционным троцкистско-зиновьевским блоком по вопросу о характеристике китайской экономики. Как известно, блок отрицал наличие феодально-крепостнических отношений в китайской деревне. «Оппозиция не видит,— говорил товарищ Сталин,— что своеобразие китайской экономики состоит не в проникновении купеческого капитала в деревню, а в сочетании господства феодальных пережитков с существованием купеческого капитала в китайской деревне при сохранении феодально-средневековых методов эксплуатации и угнетения крестьянства¹.

Правильная характеристика тенденций развития колониальной экономики является предпосылкой правильной трактовки проблем колониальной революции. Наши же учебники обычно обходят этот вопрос, не показывают, что в эпоху империализма национально-колониальный вопрос превращается в составную часть общего вопроса международной социалистической революции. А между тем это одна из важнейших основ ленинизма. Характеризуя три исходных положения ленинской теории пролетарской революции, товарищ Сталин в двух из них подчеркивает все огромное значение национально-колониального вопроса. Это, к сожалению, не находит достаточного отражения в наших программах и учебниках по политэкономии. Мы не находим в учебниках и должного обоснования тезиса о возможности в эпоху империализма перехода отсталых стран к социализму, минуя фазу развитого капитализма. Между тем опыт социалистической перестройки экономики Узбекистана, Туркменистана и других бывших колоний царской России имеет с этой точки зрения всемирно-историческое значение. Мы не отражаем в должной мере в наших учебниках той борьбы, которую Ленин и Сталин вели против всех, кто в какой-либо мере пытался смазать значение национально-колониального вопроса, выступая против большевистского лозунга о свободе самоопределения наций вплоть до отделения. А между тем здесь лежит водораздел между большевизмом и меньшевизмом, между ленинизмом и локсембургизмом, троцкизмом и т. д.

Имеются у нас и существенные недостатки в освещении такой важной проблемы, как проблема загнивания капитализма. Говоря о загнивании капитализма, мы не должны забывать ленинских указаний о том, что пролетарская критика империализма принципиально отлична от мелкобуржуазной критики империализма. Есть много буржуазных работ, которые неплохо вскрывают отдельные противоречия монополистического капитализма и критикуют господство монополий, господство финансовой олигархии. К их числу можно отнести работу Гобсона об империализме. Но за такой критикой часто скрываются мечты о «счастливых» временах господства свободной конкуренции. В этом реакционность мелкобуржуазной критики империализма. Ленин клеймил как буржуазное филистерство и реакционную путаницу всякую критику империализма, пытающуюся доказать преимущества свободной конкуренции. Эта критика отражает настроения тех слоев буржуазии, которые душит монополия. В такой критике проявляется и страх перед пролетарской революцией, которая растет из гигантского обострения противоречий капитализма монополиями, стремление предотвратить крах путем реформ, путем ограничения власти трестов и т. п. Подобная критика империализма есть по существу прикрытая защита капитализма. Ее объективный смысл —

¹ Сталин, Об оппозиции, 1928 г., стр. 618.

борьба за сохранение капитализма, ее лозунг — возврат невозвратимых времен господства свободной конкуренции.

Пролетарская ленинская критика империализма имеет принципиально иной характер. Ленин писал: «Но ни один марксист не забудет, что капитализм прогрессивен по отношению к феодализму, а империализм — по отношению к домонополистическому капиталу»¹. В другом месте Ленин указывает: «Дело буржуазии — развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не «требуем» такого развития, не «поддерживаем» его, мы боремся против него. Но как боремся. Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим идти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр. и дальше них к социализму»².

Относительная прогрессивность империализма — в гигантском обобществлении производства и высоком уровне производительных сил, которые ставят человечество на порог социалистической революции. Этого мы не должны забывать, излагая проблему загнивания капитализма. Наши учебники должны дать картину развития производительных сил капитализма в период господства монополий, обосновать тезис о том, что империализм есть более высокая ступень развития техники и производства. Именно потому, что производительные силы капитализма выросли так сильно, именно потому, что налицо гигантское обобществление производства, именно поэтому капитализм, создав объективные предпосылки для перехода к социализму, превратился из восходящего капитализма в нисходящий, реакционный. Это означает, что капитализм как общественная система, «выполнив все для него возможное, поворачивает к упадку»³. Дальнейшее существование капитализма исторически не оправдано, капитализм превратился в оковы для дальнейшего развития производительных сил и человеческого прогресса. «Буржуазия из поднимающегося передового класса стала опускающимся, упадочным, внутренне-мертвым, реакционным. Поднимающимся — в широком историческом масштабе — стал совсем иной класс»⁴.

Эпоха, когда буржуазия Европы еще боролась против феодализма, кончилась. В эпоху империализма монополистический капитализм консервирует феодальные отношения в колониях, заключает союз с остатками феодально-дворянско-помещичьего сословия в самых передовых странах. Финансовый капитал перед угрозой пролетарской революции пытается консолидировать все реакционные силы.

И в период империализма производительные силы капитализма быстро растут. Общее замедление темпов роста производительных сил характерно не для всей эпохи империализма в целом, а лишь для периода общего кризиса капитализма. До мировой войны это замедление имело место лишь на отдельных участках мирового хозяйства. Но рост производительных сил в империалистских странах покупается дорогой ценой. В целом империализм является величайшим тормозом для развития производительных сил общества. Как система колониального и полуколониального порабощения империализм обрекает на экономическую и техническую отсталость большую часть земного шара. Монополии далее ограничивают темпы развития.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 224.

² Там же, стр. 316—317.

³ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 51.

⁴ Ленин, там же, стр. 110.

и технический прогресс в немонополизированных предприятиях и отраслях производства империалистских стран. Растущее отставание легкой индустрии — одна из существенных форм торможения роста производительных сил господством монополий. В еще большей мере господство монополий тормозит развитие сельского хозяйства. Монопольные цены ведут также к торможению технического прогресса в монополизированных отраслях производства. Эти и все прочие формы загнивания монополистического капитализма следует освещать, имея в виду, что само загнивание капитализма является продуктом гигантского развития его производительных сил. Именно в результате этого развития «частно-хозяйственные и частно-собственные отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнивать, если искусственно оттягивать ее устранение, — которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое (на худой конец, если излечение от оппортунистического нарыва затянется) время, но которая все же неизбежно будет устранена»¹.

Переходим к вопросу об освещении закона неравномерности развития капитализма.

Мы уже указывали, что наши учебники и программы не уделяют должного внимания закону неравномерности развития. В схеме курса политэкономии, утвержденной ЦК ВКП(б), в разделе об империализме, выделена особая тема «Закон неравномерного развития капитализма и построение социализма в одной стране». Этим подчеркивается принципиально важное значение этой проблемы.

Мы должны вопрос о законе неравномерности освещать достаточно конкретно, на большом историческом материале. Товарищ Сталин в полемике с оппозицией подчеркивал, что закон неравномерности развития капитализма при империализме открыл и обосновал Ленин. Обычно, отмечая этот факт, наши учебники в недостаточной степени выясняют то новое, что внесли в этом вопросе Ленин и Сталин.

Маркс и Энгельс, ставя в середине XIX в. вопрос о возможности в условиях того периода победы социализма в одной стране, решали его в отрицательном смысле. В 1847 г. Энгельс в «Принципах коммунизма» писал о социалистической революции: «Может ли эта революция произойти в одной какой-нибудь стране? — Нет»².

В письме к Энгельсу Маркс в 1853 г. писал: «Трудный вопрос заключается для нас в следующем: на континенте революция неизбежна и примет сразу социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, так как на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще восходящее движение?»³.

Имея в виду эти высказывания основоположников марксизма, товарищ Сталин указывает: «Для периода домонополистического капитализма вопрос о победе социализма в отдельных странах решался отрицательно и решался он совершенно правильно». «В свое время эта формула Энгельса была единственно правильной формулой»⁴.

Заклятые враги рабочего класса, вожди презренного троцкистско-зиновьевского блока, пытались использовать эти высказывания Маркса и Энгельса для борьбы против теории Ленина — Сталина о воз-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 174.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 476.

³ Там же, т. XXII, стр. 362.

⁴ Сталин, Об оппозиции, 1928 г., стр. 501 и 503.

возможности победы социализма в одной стране. Это было подлым двурушничеством: ссылками на Маркса они хотели скрыть свою полную измену марксизму. Они клеветали на Маркса и Энгельса, извращали их взгляды, утверждая, что основоположники марксизма вообще при любых условиях считали невозможной победу социализма в одной стране. Между тем и Маркс и Энгельс имели в виду лишь определенную конкретно-историческую обстановку середины XIX в.

«Вытекает ли,— говорил товарищ Сталин на VII пленуме ИККИ,— из цитат Маркса, что победа социализма в отдельных странах невозможна при всяких условиях развития капитализма. Нет, не вытекает. Из слов Маркса вытекает лишь то, что победа социализма в отдельных странах невозможна только в том случае, если «движение буржуазного общества идет все еще по восходящей линии». Ну, а как быть, если движение буржуазного общества в целом в силу хода вещей меняет свое направление и начинает идти по нисходящей линии? Из слов Маркса вытекает, что при таких условиях исчезает основание для отрицания возможности победы социализма в отдельных странах»¹.

Эту принципиальную разницу между восходящим капитализмом эпохи Маркса—Энгельса и нисходящим, загнивающим, умирающим капитализмом эпохи Ленина—Сталина игнорировала контрреволюционная оппозиция. Великая заслуга Ленина и Сталина в том, что они, исходя из особенностей эпохи империализма, обогатили сокровищницу марксизма теорией о возможности в период господства монополий победы социализма в одной стране. Эта теория ныне уже претворена в жизнь. Победивший в СССР социализм—ее лучшее тому историческое подтверждение. Имя Сталина—организатора этой победы—с величайшей любовью произносится трудящимися всего мира. А Троцкий, Зиновьев и Каменев вошли в историю как гнуснейшие предатели и изменники делу трудящихся, как безмерно подлые враги рабочего класса.

Переход к господству монополий вносит следующие важнейшие изменения в условия социалистической революции по сравнению с периодом домонополистического капитализма:

1. В эпоху Маркса—Энгельса объективные условия для победы социализма имелись лишь в отдельных странах, но не было еще условий для всемирной победы социализма. В период господства монополий уже вся мировая империалистическая система в целом созрела для социалистической революции.

2. Чрезвычайное обострение неравномерности экономического и политического развития капитализма, типичное для периода господства монополий, делает, однако, невозможным одновременную победу пролетариата во всех странах.

3. Эти два обстоятельства: зрелость всей капиталистической системы для социализма и гигантское обострение неравномерности капиталистического развития настолько ослабляют фронт мирового капитализма, что создается возможность прорыва империалистической цепи в ее слабейшем звене и победы социализма первоначально в одной стране.

В середине XIX в. капитализм был еще сравнительно слабо развит на всех континентах земного шара, кроме Европы. В Европе на Востоке простиралась необъятная царская империя с ничтожным про-

¹ Сталин, Об оппозиции, 1928 г., стр. 501.

мышленным пролетариатом, готовая обрушиться всей своей военной силой против любого революционного выступления пролетариата Европы. С другой стороны, гигантским экономическим превосходством обладала Англия, еще не потерявшая своей промышленной монополии. В ней больше всего созрели объективные условия для социалистической революции. Но та же промышленная монополия Англии являлась основой обуржуазивания английского рабочего движения. В этих условиях Англия выступала как величайшая угроза и препятствие для победы пролетариата в Европе.

В декабре 1848 г. Маркс писал: «Падение буржуазии во Франции, победа французского рабочего класса и освобождение рабочего класса вообще составляют поэтому лозунг европейского освобождения. Но та страна, которая превращает целые нации в своих наемных рабочих, которая своими гигантскими руками охватывает весь мир, которая однажды уже взяла на себя расходы европейской реставрации, в собственном лоне которой классовые противоречия развились в наиболее ясной и бесстыдной форме,— Англия кажется скалою, о которую разбиваются революционные волны, которая хочет умерить голодом новое общество еще во чреве матери. Англия господствует над мировым рынком. Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии — только буря в стакане воды»¹.

В начале XX в. положение было уже принципиально иным. Уровень производительных сил гигантски повысился во всем мире. Развитие капитализма достигло такой высокой ступени, что даже в Индии и Китае, не говоря уже о России, промышленный пролетариат стал довольно многочисленным. В результате чрезвычайной неравномерности экономического развития капитализма произошла известная нивеллировка уровней производительных сил главных стран. Англия потеряла промышленную монополию, перестала быть вершителем судеб мира.

Царизм оставался оплотом мировой реакции, но в силу условий, о которых мы скажем ниже, пролетариат России стал революционнейшим в мире, центр мирового революционного движения переместился на Восток. Все это коренным образом изменило условия борьбы пролетариата за социализм.

Все это нужно показать в наших учебниках и в преподавании политэкономии. Мы этого не делаем, между тем только таким путем мы сможем разоблачить до конца клеветнический характер контрреволюционных измышлений троцкистско-зиновьевского блока. Надо показать, какой колоссальной ценности вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма сделали Ленин и Сталин, создав теорию о возможности построения социализма в одной стране.

Обычно в учебниках главное внимание уделяется анализу основных признаков общего кризиса капитализма и лишь очень кратко характеризуются три периода общего кризиса капитализма. Мне думается, что пропорции должны быть здесь обратного порядка: после относительно краткой характеристики сути общего кризиса капитализма, его основных признаков следует все изложение построить в историческом разрезе.

Нужно показать, как мировая война положила начало общему кризису капитализма. Обычно этот тезис в учебниках просто декла-

¹ Маркс и Энгельс, т. VII, стр. 103.

рируется с соответствующей ссылкой на программу Коминтерна. Однако то, что программа лишь фиксирует, учебник должен разъяснить, обосновать, комментировать. Нужно дать историю наступления общего кризиса капитализма, показать последовательную смену этапов, на которые распадается эпоха общего кризиса капитализма.

С этой точки зрения особый интерес приобретает и динамика мирового капитализма в 1900—1913 гг. Это был период бурного роста производительных сил капитализма. Но уже тогда явственно выступали симптомы назревающих огромных потрясений: экономических, военных, революционных.

Уже кризис 1907 г. был хотя и кратковременным, но чрезвычайно острым и разрушительным. Темп роста мировой продукции после кризиса был взвинчен бешеной гонкой вооружений, и все же он снизился по сравнению с предшествующим периодом. Снизился, как это показывают данные по США, и рост мощности механических двигателей промышленности. В некоторых отраслях наметилась тенденция к созданию хронической недогрузки производственного аппарата. В 1914 год капитализм вступил под знаком наступающего экономического кризиса, грозившего быть особенно разрушительным. Обострение экономических противоречий, усиливая борьбу за передел мира, ускорило наступление военной катастрофы.

Одновременно все явственнее ощущалось и приближение мировой пролетарской революции. Ее предвестниками были революции 1905 г. в России, 1908 — в Персии и Турции, 1911 г. — в Китае, революционный подъем в Индии в 1906—1908 гг., новый подъем революционной волны в России после ленских расстрелов 1912 г. Мощная волна забастовок и демонстраций в России и в ряде других стран в 1913 и 1914 гг. свидетельствовала о близости революционной грозы, которую развертывавшийся экономический кризис мог лишь ускорить и усилить. Одним из мотивов, которыми империалисты руководствовались, бросая народы в пучину войны, было «отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, раз'единение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата»¹.

Приближение общего кризиса капитализма ощущалось таким образом уже до мировой войны в развитии экономики, межимпериалистических противоречий и классовых противоречий. Война собрала все эти противоречия в один узел, гигантски обострила их, открыв новую эпоху в истории человечества — эпоху общего кризиса капитализма. Мы должны показать, почему война привела к таким последствиям, показать огромные разрушения, произведенные империалистической войной, гигантское обострение противоречий классовых и т. д. Это особенно необходимо в настоящий момент, когда фашизм, всемерно стремясь развязать новую империалистическую войну, воспекает гимны войне, доказывая, что она является могучим фактором развития производительных сил капитализма.

Эта «теория» разделяется и пропагандируется не только фашистами. Вот что писал в годы капиталистической стабилизации австрийский социал-демократ Отто Ляйхтер: «Совершенно неверно, что в войне капиталистическое хозяйство подвергалось систематическому ограничению и об'единению». «Война не обуславливает ни разрушения, ни абсолютного обнищания капиталистического мира, на-

¹ Ленин, Собр. соч., том XVIII, стр. 61.

против, она приносит исключительную конъюнктуру, исключительные возможности осуществлять особенно большие накопления». Этот тезис так и просится в гитлеровскую литературу, воспевающую войну, как выход из всех зол. Концепция Ляйхтера — это прикрытая люксембургской фразеологией точка зрения поставщиков военного снаряжения, которые действительно бешено разбогатели на войне. Чтобы разгромить эту концепцию, мы должны дать реальную картину тех огромных разрушений, которые принесла мировая война. До сих пор это не находило в учебниках политэкономии должного освещения. В частности следует показать, как повлияла война на русскую экономику. Это очень важно для объяснения того, как складывались предпосылки Великой пролетарской революции.

В историческом разрезе следует освещать все основные проблемы общего кризиса капитализма. Например, говоря о недогрузке производственного аппарата, нужно показать, как исторически сложилась эта недогрузка, какую роль в образовании хронической недогрузки сыграли мировая война, послевоенное развитие производительных сил, так называемая капиталистическая рационализация производства и т. д. И на фоне исторического изложения динамики важнейших этапов общего кризиса капитализма следует давать и критику антиленинских теорий. Так, например, мы обычно даем критику троцкистской «теории» стагнации производительных сил без показа той исторической обстановки, в которой эта «теория» была выдвинута, и той роли, какую она играла в контрреволюционной борьбе троцкизма против нашей партии и Коминтерна. Не случайно эта теория была поднята троцкистско-зиновьевским блоком на шит в период относительной стабилизации капитализма. Троцкизм утверждал, что построить социализм в нашей стране невозможно, что собственными силами советская власть в капиталистическом окружении удержаться не может. Отсюда вытекало, что в условиях затяжки мировой революции остается единственный путь — путь реставрации капитализма в СССР. И программой троцкизма была борьба за реставрацию капитализма. Троцкистская «теория» стагнации производительных сил была призвана подкреплять борьбу контрреволюционного троцкистского блока против строительства социализма в нашей стране. Этот пример показывает, как историческое освещение основных проблем общего кризиса капитализма позволяет давать более полную критику всякого рода антиленинских концепций.

Можно создать программу и учебник, которые будут признаны более или менее удовлетворительными, но нельзя забывать, что этим делом перестройки преподавания политэкономии далеко не исчерпывается. Дело не только в программах и учебниках, но и в нас самих. Всем преподавателям предстоит большая учеба. Нужно в полной мере реализовать решение о высшей школе, которое требует, чтобы кафедры развернули научно-исследовательскую работу. Это особенно важно применительно к проблемам империализма, потому что в современном капитализме все время происходят изменения, в курсе которых должен быть каждый преподаватель. Нужно наладить более тесную связь между вузами и научно-исследовательскими институтами, которые могут и должны оказать серьезную помощь в перестройке преподавания политэкономии. Между тем наши институты пока что позорно отстают. Достаточно отметить тот факт, что почти нет работ, подвергающихся критике фашистские взгляды на современный капитализм. В этом вина и наших научно-исследовательских

институтов и широкого круга преподавателей. Совершенно ненормально и то, что многие преподаватели вузов не ведут никакой исследовательской работы. Ненормально и то, что многие видные научные работники по существу не ведут серьезной педагогической работы. Более тесная связь между научно-исследовательскими институтами и вузами является необходимым условием реализации той перестройки преподавания политической экономии, которая требуется решением Центрального комитета нашей партии.

Право на образование и советская демократия

Антагонистический характер капиталистической системы получает в области культурного строительства свое выражение в том, что, с одной стороны, технический прогресс требует подготовленных кадров, с другой — буржуазия заинтересована в максимальном сужении культурного развития рабочего класса. Буржуазия нуждается в пригодных слугах, которые «были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья»¹. Она дает рабочим образование постольку, поскольку это в ее интересах.

Наука и техника в руках капиталистов, совершенствуя орудия производства, приводят не только к сокращению числа необходимых рабочих, но и к упрощению их функций, к замене более квалифицированных рабочих менее квалифицированными, к их деквалификации.

«Сравнительное обесценение рабочей силы, являющееся, результатом устранения или понижения издержек обучения, знаменует собою непосредственное увеличение самовозрастания капитала»².

Капитализм по самой своей сущности не может, конечно, обеспечить право на труд, право на образование. Автоматизация производственного процесса при капитализме приводит к вытеснению обученного, квалифицированного рабочего, уравнивает, нивелирует труд. От рабочего требуются только однообразные, легко изучаемые приемы. «Современная промышленность все более и более заменяет сложный труд более простым, для которого не нужно никакого образования»³.

Крупная промышленность, созданная на капиталистической основе, превращая рабочего в простой придаток машины, завершает процесс разделения умственного и физического труда. Даже в наиболее передовых капиталистических странах, где формально существует система всеобщего обязательного обучения, дети рабочих получают лишь элементарное образование. Что же касается дополнительного профессионального образования, то даже в такой передовой стране, как Англия (еще до кризиса), его получало только 1,4% кончающих элементарные школы. Обычно профобразование совмещается с работой в предприятии и поэтому осуществляется преимущественно в вечерних школах. Курсы обучения рассчитаны на 4—5 лет, но фактически в течение первых двух лет из них отсеиваются до 80% учащихся⁴.

В Германии, даже до кризиса, значительные кадры подростков не получали дополнительного обучения сверх элементарной школы: так, в Пруссии из 3300 обследованных подростков в возрасте 14—18 лет

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXX дополнит., 1935 г., стр. 405.

² Маркс Капитал, т. I, изд. 7-е, стр. 234.

³ Маркс и Энгельс, т. V, стр. 546.

⁴ Memorandum of Committee of Industry of Trade Factories in Industrial and Commercial Efficiency (1921—1925 г.).

2 тыс., т. е. 60% общего числа, не посещали дополнительных школ¹. Понятно, что при значительной продолжительности работы на капиталистических предприятиях и при тяжелых материальных условиях подросток лишен возможности заниматься должным образом учебой. Нечего говорить о том, что кризис, массовая безработица, а в Германии приход к власти фашизма привели к еще большему ухудшению профессионального обучения рабочей молодежи. «Трудовые лагеря», ведущие к полной деквалификации молодежи, все больше заменяют в Германии профессиональные школы; вместо квалифицированных рабочих там готовят «пушечное мясо» для новой империалистической бойни.

Подготовка кадров в СССР особенно ярко выявляет отличие социалистической системы от капиталистической. В то время, как в СССР о подготовке рабочей силы в основном заботится государство, в капиталистических странах рабочий должен сам заботиться о конкурентоспособности, о качестве своего товара — рабочей силы. Нищенская заработная плата рабочего в капиталистических странах не оставляет ему необходимых средств на воспитание и профессионально-техническую подготовку своих детей. Государственный же аппарат, находящийся в руках буржуазии, не заинтересован в таких расходах, тем паче, что к услугам капиталистов всегда имеется громадная резервная армия трудящихся любой квалификации.

«Как могло государство тратить средства и давать большей части своего рабочего населения техническое образование, если для получения этого образования рабочая сила должна была оторваться от производства на 5 и более лет», — говорит дозольно откровенно ставший теперь на позиции фашизма Зомбарт².

Нечего говорить, что фашизм, этот злейший враг культуры, приводит к быстрому падению не только профессионального обучения, но всего вообще дела просвещения. В Италии число учащихся начальных, средних и высших школ на 100 тыс. населения выражается в следующих цифрах:

	Школы		
	Начальные	Средние	Высшие
1891/92 г.	7,417	411	68
1921/22 »	10,276	916	136
1929/30 »	10,009	634	106

Как видим, после прихода к власти фашизма значительно снизился охват населения всеми типами школ (особенно резко в средних — почти на одну треть и в высших — почти на $\frac{1}{4}$). Удельный вес учащихся в средней школе понизился с 8,09% до 5,02, по высшей школе с 1,20 до 0,99%. В результате «культурной» деятельности итальянских фашистов удельный вес учащихся высшей и средней школы сократился даже против 1891/92 г., когда он составлял 6,07%, до 6,01% в 1929/30 г. В начальной школе на пятом году обучения остается всего 19% поступивших в школу мальчиков и 16% девочек. Таков образовательный уровень населения старейшей по культуре капиталистической страны, находящейся под властью фашизма. Не удивительно, если перепись 1931 года выявила в Италии 27% неграмотных.

В более отсталых фашистских странах речь идет уже о возврате к массовой неграмотности. Польский правительственный орган «Ил-

¹ Vierteljahrhefte für Statistik des D. R. 4 Heft, 1927, B. Mews Erwerbstätige Jugend. Berlin und Leipzig 1929.

² Зомбарт, Современный капитализм, т. III, 1-й полутом, стр. 444.

люстрованы Курьер Подзенны» констатирует (12/VII 1936 г.), что «положение начальной школы ухудшается из года в год». «Каждый год приносит все большее и большее сокращение расходов на школу». «Мы дошли до того, что имеем в нашем государстве 11 млн. неграмотных».

«Если не наступит коренная перемена в положении нашего школьного дела, — пишет помещичий «Час», — неграмотность в Польше не только не будет уменьшаться, но будет постоянно возрастать» (16/IX 1936 г.). Что эти опасения вполне обоснованы, подтверждается тем, что согласно последней переписи населения, например, в Пинском уезде, насчитывается 62,4% неграмотных, в Камень-Каширском уезде — 68,0% неграмотных и т. д. «Польской деревне угрожает поголовная неграмотность, если условия обучения в начальных школах не улучшатся», — пишет «Глос гмины вейский» (15/I 1936 г.). Несмотря на все это польская фашистская конституция перечеркнула существовавший формально долгое время пункт старой конституции о бесплатном начальном обучении.

В фашистской Германии, где хозяйничают гитлеровцы, эта «правительственная система политического бандитизма... это средневековое варварство и зверство»¹, нет больше настоящей школы. Фашистская школа это — «унифицированная» казарма, в которой фашистские «вожди» пытаются презрительно подрастающее поколение в орудие осуществления своих империалистических, грабительских замыслов. Учитель превращен в фельдфебеля, ученик — в солдата.

С большой ясностью говорят об этом сами фашисты. «Вся наша программа воспитания по существу содержится в четырех понятиях: раса, оружие, вождь и религия... Основное — это внедрение расового сознания». Так формулирует основы фашистского просвещения Ганс Шемм — штурмовик от просвещения, баварский министр «просвещения» и имперский руководитель Союза учителей.

Основная установка фашистской «школы» — достаточная для условий современной войны подготовка «пушечного мяса». «Науку о войне, — пишет Эвальд Банзе, — должен знать весь народ. В школе любой предмет преподавания — география, история, физика, химия и биология — должен помогать усвоению этой науки». «В первую же очередь необходимо внушить молодежи непререкаемую веру в моральную ценность и глубокое значение войны. Такова цель нашего воспитания!»

Разве можно найти лучшую иллюстрацию слов Ленина, что «буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления для того, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство»².

Поход германского фашизма против культуры и просвещения особенно ярко выражается в отношении к высшей школе. 25 августа 1933 г. фашистами был издан так называемый «закон о переполнении высших школ». Согласно этому закону число аттестатов зрелости ограничивается, причем число это постоянно уменьшается. В 1934/35 учебном году принято было в высшие учебные заведения 14 293 чел., что составляет меньше половины (44,3%) приема 1930/31 г. «Фелькишер Беобахтер» сообщает, что ближайшей задачей Германии в области высших учебных заведений является возвращение их к уровню 1911 г., т. е. сокращение имевшегося в 1934/35 г. числа студентов еще на 24—30%. Можно не сомневаться, что фашисты на этом «достижении» не остановятся.

¹ Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коминтерна в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, стр. 9, Партиздат. 1935 г.

² Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 395.

Число женщин с аттестатами зрелости не должно превышать 10% абитуриентов мужчин. Норма приема для «неарийцев» сейчас установлена в 1,5%. В этом фашисты перещеголяли даже царских черносотенцев.

Сокращение контингентов, классовый характер которого очевиден, вполне соответствует установкам фашистов. Государственный советник Куббе указывает, что «желание ремесленников и людей среднего сословия, чтобы все их сыновья учились, представляет собой сумасбродство». О рабочих и крестьянах говорить не приходится. Ведь еще до прихода фашистов в 1932/33 учебном году рабочие составляли в высших учебных заведениях Германии 3,2%, а мелкие крестьяне—2,4%.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху человеческой истории, эпоху, в которой материальный и культурный рост трудящихся неотделим от роста производительности общественного труда. «Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного под'ема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности» (ст. 11 сталинской Конституции). Пролетарская революция, ликвидировав частную собственность на средства производства, эксплуатацию человека человеком, стихийность общественных процессов, анархию производства, открыла новую эпоху человеческой истории, эпоху, в которой человек впервые выступает как сознательный строитель своей жизни.

В буржуазных революциях на долю трудящихся масс выпадала разрушительная работа, уничтожение феодализма, монархии. Созидательную работу, организацию нового общества выполняло буржуазное меньшинство населения. Задачей пролетариата и руководимого им трудящегося крестьянства в социалистической революции является громадная «созидательная работа налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся»¹.

Только социализм впервые дает возможность втянуть в свою работу, в которую они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник, которые, как говорил Ленин, капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами. Только социализм создает условия, чтобы «поднять наинизшие низы к историческому творчеству»². Только социалистическое строительство вызывает на арену исторического действия миллионы трудящихся, превращая их в активных, сознательных творцов нового общества.

Ленин уже на первом этапе революции, в период преобладания мелкобуржуазной стихии, говорил о советской демократии, как о «переходе к социалистическому демократизму».

Безраздельное господство социалистических форм хозяйства, превращение России нэповской в Россию социалистическую обозначают полный расцвет советской демократии, ее под'ем на новую ступень

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 440.

² Там же, т. XXX, стр. 368.

социалистической демократии. Сталинская Конституция отражает это развитие советской демократии в направлении создания всех условий для развертывания демократии социалистической.

...«Мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни». «Особенность проекта нозой Конституции составляет его последовательный и до конца выдержанный демократизм»¹. Обеспечивая право на труд, право на отдых и право на образование всем гражданам СССР без различия национальности, расы, пола, новая Конституция обеспечивает всестороннее развитие личности.

«Буржуазные конституции обычно ограничиваются фиксированием формальных прав граждан, не заботясь об условиях осуществления этих прав, о средствах их осуществления». «Особенность проекта новой Конституции состоит в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав». «Понятно поэтому, что демократизм проекта новой Конституции является не «обычным» и «общепризнанным» демократизмом вообще, а демократизмом социалистическим»².

Социалистический демократизм, возникший в результате победы пролетарской диктатуры, «растет и ширится с каждым днем, особенно вместе с ростом культурности масс»³.

Как указано в программе нашей партии, проведение в жизнь полностью высшего типа демократизма требует «для своего правильного функционирования постоянного повышения уровня культурности, организованности и самостоятельности масс». Ленин и Сталин всегда придавали громадное значение науке и культуре и овладению ими трудящимися. «Чтобы строить, — говорил товарищ Сталин, — надо знать, надо овладеть наукой. А чтобы знать, надо учиться»⁴. ...«Пролетариату, социализму нужны высокообразованные люди»⁵.

Ленин постоянно подчеркивал необходимость подлинно социалистической культуры. Он указывал, что нигде вопросы культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как в освобожденной от капитализма стране, в которой государственная власть находится в руках рабочего класса.

Прежде всего пролетариат, победивший в стране, о которой Ленин писал, как о стране, в которой массы народа «были ограблены в смысле образования, света, знания», должен был вооружить трудящихся элементарной грамотностью. В самый разгар гражданской войны и разрухи Ленин подписал декрет СНК РСФСР о ликвидации неграмотности, в силу которой и был создан особый орган «Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности» (19 июля 1920 г.). Кампании за грамоту, в результате которых учебой были охвачены миллионы взрослого населения уже в первые годы после Октября, были общественно-политическими кампаниями громадного значения. Борьба за культуру и просвещение получила небывалый размах в реконструктивный период, когда одной только грамоте обучались десятки миллионов трудящихся.

¹ Доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов
² Сталин, там же.

³ Речь тов. В. М. Молотова на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов.

⁴ Сталин, Речь на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ. «Молодая гвардия», 1928 г., стр. 14.

⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 610, изд. 10-е.

Достаточно сказать, что только за годы первой и второй пятилеток через школы для взрослых прошло до 40 млн. трудящихся. Ликвидация неграмотности, несмотря на исключительные трудности, стоявшие на этом пути, достигла колоссальных успехов, благодаря ленинско-сталинской политике, благодаря энтузиазму масс и небывалому подъему широчайших слоев советской общественности, мобилизовавшей для обучения неграмотных миллионные армии культурмейцев. Обучение взрослых переходит на более высокую ступень. Борьба ведется не только с неграмотностью, но и с малограмотностью, организуются школы повышенного типа, где уровень образования взрослых трудящихся поднимается до программы семилетней школы всеобщего политехнического обучения.

Не меньшими темпами продвигается СССР по линии всеобщего обучения. Об этом лучше всего говорит рост числа учащихся. В 1914/15 г. училось 7,8 млн., в 1928/29 г.—12,1 млн., в 1935/36 г.—25,5 млн. Мы видим, что прирост числа учащихся за последние 7 лет составляет 13,4 млн., т. е. один этот прирост равен почти удвоенному числу учащихся дореволюционной России. Благодаря такому росту мы имеем в 1935/36 г. больше чем утроенное в сравнении с довоенной Россией число учащихся. Никогда, ни в какой другой стране мы не видели такого роста числа учащихся.

Еще резче изменения в уровне образования. В 1914/15 уч. году до IV класса дошло только 406 тыс. учеников, а в 1935/36 г. число учащихся, дошедших до IV класса, увеличилось в 9 с лишним раз (3 695 тыс.). До VII класса в 1914/15 г. дошла 61 тыс. учеников, а в 1935/36 г.—1 180 тыс. учеников—в 19 с лишним раз больше¹.

Число учащихся в городах (в тыс.)

	В началь- ных школах	В неполных средних школах	В средних школах	Всего
В царской России в 1914/1915 г.	1 164	178	554	1 896
В СССР в 1935/36 г.	1 663	2 099	3 171	6 933

В городах царской России в средней школе обучалось немногим более трети всех учащихся, ибо эта школа была открыта только для детей дворян, буржуазии, чиновников. В СССР к концу 1935 г. в средних школах было сосредоточено преобладающее количество учащихся—5,3 млн. чел., т. е. больше трех четвертей всех учащихся. При этом полная средняя школа обслуживает почти столько же учащихся, сколько неполная средняя и начальная школа, вместе взятые.

В капиталистических странах ассигнования на просвещение систематически снижаются. В СССР ассигнования на просвещение растут бурными темпами. Если в 1931 г. мы тратили на одного гражданина Советского союза 11 р. 87 к., то в 1934 г. эта цифра поднялась до 31 р. 21 к.

Вся система советского просвещения подчиняется задаче и целям подготовки всесторонне и глубоко развитых, вооруженных передовыми идеями Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина людей, людей с широким политическим кругозором, способных быть строителями социалистического общества. Советская система воспитания совершенно чужда духу шовинизма и целиком пропитана духом интернационализма. Она совершенно свободна от каких бы то ни было религиозных влияний.

¹ См. «Молодежь СССР», изд. ЦУНХУ Госплана СССР, 1936 г., стр. 57.

В капиталистических странах приобретение квалификации есть частное дело каждого рабочего, в СССР в условиях новой решающей роли кадров подготовка квалифицированных рабочих, квалифицированной технической интеллигенции из рабочих и колхозников является одной из основных задач диктатуры пролетариата, одной из центральных проблем социалистической экономики труда.

Ежегодный пуск и расширение сотен новых индустриальных предприятий, оснащенных наиболее передовой техникой, коллективизация, механизация сельского хозяйства, внедрение научных и технических достижений в этой отсталой при капитализме отрасли производства вызвали острую необходимость большого количества квалифицированных кадров.

Наряду с созданием кадров квалифицированных рабочих для новых фабрик и заводов быстрыми темпами и в массовом масштабе идет переделка вчерашних неграмотных и малограмотных крестьян в трактористов, комбайнеров, механиков, в квалифицированных, культурных колхозников, умеющих организовать крупное сельскохозяйственное производство, внедрять в сельское хозяйство химию и т. д.

Наша партия и товарищ Сталин выдвигали проблему кадров как одну из основных проблем социалистического строительства на различных его этапах. «Рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса», — говорил товарищ Сталин на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.¹ Товарищ Сталин указал, что ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции и что рабочий класс СССР также не может обойтись без своей собственной производственно-технической интеллигенции. Исходя из этих соображений, советская власть открыла для людей рабочего класса двери высших учебных заведений всех отраслей народного хозяйства. Десятки тысяч рабоче-крестьянской молодежи учатся в высших учебных заведениях. Высшие учебные заведения из монополии господствующих классов, чем они являются при капитализме, при советской власти стали кузницами пролетарской интеллигенции.

Производственно-техническая интеллигенция рабочего класса создается однако не только из окончивших вузы, но и из практических работников предприятий, из квалифицированных рабочих, из культурных сил рабочего класса. Задача состоит в том, чтобы «дать им возможность проявить свои организаторские способности, дать им возможность пополнить свои знания и создать им соответствующую обстановку, не жалея на это денег»².

Для успешного разрешения проблемы кадров партия наряду с использованием и вовлечением в социалистическое строительство старых специалистов уделяла и уделяет огромное внимание высшей и средней технической и другой специальной школе. Громадные темпы роста контингентов высшей школы показывают следующие выразительные данные: к началу первой пятилетки, в 1928 г., в вузах и втузах обучалось 159,8 тыс., в техникумах — 253,6 тыс., на начало 1935/36 г. в высших учебных заведениях обучалось уже 523,4 тыс. чел. — увеличение больше чем в три раза. Число учащихся в техникумах составляло на 1 октября 1935 г. 710 тыс. человек, т. е. также выросло почти втрое против 1928 г.

Рабочие факультеты, являющиеся важнейшим средством продвижения рабочих на учебу в вузы, сыграли большую роль в пополнении

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 457, изд. 10-е.

² Там же, стр. 458.

кадров пролетарской интеллигенции. За период с 1928 по 1935 г. число учащихся рабфаков возросло больше чем в пять раз — с 49,2 тыс. в 1928 г. до 284,6 тыс. чел. на 1 октября 1935 г.

Сравнивая динамику охвата школой на всех ступенях образования в главнейших капиталистических странах до кризиса и в СССР, получаем такую картину:

Общая численность учащихся начальных, средних и высших школ
(на 1 тысячу жителей)

Страны	1929/30 г. в % к 1913/14 г.
СССР	305,6
Италия	96,4
Франция	77,8
Германия	83,3
Англия и Уэльс	90,6

При трехкратном увеличении контингента СССР уже в начале первой пятилетки, т. е. накануне наибольшего развертывания дела просвещения, мы видим, что в основных капиталистических странах еще до разворота кризиса наблюдалось значительное сокращение контингентов учащихся в сравнении с довоенными годами. Известно, что кризис привел к дальнейшему резкому ухудшению всего дела просвещения капиталистических стран.

Благодаря таким исключительным темпам СССР перегнал по охвату населения школами наиболее передовые страны Европы. Так, в 1932 г. учащихся в общеобразовательных школах было 21 714 тыс., в то же время в Германии, Англии и Франции, вместе взятых, было 20 603 тыс. В 1932/33 г. в СССР было 513,4 тыс. учащихся высших учебных заведений, а в указанных трех странах, вместе взятых—264,1 тыс. На тысячу населения в СССР приходилось всех учащихся 166,0, в Германии—136,0, в Англии—154,3, во Франции—128,1; учащихся в высших учебных заведениях на тысячу населения в СССР было 3,0, в Германии—2,1, в Англии—1,4, во Франции—2,1. Как видим, СССР по охвату не только учебной, но и высшим образованием стоит впереди Англии, Германии и Франции, в то время как царская Россия стояла в этом отношении на уровне колониальных стран: в 1913 г. на тысячу населения приходилось учащихся в высших учебных заведениях 0,9 чел., в Британской Индии—0,7 (1930/31 г.). К этому надо добавить, что в Германии учащиеся в индустриальных учебных заведениях составляли в 1934/35 г. 12,4 тыс., или 15,7% всех учащихся в вузах, в сельскохозяйственных—3,2 тыс., или 4,1% учащихся в вузах, зато на богословских факультетах было 10,2 тыс., т. е. 12,9%, на юридических—10,1 тыс., т. е. 12,8% всех студентов; в Англии в индустриальных вузах в 1932/33 г. было 4,5 тыс., т. е. 9,1% общего числа студентов. В СССР только во втузах тяжелой промышленности обучалось на 1 января 1935 г. 121 тыс. человек.

«...Изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, я бы сказал, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед»¹,—говорит товарищ Сталин. «Вот почему старый лозунг — «техника решает все»...—должен быть теперь заменен новым лозунг-

¹ Речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии от 4 мая 1935 г. Партиздат, 1935 г., стр. 11.

гом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное»¹.

Ответом трудящихся на лозунги товарища Сталина явилось стахановское движение.

Стахановское движение — величайшая победа социализма, великий показ победы социалистической экономики труда над капиталистической. Стахановское движение воочию показывает, что пролетариат — этот класс, и при капитализме «хранящий в себе силы нации и способность к их дальнейшему развитию» (Энгельс), этот единственно передовой класс может развернуть свои силы, только сбросив оковы капитализма, что только при социализме передовое меньшинство рабочего класса может превратиться в большинство, охватить весь рабочий класс, устранить деление на «передовые» и «отсталые» слои пролетариата.

«При пролетарской власти кадры пролетарских руководителей растут во сто раз быстрее и основательнее, чем при власти капитала»².

Но стахановское движение — не только показатель осуществленных уже великих побед, оно предвестник еще больших побед. Оно таит в себе зародыши величайших возможностей и перспектив,

Товарищ Сталин раскрыл прекрасные пути и цели, к которым идет и приведет стахановское движение. «Оно,— говорил товарищ Сталин, ...содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса... оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим»³.

В трудах учителей научного коммунизма было выдвинуто общее теоретическое положение, что при коммунизме будет уничтожена противоположность между умственным и физическим трудом. Товарищ Сталин на примере стахановского движения, показал конкретные пути уничтожения этой противоположности.

«Уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда»⁴.

Важнейшая задача, конкретно поставленная коммунистической партией и товарищем Сталиным,— создание стахановцам лучших условий для повышения их образования, расширение стахановского движения. Для этого надо использовать богатейший резерв стахановских рядов, каким являются кадры рабочих-ударников, охватить различными степенями учебы всех рабочих.

Средняя и высшая школа, являющаяся при капитализме привилегией господствующих классов, в Советском Союзе широко открыла свои двери всем трудящимся. Размах высшего образования, особенно технического и агро-технического, в СССР несравненно более широкий, чем в самых передовых капиталистических странах. А дальше не тысячи и десятки тысяч, а сотни тысяч и миллионы будут овладевать высшим образованием.

¹ Речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии от 4 мая 1935 г., стр. 12.

² Сталин. Там же.

³ Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев. Партиздат, ЦК ВКП(б), 1935 г., стр. 11.

⁴ Там же, стр. 9.

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1935 г. сделал конкретные выводы из теоретических и практических положений, выдвинутых товарищем Сталиным на основе стахановского движения, и наметил конкретные пути расширения и углубления стахановского движения. Пленум ЦК поставил конкретные задачи охвата технической учебой рабочих разных отраслей промышленности.

Указания товарища Сталина и решения пленума Центрального Комитета по вопросу рабочего образования реализуются. В первом полугодии 1936 г. более 700 тыс. рабочих тяжелой промышленности и 250 тыс. рабочих легкой промышленности обучались в школах технического минимума и на курсах мастеров социалистического труда. На транспорте, где первой степенью технического минимума являются новые прازیла технической эксплуатации железных дорог, более 600 тыс. железнодорожников сдали к 1 октября экзамен по этим правилам. Две трети работников сдали этот экзамен с отметками «отлично» и «хорошо». Сейчас на транспорте обучается 636 тыс. чел.

Социалистическое строительство дает возможность овладевать наукой и техникой миллионам трудящихся города и деревни. На основе коллективизации в советской деревне происходит бурная культурная революция. Десятки миллионов людей охвачены горячим стремлением приблизиться к культуре в самом широком смысле: работать лучше, жить чище, приобщиться к знаниям, искусству. Старая деревня, неграмотная и темная, работавшая сохой и косой, с ее консерватизмом, ее приверженностью к традициям, «дедовским» методам работы, отошла в прошлое. Колхозное производство толкает людей к овладению техникой, к умению работать, опираясь на научные данные. Повышаются культурные запросы, растет интерес к книге, к знаниям.

В своем докладе на XVII с'езде партии товарищ Сталин ярко показал, как изменился облик деревни: «Исчезает противоположность между городом и деревней... Культурная пропасть между городом и деревней заполняется»¹.

Весьма характерно, что повышение образовательного уровня идет в колхозной деревне более высокими темпами, чем в городе.

Всеобщая, ненасытная жажда знаний ведет к тому, что учеба в СССР — это дело всех возрастов, всех профессий, начиная от столицы, кончая глухими углами. Это вынуждена признать и иностранная печать. Американский журнал «Анналист» (февраль 1932 г.) писал: «Повидимому в человеческой истории никогда не было ничего подобного той тяге к учебе во всех отраслях знания, начиная с грамоты и кончая абстрактными науками, которая сейчас имеет место по всему Советскому Союзу». В 1933 г. правобуржуазная американская газета «Нью-Йорк американ» писала, что в Советском Союзе «весь народ учится».

В советской стране все более спланивается воедино все общество, превращающее всех своих членов в активных, сознательных, культурных строителей социализма в городе и деревне, независимо от национальности, пола. Право на образование, зафиксированное в сталинской Конституции, является одним из важнейших факторов этого развития. Оправдываются слова Ленина, сказанные в январе 1918 г. на III Всероссийском с'езде советов: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого —

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, 1934 г., стр. 571.

просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»¹.

Социалистическая революция, создав новую, более высокую, более совершенную социальную систему, в которой «из всех ценных капиталов, имеющихя в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры»², сделала материальный, и культурный рост тружеников города и деревни неотделимым от роста производительности труда.

Энгельс указал, что все созданное за всю предшествующую историю в области науки, искусства и культуры покажется лишь тенью того, на что способно будет человечество, освобожденное от капиталистического рабства. Все неисчерпаемые таланты народных масс получат возможность полного своего развертывания.

Все яснее и нагляднее для всех становится, что рабочий класс — наследник всей культуры прошлого, единственный класс, указывающий путь к культуре будущего, к культуре коммунистического общества.

¹ Ленин, Собр. соч. т. XXII, стр. 225.

² Сталин, Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г.; Партиздат, 1935 г., стр. 14.

Жилищно-коммунальный вопрос в дореволюционной России

В капиталистическом обществе, движущей пружиной которого является ненасытная волчья жажда прибавочной стоимости, жилищно-коммунальное хозяйство, имеющее большое значение в процессе производства и воспроизводства непосредственной жизни, представляет дополнительный источник эксплуатации трудящихся масс. Энгельс писал: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории являются в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно двоякого рода. С одной стороны — производство средств существования... с другой — производство самого человека, продолжение вида»¹.

Характеристику природы дополнительного источника эксплуатации находим в «Коммунистическом манифесте»: «Когда эксплуатация рабочего фабрикантом завершена настолько, что рабочий получает деньгами свою заработную плату, тогда на него набрасываются другие части буржуазии, — домовладелец, лавочник, ростовщик и т. п.»².

С развитием капиталистического способа производства усиливается эксплуатация рабочего класса, зарплата падает ниже стоимости рабочей силы, а дороговизна жизни все возрастает.

Борьба за улучшение жилищно-коммунальных условий рабочего класса составляет неразрывную часть программы коммунистических партий. Пока существует капиталистический способ производства, до тех пор невозможно решить в отдельности жилищный вопрос, как и любой другой вопрос, затрагивающий судьбу рабочего класса. Решение их заключается «только в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении самим рабочим классом всех средств существования и средств труда»³.

I

Развитие капитализма, концентрация в городах фабрик и заводов, быстрые темпы роста крупных городов неумолимо диктовали необходимость организации и развития жилищно-коммунального хозяйства. Поэтому во второй половине XIX столетия в России возникло и начало развиваться жилищно-коммунальное хозяйство. Вначале оно развивалось как частнокапиталистическое и притом под сильным воздействием иностранного капитала, что приводило иногда к столкновению интересов отдельных капиталистов с городскими «самоуправлениями».

Борьба за превращение частнокапиталистического жил.-коммуналь-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1934 г., стр. 19.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Коммунистический манифест, Партиздат, 1932 г., стр. 24.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XV, стр. 57.

ного хозяйства на основе выкупа в «коллективную» собственность буржуазии города особенно яркое выражение получила на коммунальных предприятиях «общего» пользования (водоснабжение, освещение, газовые заводы, внутригородские средства передвижения).

Однородные коммунальные предприятия вступали между собой в тайные соглашения о ценах на продукцию и распределяли между собой территорию города для сбыта продукции с целью получения сверхприбыли (хотя по договору с городом они обязывались ни в какие соглашения между собою не вступать).

Вследствие этого создавались неравные условия для отдельных потребителей в силу установления различных отпускных цен (тарифов). Установление монопольных цен приводило к ослаблению технического и всякого другого прогресса, чем понижался спрос со стороны частнокапиталистических коммунальных предприятий на продукцию промышленности. Поскольку ослабевали побудительные причины к техническому прогрессу коммунальных предприятий в силу монопольного права предпринимателей, продолжительности срока действия его, количество предоставляемой продукции коммунальными предприятиями не могло удовлетворить потребностей быстро развивавшихся городов России.

Незначительное количество продукции коммунальных предприятий сопровождалось низким качеством и дороговизной ее, что самым отрицательным образом отражалось на санитарном благоустройстве города.

Капиталистический город был кровно заинтересован в переходе в его собственность коммунальных предприятий. Бюджет городов до 90-х годов XIX столетия главным образом базировался на налоговом обложении. Возрастали расходы городских «самоуправлений» на содержание полиции в связи с обостряющейся классовой борьбой в городах, на мероприятия по благоустройству города и др. Требовались новые источники доходов, не затрагивающие интересов «отцов города». Возможный новый источник такого рода доходов городские «самоуправления» видели единственно в муниципализации, выкупе городскими «самоуправлениями» коммунальных предприятий.

На этой почве происходило обострение отношений частнокапиталистических предпринимателей в коммунальном хозяйстве с городскими «самоуправлениями» — органами, выражавшими общие интересы буржуазии. Борьба эта закончилась в пользу городских «самоуправлений». Начался процесс муниципализации, т. е. выкуп и переход коммунальных предприятий в собственность городов. Начало этого процесса в России можно отнести к 90-м годам XIX в.

Что же касается жилищного хозяйства, то здесь муниципализация почти не имела места. Тормозом являлись частная земельная собственность, высота городской земельной ренты и т. д. Жилищный фонд в городах царской России был сосредоточен главным образом в руках частных лиц: небольшая часть находилась у монопольных объединений (Русского страхового общества, различных иностранных компаний и обществ) и совсем ничтожная часть — у городов. Соответственно этим категориям застройщиков различны были и типы жилья: буржуазные предпринимательские дома со множеством разобщенных квартир, подвальными и полуподвальными помещениями, буржуазные особняки, маленькие дома потребительского типа, гостиницы, казармы, землянки, ночлежки вроде памятного Хитрова рынка в Москве и т. д.

Однако процесс развития монополий коснулся и области домохозяства и домостроительства. Во многих крупных городах России и особенно в столичных центрах существовали союзы домовладельцев, систематически повышавшие квартирную плату, а также и строительные синдикаты, «регулировавшие» строительство домов с таким расчетом, чтобы спрос на квартиры превышал предложение.

В более поздний период монополистического капитализма, особенно перед войной 1914 г., капиталисты широко развили покупку и продажу земельных участков и домов. Растет спекуляция земельными участками в окрестностях быстро растущих городов, и это становится выгодной операцией финансового капитала. Теперь монополия банков сливается с монополией земельной ренты и монополией путей сообщений, что способствует значительному искусственному повышению ценности земельных участков. В. И. Ленин, разбирая заметку «Транспортный трест» в «Die Bank» (1914 г.), где речь шла об образовании берлинского транспортного треста, за спиной которого стояли банки, в своей тетради по империализму пишет: «пример хороший». А против слов «монополия путей сообщения... превращается в монополию заселения» делает замечание «NB»¹.

В 1911 г. в России из 227 водопроводных сооружений городам принадлежало 72,6% (70,6% эксплуатировалось непосредственно, 2% сдавались в аренду). К 1914 г. 16 водопроводов не были муниципализированы, в том числе в Киеве, Ростове на Дону, Казани, Баку и пр. Из имевшихся в городах России в 1911 г. 97 электрических предприятий менее половины принадлежало городам; 58 городских электрических предприятий, сконцентрированных в 9 трестах, принадлежали бельгийцам (на правах собственности, аренды или контроля). В 1916 г. из 36 трамваев² в собственности городов находились лишь 9, в собственности различных акционерных компаний, большей частью бельгийских, — 20. Такое же положение было с газовыми заводами и другими коммунальными предприятиями.

Немедленно после введения земских и городских учреждений правительство начало систематически ограничивать и стеснять их деятельность.

Ленин писал о том, что местное самоуправление с самого начала «было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством»³.

Наряду с этим на развитие коммунальных предприятий в России сильно воздействовал иностранный капитал в форме концессий, за спиной которых всегда стояли банки. Иностранный капитал в коммунальном хозяйстве городов России к 1917 г. определялся в 259 430,8 тыс. рублей⁴, что составляло 11,5% всего иностранного ка-

¹ «Ленинский сборник», XXII, стр. 135.

² Трамваи были в 35 городах. В б. Екатеринославе (Днепропетровск) 2 трамвая принадлежали различным предпринимателям.

³ Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 131.

⁴ Данные об участии иностранного капитала в городском хозяйстве приводятся по Н. Оль, Иностранные капиталы в России, Труды Института экономических исследований, НКФ, Петроград, 1922 г.

питала, находившегося в России; в городах, вошедших затем в состав территории СССР,—229 171,8 тыс. руб.

Наибольшая сумма иностранного капитала, вложенного в коммунальное хозяйство, приходилась на общества электрического освещения, электрических трамваев и смешанные общества (электрического освещения и трамвайные)—65,7% к основным фондам этих отраслей коммунального хозяйства.

Название обществ	В тыс. руб.	В % ко всему иностранному капиталу, находящемуся в коммунальных предприятиях
Электрического освещения	99 627,5	38,4
Трамвайные	50 553,5	19,5
Смешанные (общества электрического освещения и трамваев)	20 490,0	7,9

Из всего иностранного капитала, находившегося в коммунальном хозяйстве царской России, на бельгийские капиталы приходилось 42,1% (в городах, вошедших в состав территории СССР,—47%). 33,9% всех бельгийских капиталов, находившихся в народном хозяйстве царской России, падало на городские предприятия. Кроме того, бельгийские общества трамвайного дела и электроосвещения были разбросаны во всех частях света: в Европе они встречались почти в каждом государстве.

Бельгийские капиталисты выколачивали в России — путем ограбления трудящихся — из предприятий «общего» пользования огромнейшие прибыли, уходившие затем за границу. Качество продукции было низкое при крайне высоких, ничем не оправдываемых ценах. Электроэнергию бельгийские общества отпускали в Ростове по цене, в 8 раз превышавшей себестоимость, в Петербурге — в 17 раз, в Одессе — в 25 раз и т. д. Доходы трамваев точно так же из года в год возрастали.

При переходе коммунальных предприятий частнокапиталистических предпринимателей в собственность городов изменялись лишь форма и пути распределения получаемой прибыли. Ф. Энгельс в письме Э. Беренштейну от 12/III 1881 г. называл пристрастной буржуазной фальсификацией «теорию», считающую всякое вмешательство государства в свободную конкуренцию «социализмом». В равной мере можно отнести это и к муниципализации.

Городские «самоуправления», став на путь муниципализации коммунальных предприятий, как бы кончали тем самым с частнохозяйственной монополией. Это, конечно, не освобождало их от давления частнохозяйственных промышленных монополий и банковского капитала. Сооружение мостов в России находилось в руках негласного синдиката металлических заводов, поставка рельс для нужд городского транспорта, бандажей, чугунных труб и фасонных частей для водопровода и т. д. фактически находилась в руках одной могущественной организации — «Продамет», конъюнктурные капризы которой приводили к срыву в выполнении отдельных заказов для нужд городов. Открытие движения в Петербурге по вновь сооруженным

трамвайным линиям второй очереди откладывалось несколько раз, так как русские заводы, которым по предложению правительства были отданы заказы, не смогли своевременно выполнить принятые на себя обязательства.

В начале 1913 г. разнесся слух о секретных переговорах владельцев кабельных заводов, предпринявших повышение цен на 20%. В связи с этим петербургская городская управа заказала огромную партию кабеля на 300 тыс. руб., чтобы обеспечить себя хотя бы на первое время от искусственного повышения цен. Разумеется, этот запас для городской управы являлся мертвым капиталом. Согласованное заводчиками повышение цен на кирпич поставило перед целым рядом городских управ вопрос об организации собственного кирпичного производства. В частности в 1913 г. этот вопрос поднимался и в Петербургской городской управе. При обсуждении выяснилось, что Петербург переплатил кирпичному синдикату по одной лишь постройке больницы им. Петра I 400 тыс. руб.

Все эти факты камня на камне не оставляют от утверждений буржуазных, социал-реформистских писак о муниципальном хозяйстве как «островке социализма», «опорном пункте» перестройки капиталистического хозяйства на социалистических началах.

Эта «теория», получившая свое выражение в виде так называемого «муниципального социализма», является одной из разновидностей реформистской «теории» о мирном вращении капитализма в социализм. В действительности классовая сущность этой «теории» сводится к обману рабочих буржуазией и ее лакеями. Внимание рабочих отвлекается от коренных вопросов всего экономического строя и государственного устройства и переносится на мелкие вопросы местного самоуправления. Буржуазия потому терпит «муниципальный социализм», что он «основ ее господства не трогает, серьезных источников ее богатства не задевает, простирается только на ту местную, узкую область расходов, которую сама буржуазия отдает в ведение «населения»¹. Стоит только муниципалитету «чутьочку выйти из рамок обычного, т. е. мелкого, мелочного, не дающего существенных облегчений рабочему хозяйничанию, всякая попытка чутьочку затронуть капитал вызывает всегда и безусловно решительное veto центральной власти буржуазного государства»².

Государственный бюджет не принимал никакого участия в расходах на жилищно-коммунальное хозяйство городов. Наоборот, царское правительство часть государственных расходов перекладывало на города в виде так называемых обязательных расходов: участие в содержании правительственных учреждений, воинская квартирная повинность, содержание городской полиции, уплата государственного налога за имущество, принадлежащее городам, и др. Это очень резко сокращало бюджеты русских городов. Однако городские управы, несмотря на техническую отсталость и небольшое количество своих предприятий, выколачивали из них значительные доходы. В Москве и Петербурге прибыль от коммунальных предприятий в 1912 г. выразилась в 26 366,8 тыс. руб., что составляло 52,3% прибыли, полученной от коммунальных предприятий по всей России³.

Структура расходов городских бюджетов дореволюционной России показывает всю политическую сущность городского «самоуправле-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XI, стр. 444.

² Там же.

³ «Коммунальные предприятия», изд. НКВД РСФСР, М. 1929 г., стр. 8.

ния», организованного за счет трудящихся. Расходы на благоустройство городов составляли всего лишь 9,5%, на народное здравоохранение, ветеринарное и санитарное дело — 12,5%, на народное образование — 12,1% и т. д. Правда, процент расходов на социально-культурные мероприятия в городском бюджете был несколько выше, чем в государственном бюджете. Это, конечно, ни в какой степени не меняет, а только подчеркивает нищенское положение народного образования и здравоохранения при капитализме.

Классовый характер расходов на коммунальное благоустройство городов привел к резкой противоположности между центром города — буржуазными кварталами, на благоустройство которых затрачивались основные средства, — и рабочими кварталами, окраинами. Рабочие окраины утопали в грязи, лишены были света, воды, канализации, мостовых и самых элементарных удобств. Между тем главная часть доходов города выкраивалась из нищенской зарплаты рабочих путем высоких тарифов за коммунальную продукцию, налогов и всякого рода поборов.

При таком направлении расходов и при незначительном объеме коммунальных предприятий дефицит городских бюджетов стал общим, хроническим явлением. Общая задолженность русских городов в 1912 г. была доведена до 481 213 тыс. руб.¹ Из этой задолженности на облигационные займы приходилось 389 857 тыс. руб., более 60% которых было реализовано на внешнем рынке; казне и государственному банку — 12 111 тыс. руб., обществам и частным банкам — 48 233 тыс. руб., частным лицам и разным учреждениям — 31 012 тыс. руб. В отдельных городах задолженность превышала почти в два раза их бюджеты, а в Москве — более чем в 3 раза, в Петербурге — в 2,5 раза и т. д. Чем город был крупнее, тем большая у него была и задолженность.

Отчисления в возобновительный фонд (амортизация) коммунальных предприятий в России городскими управами не производились. Да и не из чего было их производить. При 46 млн. руб. чистого дохода от коммунальных предприятий в 1912 г. уплата долгов по займам и пр. в бюджетах городов равнялась 42 млн. руб.

Вопрос об учреждении возобновительных фондов предприятий обсуждался городскими управами, в частности Московской городской управой, в 1909 г. В докладе по этому вопросу указывалось, что отчисления в фонд возобновления следовало бы производить как по предприятиям, которые дают городу чистую прибыль, так и по предприятиям, дающим убытки. Отсутствие отчислений в этом последнем случае рисовало бы положение предприятия в более благоприятном положении, чем оно было в действительности. Но дальше вопрос не сдвинулся с места, несмотря на самые разнообразные доводы в пользу возобновительных фондов, и продолжал оставаться «открытым» ввиду неблагоприятного финансового положения городов. Коммунальные предприятия в дореволюционной России развивали свою деятельность только на заемные средства и притом строго согласованно с общими интересами капиталистов, полицейской, паразитарной, государственной власти царской России.

Все это обусловило крайне низкий материально-технический уровень развития жилищно-коммунального хозяйства городов дореволюционной России.

¹ Проф. М. И. Смирнов, Местные финансы. ГИЗ, 1926 г., стр. 150.

II

Жилищные условия

По остроте жилищной нужды города России стояли на уровне колониальных стран. Влияние феодальных пережитков в экономике царской России сказывалось на самом типе жилищ, их материально-техническом уровне, а главное на жилищных условиях трудящихся. Условия эти были невыносимы. Особенно скверны были жилищные условия рабочих горнодобывающей промышленности и разного рода производств кустарного типа (портновское дело, овчинное, кожевенное, слесарное и др.), где место работы было и местом жилья.

С развитием капитализма борьба за улучшение жилищных условий все больше и больше начинает занимать место в революционном движении пролетариата. 10 ноября 1896 г. рабочие и работницы фабрики Торнтонна писали: «Мы требуем, чтобы за квартиру с нас брали столько, сколько брали до 91 г., т. е. по 1 рублю с человека в месяц, потому что платить 2 рубля при нашем заработке положительно не из чего, да и за что?... За эту грязную вонючую, тесную и опасную в пожарном отношении конуру?»¹.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в своем требовании «Русскому обществу» писал (10 июня 1896 г.): «Знаете ли вы, почему многие рабочие пьют, почему они время свое проводят в кабаке? Да куда же и идти ему, усталому, измученному долгой работой? Домой? Но разве это дом — казарма для рабочих, разве дом — тот угол, где его семья спит вповалку с другими семьями, где ему невозможно остаться одному в кругу своих? Его выбрасывают на улицу, и затем удивляются, что он ищет приюта за гостеприимными дверями кабака, этого клуба нашей бедноты... Знаете ли вы, представители русского общества, что по единогласному мнению всех компетентных людей, нет в России другой среды, которая была бы полна такой жадной жаждой знания? Света, знания, дайте нам возможность учиться, дайте нам возможность читать,—слышатся неотступные голоса рабочего люда»².

Только под давлением революционных событий 1905—1906 гг. царское правительство стало афишировать свою «заботу» о жилищах. В апреле 1906 г. министерство торговли и промышленности в совещании комиссии по рабочему вопросу выдвигало соображения «о мерах поощрения строительства дешевых и здоровых жилищ». Проектом предусматривалось создание в городах, где это будет признано необходимым, жилищных комитетов из представителей земства, городов, промышленников, рабочих, правительственных и иного рода учреждений. В этих жилищных комитетах предполагалось сосредоточить заботы о разрешении вопросов, связанных с развитием жилищного законодательства, а также и надзор за деятельностью строительных товариществ и частных лиц, пользующихся какими-либо льготами по строительству рабочих жилищ. Для объединения и направления деятельности отдельных жилищных комитетов предполагалось создать главный жилищный комитет при министерстве торговли и промышленности. Комитет этот должен был заниматься вопросами финансирования строительных товариществ из специально

¹ Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Партиздат, 1934 г., стр. 11.

² Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», 1895—1897 гг. Партиздат, 1934 г., стр. 66.

созданных капиталов, находящихся в распоряжении правительства. Само собою разумеется, проект так проектом и остался.

Ф. Энгельс писал: «Ясно, как день, что современное государство не может и не хочет устранить жилищные бедствия»¹. «Жилищный вопрос может быть разрешен лишь тогда, когда общество будет преобразовано уже настолько, чтобы можно было приступить к уничтожению противоположности между городом и деревней, противоположности, доведенной до крайности в современном капиталистическом обществе»².

Царское правительство, ничего не сделав для улучшения жилищных условий трудящихся городов, ввело государственный квартирный налог, который в конечном счете оплачивался рабочим классом. Налог был введен министерством финансов для увеличения государственных доходов. Государственный квартирный налог был введен не во всех городах и не везде был равномерен. Города были разбиты на 5 классов. По данным за 1900 г. квартиры, облагаемые налогом, распределялись следующим образом³:

72%	приходилось	на долю	малых,	«дешевых»	квартир
23%	»	»	»	средних	»
5%	»	»	»	дорогих	»

Мелкие, «дешевые» квартиры, как известно, были относительно дороже крупных, квартирный налог ложился на «дешевые» квартиры наиболее тяжелым бременем.

Всего в городах, вошедших в состав территории СССР, насчитывалось в 1913 г. 2 602 тыс. жилых построек общей кубатурой 127,5 млн. куб. саж.⁴ Общая строительная стоимость их составляла 8 327 млн. руб., удельный вес их составлял (в %):

	По числу построек	По кубатуре	По строитель- ной стоимости
Каменные	21,7	52,1	61,2
Смешанные	6,5	7,7	7,5
Деревянные	57,6	40,2	31,3
Прочие	14,2		
	100	100	100

Больше 70% всех зданий в городах были деревянные; в большинстве городов одноэтажные, отчасти двухэтажные и редко в три и больше этажей. Здания в два этажа были по преимуществу в городах с населением в 100 тыс. и более человек и притом главным образом в центре. Дома шести-семиэтажные были немногочисленны, а дома в 8 этажей представляли исключительную редкость. Почти половина всех зданий в городах — 47% — была крыта горючим материалом: 20% домов — деревом и 27% — соломой.

Скученность в городах России была большая, чем в западноевропейских городах. На одну комнату в довоенное время в Париже и Лондоне приходилось немного больше 1 чел., в Берлине 1,3 чел., а в Петербурге — 2,4 чел. Эти средние показатели выведены по всем квартирам, в том числе и барским. Если же учесть только мелкие квартиры, которых в Петербурге насчитывалось 48 тыс., то в них приходилось на одну комнату больше 4 чел.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 52.

² Там же, стр. 36.

³ «Известия Московской городской думы», № 12 за 1914 г.

⁴ См. «Баланс народного хозяйства СССР», изд. ЦСУ, 1926 г.

Простор во дворцах, особняках и буржуазных квартирах, невероятная скученность в жилищах рабочего населения! Рабочие размещались главным образом на окраинах, в однокомнатных квартирах, в подвальных и полуподвальных, коечно-каморочных и чердачных помещениях.

В 1912 г. в Петербурге было коечно-каморочных и угловых жильцов 150 тыс. В подвалах жило 63 тыс. чел., жилая площадь не достигала 2 кв. м на человека (площадь средней кровати равняется 1,5 кв. м). Таким образом площадь в таких жилищах опускалась до «гробовой нормы». Кубатура воздуха на человека составляла 4,8 и даже 3,2 куб. м (минимальная санитарная норма 14,5 куб. м). Переписью 1909 г. было установлено, что 94 тыс. судорабочих Петербурга жили в трюмах. По заявлению Петербургской городской санитарной комиссии, водники ютились в 1910 г. в ассенизационных бараках. В ночлежных домах и на постоялых дворах в конце 1913 г. находили себе приют ежедневно 8 000 чел.

Перепись, проведенная в Москве в 1902 г., показала ужасающую жилищную нужду. Из общего числа 165 688 коечно-каморочных жильцов 90% жили в сырых помещениях, 37% в холодных квартирах. Эти невозможные жилищные условия продолжали ухудшаться, и перед войной (1914 г.) жилищная нужда достигла наиболее чудовищных размеров.

В 1912 г. в Москве переписью была зарегистрирована перенаселенность 52 216 квартир, или 39,2% общего числа квартир. В коечно-каморочных квартирах (т. е. в квартирах в одну комнату со сдачей в наем коек и нар) жило 327 тыс. чел. На одну комнату приходилось в среднем более 10 чел. Всего жило в перенаселенных квартирах 707 тыс. чел., или 61,7% всего населения Москвы. В подвалах и полуподвальных помещениях ютились 125 тыс. чел. Число квартир, в которых сдавались комнаты в наем, достигало в Москве 33%, число квартир, сдававших углы, койки и каморки, — 20%. Еще худшие условия жизни были в знаменитых когда-то ночлежках Хитрова рынка.

Если так обстояло дело с жилищной нуждой в столицах царской России, то что приходится сказать о крупнейших провинциальных промышленных центрах с десятками и сотнями тысяч населения, как например Иваново-Вознесенск, который царское правительство держало на положении слободы.

В городах царских колоний, где беспощадно эксплуатировались угнетенные национальности, жилищные условия были еще более жуткие. В Баку, например, в 1913 г. обследованием было установлено, что в половину всех рабочих квартир совершенно не проникал солнечный свет. Среднее световое отношение (отношение застекленной поверхности к площади пола) для всех казарменных помещений составляло 1 : 13,3. Санитарно-гигиеническая норма требует отношения 1 : 8. Этой норме отвечали только 25% всех казарменных помещений¹. В 4,5% казарм был земляной пол, кирпичные полы в 24,5%, цементные плитные — в 30%, деревянные — в 41%. Половина казарм помещалась в ветхих строениях, дававших сомнительную защиту от ветра, дождя и холода, а также от почвенных вод и газов. В результате смертность взрослых рабочих превышала здесь в 2 раза и детей в 5 раз смертность благоустроенных буржуазных частей города. При этом необходимо иметь в виду, что эти данные относятся к моменту

¹ «Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих», Баку 1913 г.

сокращения работ на нефтепромыслах. Число рабочих с 1907 по 1911 г. сократилось на 31,5% (с 48 294 до 33 064 чел.), что несколько разредело казарменную скученность.

В Донбассе по Бахмутскому району в 1910 г. из 1 638 квартир рабочих 40% представляли собой полуземлянки, сырые и холодные, 25% квартир помещалось в избах, 2% в сараях и летних кухнях и только 22% в кирпичных и каменных зданиях. Две трети этих жилищ имели земляные полы, 374 из 1 000 были без потолков. В казармах спали поочередно по 2—3 смены. В одном из докладов комиссии, официально обследовавшей жилища донецких рабочих, указывалось: «Землянки для семейных рабочих комиссия не нашла возможности описать, так как они негодны для домашних животных».

Рабочим приходилось не только жить в плохих квартирах, но и очень дорого их оплачивать. Средний расход на жилище у рабочего достигал 40% заработка. Чем меньше был доход, тем больше был удельный вес квартирной платы в бюджете рабочего.

При капитализме является правилом: чем хуже жилье, тем оно относительно дороже обходится жильцу.

Коммунальное хозяйство

Водоснабжение. В 1911 г. были собраны сведения о 1 063 поселениях с населением свыше 10 тыс. жителей (по переписи 1910 г. таких поселений насчитывалось 1 231). Из них только в 219 населенных пунктах, или в 20,6% поселений, имелся водопровод. В действительности этот процент был еще ниже¹.

Из 227 водопроводов «общего» пользования (в некоторых пунктах было по 2 водопровода) только 59 водопроводов имели фильтры, 6 имели осадочные, отстойные и очистительные бассейны и колодцы, 160 были без фильтров². Химико-бактериологическое исследование воды производилось всего лишь в 111 населенных пунктах. В 431 населенном пункте жители пили заведомо загрязненную и недоброкачественную воду. Домовые водопроводные ответвления были только в 152 населенных пунктах, в остальных население пользовалось водой из водоразборных будок.

Протяженность сети всех водопроводов в 1910 г. равнялась 3 899 км, что по отношению к протяженности улиц составляло 40,6%. При этом водопроводная сеть была крайне неравномерно распределена внутри города, неравномерно присоединялись к водопроводным магистралям и отдельные домовладения. Водопроводом обслуживались главным образом буржуазные кварталы, отдельные барские особняки и т. д. Рабочие кварталы, окраины вынуждены были пользоваться водой из открытых водоемов, рек и речушек, колодцев, загрязненных всяческими нечистотами и отбросами. Неизбежным следствием этого было развитие эпидемических заболеваний, косивших народ тысячами, десятками тысяч в каждом городе и поселке.

¹ Территориальное размещение водопроводов в городах отдельных частей Российской империи характеризовалось следующими цифрами:

86,6%	водопроводов находится в городах Европ. России.
5,2%	» » царства Польского
4,0%	» » Кавказа
1,2%	» » Сибири
3,0%	» » Ср. Азии

Составлено по данным Ф. А. Данилова «Водопроводы русских городов», 1913 г.

² Относительно двух водопроводов сведений не было.

По данным 1910 г., количество присоединенных к водопроводу домовладений в городах царской России исчислялось в 15%. В действительности процент этот был ниже, так как царское правительство умышленно не включало в черту города целый ряд окраин, рабочих кварталов, особенно в таких городах, как Петербург и Москва, считая их пригородами, не распространяло на них городского положения и не вело там никакого благоустройства.

Среднесуточное потребление воды на 1 чел. в городах находилось на крайне низком уровне. Оно было в 5—6 раз меньше, чем в городах Западной Европы, где водопотребление трудящихся также весьма низкое. Отпускные цены на воду были чрезвычайно высоки. В Тифлисе в 1913 г. при себестоимости 1 000 ведер воды в 61 коп. отпускная цена составляла 1 р. 85 к., в Петербурге в 1908 г. при себестоимости 1 000 ведер в 35 коп. отпускная цена была 55—60 коп., в Нижнем-Новгороде в 1910 г. при себестоимости 1 000 ведер в 50 коп. отпускная цена была 1 р. 50 к.—2 р. 50 к.

Там, где водопроводные предприятия принадлежали городам, прибыль от них занимала крупный удельный вес в бюджете города. По данным 1907 г., в Тифлисе она составляла 19%, в Одессе — 17,6%, в Петербурге — 14,7%, в Москве — 9,1% и т. д. Прибыль перераспределялась затем через городской бюджет в соответствии с классовой политикой городских «самоуправлений».

В городах, где водопроводы принадлежали концессионерам или частным владельцам, высокие прибыли шли на индивидуальное обогащение предпринимателя.

Имевшиеся в городах царской России 227 водопроводов принадлежали: городам — 163, или 72% (из них 159 водопроводов — 70% — находились в непосредственной эксплуатации, 4 водопровода сдавались в аренду), концессионерам и частным лицам — 50 водопроводов (22%), государственным и общественным учреждениям — 14 водопроводов (6%).

Канализация и очистка городов. В борьбе за охрану жизни и здоровья трудящихся очень важное значение имеют устройства канализации в городах и организация удаления плотных отходов и мусора. В крупном капиталистическом городе, где очистка плохо организована, население буквально задыхается от огромнейшего скопления нечистот и отходов, являющихся источниками распространения заразы. В городах дореволюционной России положение в этом отношении было просто катастрофическим, так как в них применялась преимущественно «вывозная система».

Поскольку очистка возлагалась на домовладельцев, последние в своих интересах старались как можно дольше не производить очистку выгребов, так как долгие и без всяких примесей дезинфекции нечистоты считались лучшим сельскохозяйственным удобрением. Во многих городах дореволюционной России очистка выгребов производилась пригородными крестьянами (даже в Петербурге в 90-х годах пригородными крестьянами очищалось около 90% домов). Пригородные крестьяне производили очистку не только дешевле содержателей ассенизационных обозов, но даже делали это бесплатно, а иногда еще доплачивали домовладельцам за право вывоза нечистот на сельскохозяйственные поля.

В Петербурге в течение 50 лет составлялись разного рода проекты, созывались комиссии по канализированию города по отдельной системе. Но к строительству канализации по этой системе так и не приступили. Препятствовала этому ее «нерентабельность» (с капита-

листической точки зрения). В Петербурге до Октябрьской социалистической революции существовала канализация самого первобытного типа, несмотря на внешнеевропейский вид города. На территории столицы насчитывалось больше 1 000 выпусков уличных и домовых труб для отвода нечистот в реки и каналы. Тем самым городские водные протоки превращались в открытые зловонные коллекторы. У стен жилых и промышленных строений располагалось больше 30 000 выгребов. Из 537 км труб сплавной канализации к 1918 г. на бетонные, кирпичные и керамиковые трубы приходилось 30%, а на деревянные — 70%, что противоречило элементарнейшим санитарно-гигиеническим требованиям. Экономически эти трубы были нецелесообразны вследствие малого срока службы, технически — несовершенны. Но даже такая канализация была проведена только на половине улиц и проездов Петербурга.

К началу империалистической войны насчитывалось 19 городов с существующей и вновь строящейся канализацией. Присоединение домовладений к канализационной сети было ничтожно. В ряде городов присоединено было от 1,6 до 5,8% всех домовладений (Пермь, Сталинград, Самара, Саратов и др.), что значительно удорожало пользование этими предприятиями.

Ассенизационные обозы имелись в 395 городах. Из них только в 84 городах обозы принадлежали городам. Очистка в городах производилась главным образом частными предпринимателями, частично тюрьмами, фабриками, заводами и т. д. Больше чем в 150 городах вообще никакой очистки не производилось. Вывозка нечистот и отходов регламентировалась обязательным постановлением только в 320 городах (меньше, чем в $\frac{1}{3}$ городов России), в остальных городах, в том числе в некоторых губернских, не было никакого санитарного надзора. В городах скоплялось огромное количество нечистот и отходов, которые, разлагаясь, заражали воздух, почву и водоемы зловонными газами и микроорганизмами, в том числе и болезнетворными.

Бани в дореволюционной России почти во всех городах принадлежали частным хозяевам, извлекавшим из них высокую прибыль. Из имевшихся до революции 606 бань общего пользования только 76 бань принадлежали городским самоуправлениям¹. Строились бани совершенно анархично, подчиняясь лишь задачам получения прибыли. Оборудованы были бани примитивно и не отвечали санитарно-гигиеническим требованиям. «Обслуживание» населения банями было количественно и качественно очень неудовлетворительным.

Механических и полумеханических прачечных было только 13².

Скотобойни, по данным 1910 г., функционировали в 980 городах. Техническое устройство их во многих отношениях было устаревшим, а в некоторых городах они представляли собой просто сарай без всякого оборудования. Подсобные предприятия по переработке различного рода отходов при бойнях насчитывались единицами.

В 1902 г. из 1 683 общественных скотобоев [в некоторых городах числилось по нескольку боев] только 19% находились в каменных строениях; лишь на 290 бойнях (17,2%) был постоянный санитарный надзор. Частные скотобойни, которых до революции насчитывалось 1 300, не отвечали элементарнейшим санитарно-гигиеническим требо-

¹ «Социалистическое строительство», статистический ежегодник, изд. 1934 г., стр. 437.

² Там же.

ваниям. Среди городских предприятий скотобойни были самым доходным предприятием:

Зеленые насаждения, имеющие значение в оздоровлении и архитектурном оформлении населенных мест, были мало развиты. В 1910 г. общественные сады имелись лишь в 392 городах, бульвары и уличные насаждения — в 494 городах. В бюджете городов (в пределах территории СССР) в 1912 г. расходы на садовое хозяйство составляли 2% всех расходов по коммунальному благоустройству. Средства эти тратились главным образом на текущие расходы, и только примерно 21% затрат отводился на новые работы и расширение садов.

В большинстве городов общая площадь, занятая садами, составляла не более 10% зеленой городской площади; во многих городах размер площади не превышал 2%. Зеленые насаждения разбиты были главным образом в центральных, буржуазных кварталах. Площадь зеленых насаждений частного пользования (при отдельных домовладениях, барских особняках, дворцах и т. д.) была в несколько раз больше площади зеленых насаждений общего пользования.

Дорожно-мостовое хозяйство. В 1910 г. 327 городов, или 26,5% общего числа городов России, совершенно не были замощены. В большинстве городов замощена была только незначительная часть улиц (одна треть)¹. Расходы по содержанию и постройке мостовых и уличных сооружений в бюджете городов 1912 г. составляли 12% всех расходов по благоустройству города. Дороги замаскивались главным образом булыжным камнем, кругляком или рваным. Такая мостовая чрезвычайно неудовлетворительна в санитарном и техническом отношении (пыльная, шумная, затрудняет нормальную эксплуатацию транспорта и т. д.). Усовершенствованных мостовых почти не было. Даже в крупных городах и отчасти в городах южной части России количество их было настолько незначительно, что едва ли можно принимать их в расчет. Удельный вес их в общей площади замощения едва достигал 1%. Мостовые своевременно не ремонтировались. В Париже на ремонт мостовых, главным образом на ремонт мостовых буржуазного центра, на 1 кв. саж. тратилось 2 р. 35 к., в Петербурге — 64 коп.²

О с в е щ е н и е. Подавляющее большинство городов освещалось керосином (жилые дома и улицы). Только в немногих крупных городах было электрическое освещение и то в центральных, буржуазных кварталах. До революции на нынешней территории СССР в 115 городах электрические станции были с очень незначительной мощностью. Примерно половина электростанций, находившихся в этих городах, принадлежала городам, остальные — частным обществам и отдельным предпринимателям³.

Во многих городах предприниматели фабрик и заводов для обеспечения себя дешевой двигательной силой проводили освещение городских поселений, тем самым перекладывая часть затрат по снабжению промышленных предприятий электроэнергией на плечи трудящихся города путем высоких тарифов. Существовавшие в городах тарифы на электроэнергию были чрезвычайно неравномерны для отдельных потребителей. Осветительный тариф колебался от 10 до 45 коп. за киловатт-час, моторный тариф — от 2,9 до 30 коп. Изредка

¹ «Социалистическое строительство», статистический ежегодник, Москва 1934 г., стр. 437.

² Журнал «Городское дело», № 5 за 1915 г.

³ Частным обществам принадлежало больше половины мощности станций.

встречался и общий тариф, устанавливавший за киловатт-час от 5 до 30 коп. Кроме основного тарифа существовала система различных скидок для отдельных крупных потребителей — от 1 до 40%.

До введения электрического освещения в городах России довольно широко было развито газовое освещение. С развитием электрического освещения началась конкуренция электричества с газом, началось и сокращение газовых заводов. Тогда обратили внимание на применение газа для тепловых процессов в промышленности и домашнем хозяйстве. До революции в 22 городах России имелись газовые заводы. Большинство их было в руках концессионеров¹.

Состояние уличного освещения, по материалам переписи 1910 г., характеризовалось следующими данными. Из 1231 городского поселения керосиновое освещение имели 66% всех городов; 12,9% городов не имели никакого освещения. Городских поселений, имевших исключительно электрическое освещение, было только 24. Уличное освещение в ряде городских поселений было организовано фабриками, заводами, частично тюрьмами, причем главным образом освещались территории этих предприятий, учреждений и т. п. Всего в городских поселениях, имевших исключительно электрическое освещение, насчитывался только 2041 электрический фонарь незначительной силы света. Площадь городской территории, приходящаяся на одну точку освещения, была настолько велика, что фактически, несмотря на электрическое освещение, города тонули во мраке.

В городах на нынешней территории СССР в 1910 г. насчитывалось 148 тыс. фонарей уличного освещения, из них электрических — 14 тыс., газовых — 26 тыс., керосиновых — 107,5 тыс. и разных — 500².

В Москве в 1910 г. электрических фонарей было 322, газовых 8 725 и керосиновых 14 109. В Петербурге уличное освещение возникло сравнительно рано (1718—1721 гг.) Вначале расходы по освещению были возложены на обывателей, затем освещение находилось в ведении то полиции, то городского самоуправления. Были периоды, когда на освещение брались подряды частными лицами. До революции в Петербурге действовали три частных электрических общества — в их руках находилось и уличное освещение города. В 1914 г. в Петербурге было 2 462 электрических фонаря, 8 813 газовых и 15 506 керосиновых³.

Внутригородской транспорт. В дореволюционной России основным средством передвижения были извозчики, обслуживавшие главным образом буржуазную верхушку города. В 1910 г. из 978 городских поселений России (в пределах нынешней территории СССР) в 300 городах совсем не было постоянных извозчиков. В остальных городах зимою насчитывалось 124 470 извозчиков. Они значительно загромождали уличное движение и способствовали развитию антисанитарии в городах. В Петербурге извозчиков было летом 1910 г. 16,7 тыс., зимою — 18,1 тыс., в Москве летом — 17,3 тыс., зимою 20,3 тыс.

Электрические трамваи до революции были в 35 городах (36 трамваев) с очень слабо развитой сетью. Из них 75% принадлежали различным акционерным обществам — большей частью бельгийским,

¹ «Энциклопедия местного управления и хозяйства», изд. ГИЗ, 1927 г., стр. 661.

² «Перспективы развития народного хозяйства СССР на 1926/27 и 1930/31 гг.», изд. 1927 г., стр. 384.

³ «Вопросы коммунального хозяйства», 1929 г., № 12.

25% — городам. Концессии на трамвайные предприятия брались на 40—50 лет.

Ограниченные средства городов и зависимость от иностранного капитала обусловили слабость развития трамвайных предприятий, техническую их отсталость. Городские думы с их цензовым характером также не способствовали развитию трамвайной сети в городах. Развитие трамвайного сообщения делало бы возможным переброску населения из одного района в другой, а это ставило бы в меньшую зависимость местожительство квартиронанимателя от места работы и увеличивало бы конкуренцию среди домовладельцев. Вот почему трамвайные линии обслуживали центральные, более густо заселенные части города, рабочие же кварталы, окраины, с центром города связаны не были.

Общее протяжение трамвайных линий в 1915 г. в России составляло 2 089 км одиночного пути (в США в это время протяженность трамвайных линий исчислялась в 75 тыс. км). Пассажирский вагонный состав насчитывал 4 500 вагонов (70% моторных и 30% прицепных)¹. В движении находилось приблизительно 70% инвентарного числа вагонов. Около 25% всего подвижного состава имели срок службы 20 и больше лет.

Население городов России обслуживалось средствами передвижения чрезвычайно скверно, концессионеры и городские «самоуправления» получали от эксплуатации трамваев огромные доходы.

Автобусного движения города старой России не знали. Велосипедами как средствами передвижения население городов пользовалось мало, производство велосипедов в России было развито крайне слабо.

III

Чрезвычайно низкий материально-технический уровень жилищно-коммунального хозяйства в городах дореволюционной России тяжело отражался на трудящихся массах. В условиях капитализма трудящиеся подвергаются эксплуатации и на производстве и по линии жилищно-коммунального хозяйства. В результате в городах дореволюционной России невероятно росли заболеваемость и смертность населения. За 4 года (1907—1910) было зарегистрировано около 80 тыс. холерных заболеваний, причем смертность от холеры в среднем составляла 50 и более процентов от общего числа заболевших. Статистические материалы показывают, что от холеры страдало больше всего трудящееся население. Не случайно врачи-гигиенисты считали холеру болезнью пролетариата. 5% населения ежегодно заболело брюшным тифом и т. д.

Общая смертность в России за пятилетие (1906—1910) достигала 29,6 чел. на 1 000 населения, в городах Европейской России — 27,5 чел. на 1 000 населения. Во многих бывших губернских городах смертность была выше средней смертности по городам Европейской России. В 1908—1910 гг. в Москве умирало 28,1 чел. на 1 000 населения, в Туле — 39,7, в Архангельске — 31,7, в Пензе — 33,0, в Твери — 39,7, в Омске — 41,6, в Нижнем-Новгороде — 42,9, в Костроме — 43,4. По смертности населения города России находились на одном уровне с азиатскими и африканскими городами.

Смертность во многих городах России значительно превышала естественный прирост населения. Увеличение населения в них шло

¹ «Справочник коммунального хозяйства», изд. Главного управления коммунального хозяйства, Москва 1925 г., стр. 255.

главным образом за счет прилива сельского населения. И в сельских местностях смертность была настолько велика, что в некоторых поселениях шло вырождение населения.

Средняя продолжительность жизни мужчины в царской России составляла 31,9 лет. Продолжительность жизни трудящегося была еще ниже.

Отсталость жилищно-коммунального хозяйства отражалась на всем народном хозяйстве России, которое терпело огромнейшие убытки от плохих дорог, неблагоустроенных улиц в городских и сельских поселениях и т. д. Одни убытки от пожаров в городских и сельских поселениях составляли 400 млн. рублей ежегодно¹.

Переход власти к временному правительству не изменил империалистической политики, проводившейся царским правительством, и не приостановил хозяйственной разрухи страны. Разруха продолжалась и усиливалась политикой буржуазии, «которая, боясь потерять вместе с политической властью и власть над организованным производством, не только не организует его, но ведет политику саботажа, прибегая к скрытым локаутам, остановке производства и т. п., сознательно способствуя экономическому хаосу в целях использования его для дела контрреволюции»².

В области городского хозяйства временное правительство продолжало вести купеческо-домовладельческую буржуазную политику. Большевики и эсеры, являясь агентурой буржуазии, отрицая диктатуру пролетариата, считали, что должны быть сохранены городские и земские управы и что впоследствии, после созыва учредительного собрания, они, мол, должны быть единственными «полновластными» органами. Отсюда и вытекала контрреволюционная роль большинства городских управ. Большевицкая партия подвергла резкой критике деятельность меньшевиков и эсеров в городских думах периода временного правительства и их широковещательную программу о демократизации городского хозяйства в связи с выборами в районные думы (июнь 1917 г.). Товарищ Сталин в «Правде», в статье «Муниципальная компания», писал: «В нынешней Петроградской думе имеется так называемая «социалистическая муниципальная группа», состоящая, главным образом, из оборонцев — эсеров и меньшевиков. Она выделила из своей среды финансовую комиссию для разработки «немедленных мер» оздоровления городского хозяйства. И что же, «обновители» нашли, что для демократизации городского хозяйства необходимо:

1) «Увеличить плату за воду», 2) «Увеличить проездную плату по трамваям». По вопросу же о взимании платы с солдат за пользование трамваем решено снести с Сов. Р. и С. Д.». (См. «Нов. Жизнь» № 26). У членов Комиссии очевидно была идея возложить плату на солдат, но не решались сделать этого без согласия солдат.

Вместо того, чтобы уничтожить налоги на бедноту, почтенные члены комиссии решили увеличить их, не пожалев даже солдат.

Таковы образцы муниципальной практики оборонцев из эсеров и меньшевиков»³.

По поводу широковещательной платформы мелкобуржуазных партий — эсеров и меньшевиков — о роли и задачах городских самоуправлений Ленин указывал: «Платформы эти совершенно такого же рода, как платформы европейских буржуазных партий, занятых улов-

¹ «Энциклопедия местного управления и хозяйства», ГИЗ, 1927 г., стр. 335.

² Из резолюции VI съезда РСДРП(б) об «Экономическом положении страны».

³ Сталин, На путях к Октябрю, ГИЗ, 1925 г., стр. 38.

лением доверчивой и неразвитой массы избирателей из мелких хозяев и т. п.». Много пышных обещаний, и в то же время «забвение главного — именно реальных условий осуществимости этих обещаний. Эти реальные условия в данный момент следующие: 1) империалистическая война; 2) существование правительства капиталистов; 3) невозможность серьезных мер к улучшению положения рабочих и всех трудящихся масс без революционного посягательства на «священную частную собственность капиталистов»; 4) невозможность проведения в жизнь системы обещаемых этими партиями реформ при старом органе и аппарате управления, при существовании полиции, которая не может не потворствовать капиталистам, которая не может не ставить тысячи и одной препон для проведения в жизнь этих реформ»¹.

Капитализм существует на основе эксплуатации трудящихся. Только диктатура пролетариата может обеспечить и обеспечивает трудящимся счастливую, зажиточную и культурную жизнь.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XX, стр. 335.

К вопросу о потерях в энергохозяйстве

Коммунистическая партия и ее руководители неоднократно подчеркивали необходимость строжайшей экономии в расходовании сырья, топлива, металла, электроэнергии и т. д., считая это существеннейшей задачей хозяйственного плана.

В статье «Лучше меньше да лучше», написанной 2 марта 1923 г. к XII съезду партии, Ленин с исключительной силой подчеркивает необходимость изгнать всякие следы каких бы то ни было излишеств. Ленин призывает к тому, чтобы «ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее»¹. Ленин видел в этом важнейший способ для движения страны «неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии»².

Сейчас, спустя почти 14 лет, не только построена Волховская ГЭС, о которой упоминал Владимир Ильич, но создано высокоразвитое централизованное энергетическое хозяйство, опирающееся в основном на мощные, оборудованные крупными и совершенными агрегатами централи.

Успехи социалистической реконструкции во всех областях народного хозяйства обеспечили переход электроэнергетики на более высокую ступень — образование мощных социалистических энергосистем, объединяющих в единый комплекс электроцентрали. У нас уже имеется ряд крупных энергосистем. Так, из общей цифры выработки электроэнергии в 1935 г. — 25,9 млрд. квтч. — 40% приходится на 3 крупнейшие энергосистемы: Мосэнерго, Ленэнерго и Донэнерго, где сосредоточено 30% всей «электрической» мощности страны.

Весьма показательно также, что по масштабу выработки электроэнергии эти три мощные энергосистемы стоят в ряду первых пятнадцати электросистем мира. Мосэнерго по выработке электроэнергии в 1936 г. выходит на первое место в Европе.

Энергобаланс страны из года в год стремительно растет. Выработка электроэнергии, составившая в 1935 г. только по станциям системы Главэнерго свыше 18 млрд. квтч, достигнет в 1936 г. 26 млрд. квтч, а по всем станциям страны — 32—33 млрд. квтч. Мощное движение стахановцев-энергетиков обеспечило на электростанциях резкое увеличение выработки энергии по сравнению с прошлым годом. Например Шатурская ГРЭС — крупнейшая базовая электроцентраль — увеличила выработку на 22% (на том же оборудовании), ГЭС им. Классона — на 22,5%, московские электростанции в целом — на 37% против 1935 г. и т. д.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 417.

² Там же, стр. 418.

Некоторые работники энергохозяйства (и ряда других отраслей) полагают в силу этого, что можно расходовать энергию в любом количестве, без ограничений. Такая точка зрения находится в кричащем противоречии с нашим отношением к продукту социалистического труда.

Сейчас непроизводительные потери электроэнергии, ее расточительное, а подчас и хищническое расходование очень велики.

Постановление Совнаркома Союза ССР от 13 октября 1936 г. «об экономии электроэнергии» является документом исторической значимости в борьбе с расточительством электроэнергии. Экономить электрическую энергию можно по всему пути ее движения.

Задача экономии электроэнергии имеет крупное государственное значение: ведь уменьшение непроизводительного расхода электроэнергии только на 1% означает в масштабе страны экономию в 320 млн. квтч. Стоимость энергоустановки для выработки этого потока электроэнергии (мощность, примерно, в 65 тыс. квт) обошлась бы стране около 55 млн. руб. На всех электростанциях страны в 1937 г. будет выработано около 40 млрд. квтч. Каждый процент экономии от этой цифры составит 400 млн. квтч, что равняется всей годовой выработке 1-й Московской государственной электростанции им. Смидовича.

Помимо этого каждый сэкономленный киловаттчас электроэнергии укрепляет технико-экономическую независимость нашей страны, усиливает ее обороноспособность, увеличивает возможности ее дальнейшей электрификации и ускоряет разрешение задачи догнать и перегнать в технико-экономическом отношении крупнейшие капиталистические страны.

Электричество теряется при следующих процессах: генерирование энергии, т. е. превращение потенциальной энергии, заключенной в энергоресурсах, в потребные народному хозяйству виды энергии; транспорт энергии, т. е. передача энергии к потребителю и ее распределение, потребление энергии, т. е. непосредственное применение энергии данных параметров для конкретных технологических или бытовых целей.

В соответствии с этой схемой путей трансформации энергии рассмотрим: 1) расход электроэнергии на собственные нужды станции; 2) потери электроэнергии в сетях и 3) потери электроэнергии у потребителя.

Районные электростанции являются крупными потребителями электроэнергии на собственные нужды. Основной расход электроэнергии на станциях приходится на следующие механизмы: циркуляционные насосы, питательные насосы, дымососы котлов, пылеугольные мельницы, элеваторы, конвейеры, краны и т. д. Величина собственного расхода непосредственно зависит от характера энергоустановки, ее мощности, сорта топлива и способа его сжигания и конструкции отдельных агрегатов.

Наибольший расход на собственные нужды (в процентах к выработке) имеют теплоэлектроцентрали и пылеугольные станции, минимальный расход — гидроэлектростанции (что в основном объясняется отсутствием на последних котельного цеха, потребляющего в среднем около 40% электроэнергии).

Динамика собственного расхода электроэнергии (в процентах к выработке) по станциям Главэнерго иллюстрируется следующими данными:

1933 г.	1934 г.	1935 г.
7,37	6,96	6,87

Наилучшие показатели за 1935 г. дали следующие станции: Рион-ГЭС — 0,28%, Новороссийская ГРЭС — 3,9%, Шатурская ГРЭС — 5,1%.

Расточительно расходовали электроэнергию: Сталиногорская ГРЭС — 14,8%, Краснопресненская ТЭЦ — 22,4%, ТЭЦ 7-я Ленинградская — 24,5%.

Расход электроэнергии на собственные нужды в целом по станциям системы Главэнерго в 1935 г. составил 1 230 млн. квтч.

Снижение собственного расхода на 0,1% дает только по электростанциям Главэнерго экономию электроэнергии (а следовательно и топлива) в 20 млн. квтч. Казалось бы, что электростанции должны быть самыми передовыми предприятиями по рациональному расходованию электроэнергии. Однако приведенные примеры наглядно показывают обратное — прямое расточительство. Стахановское движение на этом участке еще не развернулось полностью, чем и объясняется непроизводительное потребление электрической энергии.

Экономию на собственном расходе станции не следует базировать только на крупных реконструктивных работах. Ее следует искать прежде всего в экономичном, наиболее рациональном использовании существующего оборудования. Можно привести пример Зуевской ГРЭС, где из-за неисправности котла (зашлаковка, неисправность сводов и т. д.) работают 2 вентилятора и большой дымосос, тогда как при исправном котле возможен переход на работу одного вентилятора и малого дымососа. Это должно сэкономить 285 квт в час. Только непониманием, халатным отношением к важнейшей задаче — к экономии расходуемой на станции электроэнергии — можно объяснить перерасход ее по котельному цеху Горьковской ГРЭС, крупнейшей в мире торфяной станции. Значительное время в котельных этой станции работают лишние котлы, а такая работа естественно несет кроме перерасхода топлива перерасход электроэнергии до 376 квт в час. На опыте 5-й ЛГЭС можно видеть, как путем применения простейших рационализаторских мероприятий на существующем оборудовании можно заметно снизить собственный расход станции: 5-я ЛГЭС применила параллельную работу питательных насосов вместо индивидуальной системы, наладила работу циркуляционных насосов на двух скоростях (чего не могли добиться иностранные монтеры) и т. д. Очень часто (например, на станциях Харэнерго) высокий расход электроэнергии на собственные нужды станции объясняется завышенной мощностью установленных моторов вследствие неправильной проектировки.

Внедрение на электростанциях гидравлических муфт значительно повысило бы коэффициент полезного действия механизмов собственного расхода электростанций. Несмотря на данные заграничной практики, показывающие, что применение гидравлических муфт ведет к сбережению около 20% общего расхода на собственные нужды, наши электростанции до сих пор не внедрили у себя этого механизма. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на несложность и сравнительную дешевизну изготовления гидромуфт, промышленность все еще не наладила их производства для электростанций.

Важнейшими мероприятиями для уменьшения расхода на собственные нужды являются: улучшение схем и режима работы как основных, так и вспомогательных агрегатов, уменьшение расхода как циркуляционной воды для охлаждения конденсаторов турбин, так и воды на различные производственно-хозяйственные нужды, улучшение топочного режима котельной установки, улучшение поставки смазочного хозяйства, уменьшение числа вентилях и задвижек трубопроводов и т. п. Крупное значение будет иметь подбор моторов в соответствии с действительной мощностью обслуживаемых механизмов.

Необходимо предостеречь работников электрохозяйства, что в погоне за экономией электроэнергии не следует переходить на паровые приводы вместо электрических, что повлечет перерасход топлива. Такой переход допустим лишь в особых случаях, если он экономически оправдывается.

В условиях жесточайшей экономии каждого киловаттчаса у породо-члению учета собственного расхода электроэнергии должно быть уделено особое внимание.

Систему премирования эксплуатационного персонала станции необходимо устанавливать, исходя из задачи решительного снижения расхода на собственные нужды. Премировать персонал необходимо прежде всего, исходя из отпуска энергии, а не из выработки.

Совнарком Союза ССР обязал Главэнерго «снизить расход электроэнергии на собственные нужды электростанции с 6,7% (по плану 1936 г.) по крайней мере до 6% от всей выработки электроэнергии в четвертом квартале 1936 г.». До сего времени потребление электроэнергии на самих станциях фактически не ограничивалось. Такое положение объяснялось тем, что электростанция потребляемую энергию не оплачивали. Постановление правительства коренным образом меняет это положение. Сейчас станции должны платить за эту энергию, как все рядовые потребители. Это заставит их быть экономными. Работники энергохозяйства должны не забывать, что высокий собственный расход энергии снижает полезный отпуск электроэнергии народному хозяйству, увеличивает удельный расход топлива на один отпущенный киловаттчас, резко ухудшая этим всю экономичность работы станции.

Несмотря на рост удельного веса пылеугольных станций и теплоэлектроцентралей, имеются абсолютно все возможности для значительного снижения расхода электроэнергии на собственные нужды электростанций.

Передача и распределение электрической энергии являются непосредственным продолжением производственного процесса. Прохождение электрического тока при данном уровне техники неизбежно связано с выделением тепла в окружающую среду, а следовательно, и с некоторыми потерями электроэнергии. Кроме того имеются потери электроэнергии в проводах вследствие плохой изоляции последних (так называемые потери на «утечку тока»). Следующим источником непроизводительных потерь являются оставшиеся включенными холостые трансформаторы. Динамика потерь в сетях Главэнерго за последние годы иллюстрируется следующими процентами потерь к выработке:

1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935
13,4	13,7	13,7	11,1	9,7	9,5	9,4	9,31	9,26	9,20

Общее снижение потерь в электросетях Главэнерго и относительно меньшая величина их по сравнению с сетями общего пользования индустриально передовых капиталистических стран объясняются следующими причинами. Во-первых, более организованным в силу его плановости характером советского энергохозяйства и, во-вторых, большим удельным весом крупных потребителей, не требующих большой протяженности и разветвленности сети. Однако, как это видно из приведенных цифр, начиная с 1932 г., потери в сетях Главэнерго держались почти на одном уровне. Первое полугодие 1936 г. показало, что борьба с потерями в сетях еще не развернулась по-большевистски. Например, в Новосибирском энергокомбинате потери в электросетях во втором квартале 1936 г. составили довольно внушительную цифру — 14,1%.

Чтобы судить о народнохозяйственном значении потерь в сетях, достаточно указать, что за 1935 г. из отпущенных станциями Мосэнерго в сети 3 719,7 млн. квтч потребители получили всего 3 275,5 млн. квтч. Это значит, что в сетях (в воздушных и кабельных линиях, повисительных и понизительных трансформаторах, преобразователях, реакторах и т. д.) было потеряно 444 млн. квтч, т. е. годовая выработка электростанции мощностью в 75 тыс. квт. Для производства киловаттчасов, потерянных в сети Мосэнерго, затрачено 265 тыс. т условного топлива. Уменьшение этих потерь хотя бы на 0,1% дает по Мосэнерго не менее 100 тыс. руб. годовой экономии. Наибольшие потери (33,8%) в высоковольтных сетях Мосэнерго составляют потери в 100-киловольтных линиях, что объясняется сильной загруженностью основных транзитных линий, связывающих районные электростанции с центральным 100-киловольтным кольцом. В первом полугодии 1936 г. потери в 100-киловольтных линиях уже достигли 44% от суммарных потерь. Не только в Мосэнерго, крупнейшей энергосистеме страны, не занимались до последнего времени серьезным и всесторонним исследованием вопроса о потерях в сети и не только там не было развернутого плана борьбы с потерями. По шести крупнейшим электростанциям Уралэнерго потери в сетях только за первое полугодие 1936 г. составили 2,5 млн. квтч. Весьма характерно, что в то время как величина потерь в 1935 г. в высоковольтных сетях Мосэнерго была равна 253 млн. квтч, весь аварийный недоотпуск составил всего 0,360 млн. квтч.

Потери в одних и тех же электросетях не являются постоянной величиной и меняются от ряда причин: от изменения графика суммарной нагрузки, режима загрузки отдельных трансформаторов, распределения активных и реактивных мощностей по отдельным магистралям, сроком ремонта линий, эксплуатационной схемы сети и т. д. Учет потерь (не только в сетях), необходимый для развертывания борьбы за их снижение, как в Мосэнерго, так и других энергосистемах, ведется очень плохо. Необходимо со всей решительностью отметить, что электроизмерительное хозяйство в энергетике находится на низком уровне.

Таким образом для организованной и эффективной борьбы с потерями в энергохозяйстве необходим прежде всего надлежащий учет. Плохо поставленный учет — первый пособник расточителей электроэнергии. Существующие при этом неточности и возможные ошибки естественно могут скрыть (а часто и скрывают) действительное положение дела.

Небезынтересно отметить, что появились даже некоторые домогновенные «теоретики», утверждающие, что, потери в электросетях

вообще нельзя учесть, поскольку показания обыкновенного счетчика активной энергии могут колебаться в пределах $\pm 3-5\%$. Эта «теоретика» — вредная политически; для измерения потерь в электромагистралях существуют специальные счетчики потерь, которыми и следует пользоваться.

Только в условиях неправильно организованного учета электроэнергии возможны такие факты, как, например, имевший место во втором квартале 1936 г. в Ленэнерго: при «технических» потерях в сети в $9,4\%$ «коммерческие» потери составили $6,9\%$. Регулярное наблюдение за величиной потерь должно быть установлено последовательно во всех звеньях энергосистемы, включая и энергопотребителя.

Крупнейшую роль в борьбе за уменьшение потерь в электросетях играет улучшение коэффициента мощности (косинуса ϕ). Здесь имеются огромные резервы, и, несмотря на это, некоторые сети (например, Горьковского края) за последние годы умудрились не только не повысить, но даже снизить этот показатель. На наших электростанциях средний косинус ϕ на генераторах равен около $0,795$ против стандартного коэффициента американских станций — $0,9$. В Донэнерго косинус ϕ генераторов еще меньше среднего по Союзу — всего $0,678$.

Стремиться к повышению косинуса ϕ необходимо не только на основных подстанциях электросети, но и у потребителей электроэнергии. Проведенные два соревнования (участвовало в первом 700, во втором 1442 предприятия) способствовали росту косинуса ϕ на установках потребителей по системе Главэнерго с $0,76$ в 1932 до $0,815$ в 1935 г. Это дало снижение потерь только за один 1935 г. около 100 млн. квтч электроэнергии. Однако с этими средними цифрами скрывается много сотен предприятий с большой суммарной мощностью, в которых косинус ϕ не выше $0,6$.

Постановлением правительства Главэнерго предложено довести средневзвешенный косинус ϕ на установках потребителей к концу 1936 г. не ниже чем до $0,85$. Введена шкала штрафов и премий в зависимости от величин косинуса ϕ .

Величина потерь в сети зависит от нагрузки пропорционально квадрату силы тока. Вместе с тем известно, что для передачи одной и той же электрической мощности требуется тем меньший ток, чем выше напряжение. Отсюда вывод: повышение напряжения в сетях снижает величины протекающих по сети токов и тем самым уменьшает потери (последние уменьшаются пропорционально квадрату роста напряжения).

Поднятие напряжения в высоковольтных сетях осуществляется в Мосэнерго и Донэнерго. В центре Москвы еще сохранилась кабельная сеть, работающая под напряжением 2 тыс. вольт. Постепенный перевод этой сети на напряжение 6 тыс. вольт дает снижение потерь почти в 9 раз. Перевод в 1936 г. участка в районе ул. Кирова с 2 тыс. вольт на 6 тыс. вольт дает снижение годовых потерь на 550 тыс. квтч. Подъем напряжения должен быть проведен технически грамотно, дабы не повлечь как раз увеличения потерь, ухудшения косинуса ϕ и сокращения срока службы ламп. Проектным и хозяйственным организациям как при проектировании новых сетей, так и при реконструкции существующих необходимо стремиться к переходу на высшее напряжение.

Анализируя схемы наших электросетей, можно часто встретить примеры, когда одна часть линий не загружается, другая перегружается.

Деления сети на направлениях выбираются неправильно: энергия передается по более длинным путям, т. е. проходит через большие сопротивления, и вследствие этого потери оказываются значительно большими. Электросети должны иметь продуманную эксплуатационную схему, обеспечивающую наиболее экономичное и рациональное токораспределение.

Безусловно необходимо усилить строительство линий электропередачи, все еще отстающей от роста выработки и потребления электроэнергии. В США, например, имеется 250 тыс. км линий электропередач (от 22 киловольт), в Германии — 25 тыс. км, у нас — всего около 17 тыс. Хотя плановый характер нашего хозяйства позволяет обойтись меньшим количеством линий, но, учитывая стремительный рост выработки и потребления электроэнергии, а также наши расстояния, следует форсировать сетевое строительство.

Бороться с потерями холостого хода в сетевых трансформаторах (нередко достигающими 3—4%) можно посредством выключения части незагруженных трансформаторов и распределения нагрузки их соседним трансформаторам. В 1936 г. в сети Мосэнерго на лето выключалась часть сетевых трансформаторов (работавших главным образом на освещение), что дало экономию в сотни тысяч киловатт-часов. Однако это мероприятие далеко не исчерпывает всех резервов, так как трансформаторы все же значительную часть времени (дневные часы) работают с недогрузкой и, следовательно, с большими потерями.

Интересен поэтому и поучителен опыт заграницы, где часто в трансформаторном помещении устанавливают два трансформатора различной (заранее подобранной) мощности, снабженные автоматическим переключателем. В часы низкой нагрузки автоматическое устройство включают в работу только один трансформатор — меньшей мощности; когда нагрузка повышается, в сеть включается трансформатор большей мощности; когда нагрузка становится еще выше, включаются параллельно оба трансформатора. Однако этот способ требует дополнительных капиталовложений. Дежурный эксплуатационный персонал подстанций, где имеется несколько параллельно работающих трансформаторов, обязан отключать лишние трансформаторы, когда нагрузка заметно понижается. Величина оплаты персонала сетей и подстанций должна зависеть от величины потерь в сетях.

Постановление правительства обязывает снизить потери в сетях с 9 до 8,4% от энергии, отпускаемой станциями.

Основная особенность энергетического хозяйства — это органическая взаимозависимость между процессом производства и процессом потребления энергии. В энергохозяйстве и процесс производства и процесс потребления являются по своей природе одинаково процессами превращения энергии из одного вида в другой. Конечная цель всякой энергоустановки — снабжение энергией требуемого вида и параметров всех отраслей народного хозяйства. Промышленность является крупнейшим потребителем электроэнергии. До последнего времени многие промышленные предприятия расходовали электроэнергию расточительно. Удельный вес ее стоимости в себестоимости продукции был небольшим, и потребители фактически ничего не предпринимали для действительной экономии электроэнергии. С точки зрения народного хозяйства такое положение

ние совершенно нетерпимо. Электроэнергия — важный продукт социалистического хозяйства, и бережное ее расходование — это обязанность каждого гражданина нашей великой родины. В области потребления энергии кроются основные потери, так как только ничтожная часть ее затрачивается непосредственно на физико-химические и физико-технические производственные процессы.

Это, как уже указывалось, результат халатного отношения к расходованию энергии, а часто и несовершенного инженерного оформления отдельных элементов технологического процесса.

По линии промышленного электропотребления основные потери состоят в холостом ходе оборудования из-за неправильного режима работы, из-за завышенной мощности моторов, а также в неправильном расположении пусковых приспособлений и т. д. Необходимо отметить, что завышенные мощности моторов — обычное явление на огромном числе наших промышленных предприятий. Однако в связи с развитием стахановского движения значительно повысилась нагрузка рабочих машин, а значит и моторов. Повышение производительности станков позволяет экономить электроэнергию при том же оборудовании. Рационализаторская инициатива в области экономии энергии должна быть направлена в сторону изменения технологического процесса для увеличения производительности оборудования и нагрузки моторов.

Сильно отстали от жизни организации, проектирующие электрические двигатели. Для подсчетов они часто пользуются как грубыми эмпирическими формулами, так и устаревшими данными (периода 1923—1925 гг.) заграничной практики, опрокинутыми стахановским движением. Несомненно, что в этой области должно быть широко применено автоматическое управление, обеспечивающее двигателю и рабочей машине лучший ритм работы с наименьшим расходом энергии. В некоторых производствах (например, в текстильном) имеются еще трансмиссионные приводы вместо индивидуальных. Хотя переход с первого типа привода на второй и связан со значительными капитальными затратами, но он дает заметное снижение потерь энергии.

Мало еще у нас заводов и фабрик, хорошо работающих в области рационального электрохозяйства. На многих предприятиях энергохозяйство находится еще на задворках. Эта недооценка места энергетики в производстве отражается на всей экономике работы энергохозяйства и приводит к значительным непроизводительным тратам энергии. Много хозяйственников об энергетике предприятия вспоминает только тогда, когда случается авария, но как только авария ликвидируется, все опять идет по-старинке. На многих шахтах Тулугля, например, ни директора, ни главные механики не могут сказать точно, сколько их предприятия фактически расходуют или должны расходовать электроэнергии. На шахтах Подмосковского угольного бассейна имеются большие резервы в мощности моторов, что влечет за собой излишние потери и ухудшение косинуса ϕ . Из-за отсутствия счетчиков на шахтах оплата за энергию до последнего времени распределяется этим трестом не по фактическому расходу, а по установленному оборудованию, что в корне неправильно.

На многих шахтах Донбасса электрооборудование находится в скверном состоянии. Квалификация персонала, обслуживающего энергоустановки, низка. Правда, в последнее время Донэнерго совместно с потребителями наметил и приступил к осуществлению ряда мероприятий по экономии электроэнергии. Проводится регулирова-

ние шахтных водоотливов, регулирование работы компрессоров и использование синхронных моторов, турбокомпрессоров и агрегатов подъемных установок системы «Леонард» для повышения косинуса фи. В Донбассе имели место ненормальности в применении тарифной политики по электроэнергии. В Ленинграде на ряде предприятий (фабрики «Знамя труда», им. Халтурина, «Красная нить», завод «Трубосталь» и др.) наблюдались безобразные явления в расходовании электроэнергии.

Гнезда трения в различных механизмах и агрегатах являются источниками крупных потерь энергии. Именно поэтому сейчас должны быть приняты все меры к резкому улучшению смазочного хозяйства фабрик и заводов. Можно смело утверждать, что при рациональной организации и ведении смазочного хозяйства можно в среднем легко сэкономить не менее 5% расходуемой электроэнергии.

На заводах Спецстали успешно применяются текстолитовые подшипники вместо бронзовых у прокатных станов (завод «Серп и молот», Златоустовский, «Электросталь» и др.). Это мероприятие дает двойной эффект: экономия бронзы и экономия электроэнергии (до 30%). Необходимо подчеркнуть, что на предприятиях Спецстали (потребление в 1936 г. до 1,8 млрд. квтч электроэнергии) электрохозяйство ведется относительно неплохо: по большинству заводов удельное потребление электроэнергии снижается (особенно по феррохрому). Но работники заводов Спецстали имеют все возможности для дальнейшего снижения расходов электроэнергии. Путь к этому — улучшение технологического процесса (уменьшение простоев печей, правильный состав шихты и т. д.). В прокатном производстве надлежащий нагрев металла (температура контролируется установкой фотопирометров) способствует экономии электроэнергии.

Одним из основных заводов Спецстали является «Электросталь», потребляющая около 300 млн. квтч (главным образом электропечи). Организацией электрохозяйства непосредственно занимается и руководит им главный электрик завода, имеющий для исследовательской работы довольно квалифицированный аппарат инженеров. На заводе составлены специальные кривые и характеристики электропотребления агрегатов, инструкции по обслуживанию печей с точки зрения правильного режима, т. е. экономии электроэнергии. Мастера-сталевары премируются за бережное расходование электроэнергии. Премии эксплуатационному персоналу за снижение себестоимости снижаются при перерасходе электроэнергии.

Задача бережного расхода электроэнергии особенно актуальна в электросталелитейном производстве. При подсчете себестоимости 1 т жидкой стали издержки производства, падающие на электроэнергию, занимают второе место после себестоимости завала. По данным завода «Электросталь» (журнал «Электричество» № 19, 1936 г., стр. 6), электропечь даже среднего размера — емкостью около 10 т — является крупным потребителем тока. При обычном для сталелитейного завода круглосуточном производстве расход электроэнергии достигает около 8 млн. квтч в год. Даже незначительная экономия на числе киловаттчасов за период одной плавки может дать за год значительные дополнительные ресурсы электроэнергии.

Таким образом экономия электроэнергии в ряде производств — это один из существенных элементов рентабельности этих производств.

Улучшение технологического процесса — основной путь уменьшения затрат электроэнергии. С этой стороны заслуживает внимания опыт автозавода им. Сталина, одного из крупнейших потребителей электроэнергии (в среднем ежемесячно 7 млн. квтч). Так, на станке «Гау» № 703 механосборочного цеха изменение числа оборотов детали с 30 до 52 уменьшило машинное время с 4,5 до 2,68 мин. и снизило расход электроэнергии на 12%. В том же цехе на станке «Гау» № 702 изменение режима обработки контрольного валика позволило сэкономить электроэнергию на деталь до 5%. Уменьшение припуска в торцах блокцилиндров с 8 до 2 мм уменьшило и расход электроэнергии до 70% на операцию. Задачи экономии металла и электроэнергии тесно связаны между собой. Уменьшение количества снимаемой стружки при обработке деталей почти пропорционально снижает потребление электроэнергии. На многих заводах холостые хода двигателей между операциями суммарно весьма продолжительны. Установка с автоматическим выключением моторов в период холостого хода между операциями показала на ЗИС возможность экономии 12% расхода электроэнергии на одну операцию по обработке детали и повышения косинуса ϕ с 0,56 до 0,75.

Неплохо была поставлена эксплуатация электрохозяйства на заводе им. Кирова (б. «Красный путиловец»). Улучшение заводского энергохозяйства проводится ликвидацией промежуточных трансформаций энергии, борьбой с потерями сжатого воздуха, причем за каждую обнаруженную точку потери сжатого воздуха цех штрафуются. Кроме того ликвидируются промежуточные трансмиссии, переоборудуются приводы прокатных станов, установлено около 400 индивидуальных станочных приводов и т. д.

Но и эти предприятия, так же как и заводы «Серп и молот», Электрозавод, Государственный подшипниковый завод им. Кагановича, Проекторный и др., имея немалые успехи на отдельных участках рационализации своего энергохозяйства, в целом несут все еще большие непроизводительные потери энергии. Это видно на примере хотя бы автозавода им. Сталина: добившись снижения расхода энергии на одну машину на 24% (за период 1933—1936 гг.), автозавод все же ежегодно платит около 500 тыс. руб. штрафа за лишнюю трансформаторную мощность. Государственный подшипниковый завод № 1 также ежегодно платит 200 тыс. руб. за лишнюю трансформаторную мощность. Штрафы достигают огромной величины, Мосэнерго в 1935 г. получило 8 млн. руб. штрафа.

Особо следует остановиться на удельных нормах расхода энергии. Этот показатель имеет существенное значение при перспективном планировании и технико-экономическом проектировании, но исключительно важную роль он приобретает для культурного ведения энергохозяйства любого производственного предприятия. Без технических обоснованных, грамотных норм энергопотребления невозможно в полной мере эффективная борьба с потерями энергии. А между тем в этой области наблюдается недопустимое кустарничество. На упомянутом выше совещании в НКТП по вопросу об экономии электроэнергии это положение иллюстрировалось разительными примерами. Так, в Ленинграде только 46% предприятий имели нормы удельных расходов на единицу натуральной продукции; 40% предприятий имели показатели, отнесенные к продукции предприятия в ценностном ее выражении, т. е. к 1 000 руб. продукции. Совершенно очевидно, что показатели, отнесенные к стоимости продукции, весьма неустойчивы и не полностью характеризуют энерго-

потребление, так как их величина может изменяться под влиянием тех или иных случайных факторов. 13% предприятий совсем не имело никаких норм. Но даже существующие удельные нормы на единицу натуральной продукции являются несовершенными и требуют соответствующего анализа. Методика изучения и установления норм энергопотребления должна опираться на конкретные технико-экономические факторы, определяющие величину и динамику этих показателей. Такими факторами являются специфика структуры предприятия и сырья; техническое совершенство применяемых механизмов и аппаратуры, наличие выхода вторичных энергоресурсов и т. п. Правильной является разработка нормативов энергопотребления не для производства в целом, а для отдельных звеньев технологического процесса в зависимости от приведенных выше факторов.

Стахановское движение, как это показал опыт многих предприятий, привело к заметному снижению удельных расходов электроэнергии. Один из передовых заводов Ленинградской тяжелой промышленности — «Красный гвоздильщик», — введя у себя удельные нормы, получил возможность в двое сократить расход электроэнергии на тонну проката.

Постановление правительства обязало промышленные наркоматы сократить в четвертом квартале 1936 г. в промышленных предприятиях потребление электроэнергии по сравнению с фактическим потреблением на единицу продукции в первом полугодии 1936 г. не менее чем на 10%. Это должно быть проведено путем более правильной эксплуатации машин и установок. Промышленным наркоматам предложено не позже 1 декабря 1936 г. пересмотреть и утвердить для предприятий нормы расхода электроэнергии на единицу продукции под углом зрения сокращения непроизводительных потерь. Основную работу по изучению и установлению удельных норм энергопотребления должны проводить энергетики главных управлений с привлечением научно-исследовательских учреждений и с окончательным утверждением со стороны Главэнерго.

Установление грамотных, базирующихся на новейших технических данных, норм энергопотребления знаменует собою переход в высший класс энергетической техники.

На цели освещения ежегодно расходуется до 4,5—5 млрд. квтч, и из них значительная часть расходуется непроизводительно, варварски. Произведенная по указанию наркома тяжелой промышленности т. Орджоникидзе проверка осветительного электропотребления выявила факты хищнического расходования электроэнергии: невыключение в ряде городов освещения в дневное время, на многих предприятиях горение осветительных точек во время обеденного перерыва, после окончания работы, в дни отдыха и т. д. Поверхность остекления цехов и осветительная арматура содержатся в грязном виде и месяцами не очищаются, что естественно требует установки дополнительных осветительных точек и лишнего расхода электроэнергии. И сейчас еще есть много примеров установки ламп мощностью, в несколько раз превышающей потребную. Можно встретить много примеров неправильного, а иногда и просто уродливого устройства схемы освещения. Все освещение выключается одним выключателем: если

в цехе надо провести какую-либо работу в нерабочее время, приходится включить все освещение.

Лампы, которыми мы сейчас пользуемся, малоэкономичны и представляют уже вчерашний день осветительной техники. Особенно важным является поэтому переход на биспиральные лампы, что экономит в среднем около 15% электроэнергии. По предварительным подсчетам, экономия электроэнергии при применении этих ламп должна выразиться в несколько сот миллионов рублей ежегодно. Основное отличие этих ламп от обычных заключается в особой конструкции тела накала, представляющего собой двойную спираль. Этим достигается большая концентрация тепла, а следовательно, уменьшаются тепловые потери и увеличивается экономичность лампы. Благодаря меньшим тепловым потерям общие размеры биспиральной лампы при одинаковой мощности значительно меньше обычной. Увеличение светоотдачи колеблется от 16 до 39%. Интересно отметить, что маркировка этих ламп изменена: вместо обычно проставляемых напряжения в вольтах и мощности лампы в ваттах, например 120×100 , на биспиральной лампе стоит марка 120×1300 , что означает 120 вольт и 1300 люменов (т. е. лампа дает световой поток в 1300 люменов). В развитие постановления СНК Союза ССР об экономии электроэнергии НКТП обязал электрокомбинат и завод «Светлана» выпустить в 1937 г. 70 млн. биспиральных ламп, освоить производство ртутных ламп с высокой светоотдачей, организовав в 1937 г. массовый их выпуск.

Необходимо поднять техническую культуру работников энергохозяйства (в особенности эксплуатационного персонала) и вооружить их соответствующими механизмами и аппаратами для эффективной борьбы с потерями энергии. Здесь особая ответственность падает на Главэнергопром НКТП. Этот главк, освоивший производство многих мощных машин, должен выпустить в 1937 г. синхронные компенсаторы общей мощностью в 320 тыс. ква, статические конденсаторы общей мощностью в 350 тыс. ква, различные счетчики (потерь двойного тарифа и др.), биспиральные лампы с высокой светоотдачей, мостики для контроля за изоляцией и т. д. Кроме того Главэнергопром должен сильно расширить выпуск трансформаторов с регулированием под нагрузкой.

Решением правительства создан специальный орган контроля над потреблением энергии и надзора за работой электростанции — Электроконтроль. Основной производитель энергии в стране Главэнерго должен стать и контролером потребления этой энергии. Решением правительства Главэнерго поручен надзор за работой фабрично-заводских электростанций мощностью свыше 10 тыс. квт. Кроме того Главэнерго предоставлено право наложения штрафов от 100 руб. до 10 тыс. руб. на потребителей и на упомянутые выше электростанции. Установлено, что директора крупных фабрично-заводских станций свыше 3 000 квт утверждаются наркомом. Приказом Наркомтяжпрома во всех главных управлениях и на крупных предприятиях учреждены должности главного энергетика. Повышение цен на электроэнергию будет стимулировать более бережное ее расходование. Это мероприятие должно повести не к удорожанию продукции, а к уменьшению расхода электроэнергии на натуральную единицу этой продукции.

Из года в год растёт и крепнет экономическая мощь Страны советов. Стремительно развивающиеся промышленность, транспорт, колхозы, наши растущие города и села, вся наша зажиточная жизнь настоятельно требуют огромных количеств электроэнергии. Сейчас, как никогда, должно быть самое бережное, самое культурное отношение к расходованию электроэнергии. Надо твердо помнить, что каждый сэкономленный киловаттчас является могучей силой, революционизирующей технологию производства, вызывающей к жизни новые районы, новые виды сырья, новую высокоразвитую технику.

Экономика Испании

К началу империалистической стадии капитализма Испания, бывшая когда-то мощной колониальной державой, владевшей огромными колониями в Америке, Африке и Европе, приходит сильно ослабленной и политически зависимой от крупных западноевропейских империалистических держав. В своей хозяйственной структуре Испания сохранила значительные пережитки феодальных отношений, которые до последнего времени закреплялись политической властью испанского дворянства.

Наиболее характерным для социальных отношений внутри Испании является огромная концентрация в руках феодалов и церкви земельной собственности: примерно $\frac{2}{3}$ (12 млн. га) земли принадлежит 150 тыс. помещиков, в то время как трехмиллионная масса испанского крестьянства владела всего лишь 6 млн. га; 2 млн. сельскохозяйственного пролетариата вообще лишены были всяких земельных наделов.

Следующая таблица показывает распределение земельной собственности в 1932 г. по 8 провинциям, в которых должна была быть проведена так называемая аграрная реформа (данные испанского института аграрной реформы).

Группы хозяйств	Число владений в тыс.	Площадь в тыс. га
До 1 га	1 461	792
От 1 до 5 га . . .	786	1 698
» 6 » 10 » . . .	99	678
» 11 » 50 » . . .	62	12 6
» 51 » 100 » . . .	11	764
» 101 » 250 » . . .	8	1 173
» 251 » 500 » . . .	4	1 483
Свыше 500 га	3	3 173
Всего	2 434	11 057

Эта таблица показывает огромную концентрацию земли в руках помещиков, безземелье основных крестьянских масс и огромное количество карликовых хозяйств до 1 га. Испания является классической страной огромных латифундий и карликовых маломощных, нищенских крестьянских хозяйств. По отдельным провинциям положение это обрисовывается еще резче. Например в провинции Сиудад-Реал из 1 700 тыс. га 1 300 тыс., или 75%, принадлежит 1 500 помещикам и только 85 тыс. га занимают мелкие владения. В провинции Хаен в Андалузии из 1 300 тыс. га половина принадлежит помещикам, причем насчитывается 100 тыс. мельчайших участков, площадь которых не достигает 1 га.

Верхушку помещиков — монополистов земли — составляют испанские гранды. Это высшая родовитая испанская знать, пользовавшаяся до последнего времени рядом прерогатив княжеской власти. В руках немногочисленных испанских грандов сосредоточено больше

500 тыс. га, причем наиболее мощные поместья этой земельной аристократии распределяются в провинциях Касерес, Бадахос, Хаен, Кордова и Толедо.

Концентрация земли в руках помещиков привела в Испании к большому развитию арендных отношений. Так, по чрезвычайно неполным данным испанской статистики, распределение земли по форме землевладения таково:

владельцы	6 314 тыс. га
арендаторы	3 500 » »
издольщики	193 » »

Эти цифры не показывают, как распределяется земля между крупными и мелкими арендаторами и владельцами. Они характеризуют только общий объем арендных отношений. Причем надо отметить, что, как правило, арендаторам достаются плохие земли, главным образом земли не орошаемые.

Второй особенностью сельского хозяйства Испании является чрезвычайно низкий процент используемой земельной площади. Так, из 55 тыс. га используется лишь 15,5 тыс. га. Огромные пространства Испании составляют так называемые «секано», т. е. засушливые земли, или вовсе непригодные к обработке без оросительной системы, или же дающие чрезвычайно низкий урожай. Урожай на орошаемых местностях примерно в 3—4 раза в среднем превышает урожай на засушливых зонах. В Гренаде в 1933 г. на орошаемых землях 1 га давал 25 квинталов пшеницы, на неорошаемых — 7. В провинции Севилья на орошаемых — 30 квинталов, на неорошаемых — 7.

Конечно не только природные условия ограничивают расширение посевных площадей Испании. Решающим тут являются засилие помещиков и феодальные пережитки, которые тормозят рациональное использование земли.

Значительные пережитки феодализма, наличие карликовых мало-мощных хозяйств определили крайнюю отсталость испанского сельского хозяйства. По своей урожайности как по зерновым, так и по техническим культурам Испания стоит на последнем месте среди капиталистических стран Европы. Показателем этой технической отсталости является также крайне низкая техническая оснащенность сельскохозяйственными машинами. Так например в 1932 г. в Испании насчитывалось плугов однолемешных 2 млн., зубчатых борон — 500 тыс., дисковых — 10 тыс., косилок — 46 тыс., ручных молотилок — 850 тыс. Машин с механическим двигателем было и совсем ничтожное количество: локомотивов — 500, тракторов — 4 тыс. Преобладают, как видим, наиболее примитивные сельскохозяйственные орудия — однолемешные плуги и зубчатые бороны. За последние годы катастрофически падает ввоз сельскохозяйственных машин. Если в 1929 г. общий ввоз сельскохозяйственных машин в золотых пезетах составлял 19,5 млн., то в 1935 г. он упал до 5 млн., т. е. сократился почти в 4 раза.

Особенно сильно падает ввоз сельскохозяйственных машин для переработки основных видов продукции сельскохозяйственного экспорта. Так например, машин для выжимки оливкового масла в 1929 г. было ввезено на 917 тыс. пезет, а в 1935 г. — на 104 тыс. Еще резче падает ввоз гидравлических прессов: в 1929 г. их было ввезено на 2 380 тыс. пезет, а в 1935 г. — на ничтожную сумму — всего лишь на 96 тыс. Значительно падает и ввоз искусственных удобрений.

Показателем отсталости испанского сельского хозяйства является также тот факт, что сельскохозяйственная Испания принуждена была до последнего времени ввозить сельскохозяйственные продукты, включая пшеницу. Только в 1933 г. декретом испанского правительства был ограничен ввоз зерна. Это запрещение, проведенное в угоду помещикам и кулацкой верхушке, повело лишь к еще большему недопотреблению трудящихся масс и не было компенсировано соответствующим ростом производства внутри страны. Целый ряд технических культур, главным образом хлопок для текстильной промышленности, который Испания могла бы производить у себя, она принуждена ввозить, выплачивая за ввозимый хлопок примерно до 200 млн. золотых пезет в год.

Сельскохозяйственные районы Испании можно грубо разделить на следующие зоны: северные и центральные районы, где преобладают зерновые культуры, северо-восток (Каталония), где преобладают злаки, виноград и оливы, и наконец Средиземноморское побережье, где основными культурами являются оливы, фрукты и виноград.

Основными продуктами сельскохозяйственного экспорта Испании, от которого зависит благосостояние широких крестьянских масс, являются оливы, апельсины и виноградный сок. Последние годы были годами резкого падения цен на все эти основные виды сельскохозяйственного экспорта. Положение это было отягощено еще тем обстоятельством, что крушение мировых цен на сельскохозяйственные продукты шло одновременно с вытеснением Испании с мирового рынка экономически более мощными странами.

Падение сельскохозяйственного экспорта, особенно в его денежном выражении, еще более обостряло нищету и разорение основных крестьянских масс Испании, стонущих под невероятно тяжелым экономическим и политическим гнетом помещиков.

В испанской деревне сохранились самые дикие формы полуфеодальной зависимости и полуфеодальных арендных отношений. Даже в деревне наиболее передовой и развитой Каталонии господствует кабальная форма аренды, так называемая рабасса-морта (мертвая лоза), при которой арендатор-виноградарь обязывается выплачивать помещику 60—70% урожая, пока не отомрут лозы. В Андалузии, Галисии, Наварре многообразные формы аренды (сенсо) предоставляют помещикам чисто сеньоральные права над личной свободой крестьянина: зачастую крестьянин не имеет права без разрешения помещика покидать свое хозяйство (форо и эстаблисимьенто).

Тяжелое положение испанского крестьянина наглядно видно даже из официальной статистики не занятого в сельскохозяйственном производстве деревенского населения. По вычислениям «Wirtschaftliche Archiv», оно составляло в 1933 г. к общему населению:

в провинции	Авила	49%
»	» Хаен	56%
»	» Эльбасете	49%
»	» Саламанка	44%

Эта картина с некоторыми изменениями характерна и для всей испанской деревни. Невероятный экономический гнет и нищета сопровождаются политическим всецельем помещика. Типичная для Испании система так называемых касиков, практически осуществляющих полное всевластие в провинциях, означает безграничный произвол крупных помещиков и политическое бесправие крестьянских масс.

Политический и экономический гнет помещиков и католической церкви привел к невероятному невежеству и неграмотности испанской деревни. Даже по официальной статистике, в Испании насчитывается 53% полностью неграмотных, не считая малограмотных. Школу посещает только одна треть детей школьного возраста, причем до самого последнего времени монополией народного образования обладала в Испании католическая церковь, которая вместе с помещиками беспощадно угнетала и эксплуатировала народные массы. Католическая церковь в Испании обладает примерно одной третью земельной площади и одной третью национального дохода. Религиозных учреждений, монастырей, церквей, часовен в Испании насчитывается 71 тыс., попов, монахов и лиц духовного звания — около 200 тыс. чел. Количество учителей — в пять раз меньше. Католическая церковь, это основное идеологическое орудие феодалов по закреплению народных масс, является вместе с тем крупным феодалом и капиталистом. Наряду с огромными земельными владениями она непосредственно участвовала в капиталистическом грабеже трудящихся масс Испании. Капиталы ее были вложены в крупнейшие предприятия, как например Северные железные дороги и металлургия в провинции басков. Католическая церковь непосредственно владела рядом крупнейших банков, как например Мадридский банк Уркихо, принадлежавший Ордену иезуитов. Этот банк, обладая капиталом в 126 млн. золотых пезет, контролировал еще 4 провинциальных банка с капиталом в 85 млн. пезет.

Нищета масс, засилие церкви и помещиков, разорение деревни вызывают в Испании огромный поток эмиграции, главным образом в страны Латинской Америки. Эта эмиграция, правда, значительно упала за последние годы, что объясняется безработицей и экономическим кризисом в странах Латинской Америки. Сокращение потока эмигрантов еще более обостряет безработицу в самой Испании. Развитие капитализма ускорило процесс дифференциации в деревне, выделения сельскохозяйственных батраков, с одной стороны, и кулацкой эксплуататорской верхушки — с другой.

Таково положение испанского сельского хозяйства и испанских крестьянских масс. Именно поэтому основным экономическим содержанием развертывающейся в Испании буржуазно-демократической революции являются прежде всего конфискация помещичьей земли, наделение ею крестьян и батраков, ликвидация полуфеодалных форм зависимости широких трудящихся масс, ликвидация политической власти дворянства и феодальной знати.

★

Уровень развития испанской промышленности сравнительно низкий, хотя темп ее роста был довольно высок за последнее время, особенно в военный и послевоенный период. Объем промышленной продукции Испании за последние годы примерно в полтора раза превышал объем промышленной продукции 1913 г. Поворотным пунктом явилась мировая война. Испания, не участвуя ни в одной из борющихся коалиций, имела возможность накопить некоторые ресурсы и развить целый ряд отраслей промышленности, используя временное отсутствие крупных конкурентов и накопления от торговли с обеими воюющими группами.

Горнорудная промышленность Испании опирается на огромные природные богатства: железная руда, уголь, цветные металлы — медь,

свинец, серебро, ртуть, вольфрам. Все эти богатства или же вообще не разрабатываются или хищнически эксплуатируются в немногих районах иностранным капиталом. Следующие цифры показывают объем горнорудной промышленности Испании (в тыс. т):

	1929 г.	1932 г.
Уголь	7 100	6 800
Железная руда	6 500	1 760
Выплавка чугуна	753	301
Выплавка стали	1 003	582
Продукция свинца	142	105
Медь	28 500	15 000
Цинк	11 000	9 500

По железной руде, по выплавке чугуна, стали и меди — резкое падение. Ряд отраслей горной промышленности, так или иначе связанных с военной промышленностью, показывал за эти же годы некоторый рост. Так например добыча серы, которая составляла в 1929 г. 24,9 тыс. т, достигла в 1933 г. 38 тыс. т; калий в 1929 г. — 24 тыс. т, в 1934 г. — 140 тыс. т. То же можно сказать о производстве ртути — здесь Испания занимает первое место в мире; хотя добыча ртути за последние годы падала, но количество экспортируемой ртути сильно возросло. Рост этот шел за счет значительных запасов, накопленных в предыдущие годы.

Общий индекс промышленной продукции Испании достиг своей наиболее низкой точки в 1933 г. 1934—1935 гг. дали некоторое улучшение конъюнктуры, не достигнув однако уровня 1929 г.

Индекс физического объема промышленной продукции ¹

(Уровень 1929 г. взят за 100)

1930 г.	93,6	1933 г.	84,4
1931 г.	93,2	1934 г.	85,5
1932 г.	88,4	1935 г.	86,9

Из обрабатывающей промышленности Испании главное место по объему занимает текстильная, в которой занято около 150 тыс. рабочих. Центр текстильного производства — Каталония. Последние годы были годами тяжелого кризиса в текстильной промышленности, работающей в основном на внутренний рынок. Текстильная промышленность значительно недогружена, здесь огромное количество безработных. Далее идут консервная промышленность, промышленность по обработке экспортных видов сельскохозяйственного сырья и добыча древесины.

Характерной особенностью испанской промышленности является, во-первых, значительное развитие горнорудной промышленности, продукция которой (кроме угля) по преимуществу экспортируется, во-вторых, первенствующая роль текстиля в обрабатывающей промышленности и, в-третьих, преобладание мелких, средних и кустарных предприятий, что является показателем недостаточно развитых капиталистических отношений в стране. Так, в крупной металлургии, по официальным данным, хотя далеко и не полным, но все же дающим более или менее правильное соотношение, было занято в 1934 г. 17 тыс. рабочих, в то время как в мелкой и средней металлургии занятых рабочих насчитывалось 110 тыс. чел.

¹ «Статистический бюллетень Лиги наций», 1936 г.

На фоне этой общей отсталости испанской промышленности в стране насчитывается ряд передовых мощных предприятий, которые концентрируют крупные массы испанского пролетариата. Это играет огромную роль в структуре испанского пролетариата. Сюда относятся крупнейшие металлургические заводы Бискайи (Альтос, Арнос, де-Бискайя), крупные заводы машиностроения и моторостроения в Каталонии, в Валенсии, крупные и технически высоко оснащенные военные предприятия, главным образом судостроительные верфи (Картахена и Фероль).

Отсталой отраслью народного хозяйства являются в Испании и железные дороги. Железнодорожная сеть крайне неразвита: на 100 кв. км приходится 3,2 км железных дорог, в то время как во Франции — 11 км, в Швейцарии 14,2, в Бельгии — 33,6. Железнодорожная сеть в основном однопутная и раздроблена между 77 частными компаниями. Лишь 670 км принадлежат собственно государству. Отсталость испанского железнодорожного транспорта сильно тормозит развитие товарооборота внутри страны и обуславливает экономическую изолированность отдельных провинций. Вместе с тем в Испании имеется ряд передовых электрифицированных железных дорог.

В наиболее мощных и доходных предприятиях промышленности и транспорта господствует иностранный капитал, главным образом английский, французский, швейцарский и бельгийский, а за последнее время в значительной степени и германский. Крупнейшие медные рудники Рио-Тинто принадлежат иностранной компании, в которой преобладает французский капитал — группа Ротшильда, в железнодорожных предприятиях преобладает французский и английский капитал, в тяжелой металлургии — английский и французский, крупнейшие кораблестроительные верфи Картахена и Фероль являются по сути дочерними предприятиями английской компании Армстронг.

Чрезвычайно сильно проникновение иностранного капитала через банки. Иностранные банки играют в Испании крупнейшую роль и имеют довольно разветвленную сеть по всей стране. По данным Лиги наций, иностранная задолженность Испании представляется в следующем виде:

Обязательства Испании за границе	Млн. зол. пезет
Государственных и муниципальных займов . . .	50,0
Частных займов	450,0
Недвижимостей	12,8
Непосредственных вложений в испанские предприятия	688,8
По краткосрочной задолженности банков	123,0
По краткосрочной задолженности других предприятий	311,0
<hr/>	<hr/>
Всего обязательств за границе	1 635,6

Особенностью испанской промышленности является также и то, что она сконцентрирована, главным образом, на национальных окраинах — в Каталонии и Баскских провинциях. В Каталонии сконцентрированы преимущественно текстильная и металлообрабатывающая промышленность, в Баскских же провинциях и рядом лежащей Астурии — уголь, железо, черная металлургия.

Все эти характерные особенности испанского промышленного развития при наличии феодальных пережитков в стране определили относительную слабость испанской буржуазии. Слабость эта обуславливается недостаточным развитием капиталистических отношений, политической и экономической зависимостью испанской буржуазии

от феодалов и наконец огромным влиянием иностранного капитала в решающих отраслях хозяйства.

Основные черты испанского народного хозяйства полностью отражены в структуре государственного бюджета прошлых испанских правительств. По бюджету 1935 г., составленному реакционным правительством Хиль Роблеса, 55% всех доходов государства поступают от косвенных налогов и государственных монополий, ложащихся наиболее тяжелым бременем на трудящиеся массы. Все расходы по министерству труда достигали лишь ничтожной цифры в 83 млн. пезет, в то время как на платежи по государственному долгу шли огромные суммы: 1030 млн. пезет, т. е. больше 20% всех расходов. На армию и флот по бюджету было ассигновано 1092 млн. пезет. На народное образование тратилось всего 344 млн., т. е. 7% расходов, которые в большей своей части шли не по своему прямому назначению, а на церковь и различные фашистские организации. Расходы на транспорт, т. е. по сути дела выплата процентов иностранному капиталу, вложенному в испанские железные дороги на основании кабальных договоров с гарантией прибылей, обошлись народной казне в 164 млн. пезет. Таким образом на военные расходы, полицию, чиновничий аппарат, пенсии, шедшие главным образом реакционному офицерству, платежи по госдолгу, т. е. по той части бюджета, которая целиком и полностью шла в карманы господствующих классов и иностранных капиталистов, тратилось 70% испанского бюджета.

В структуре испанской внешней торговли также сказывается отсталость страны. В основном Испания вывозит сельскохозяйственные продукты и сырье и ввозит готовые изделия. Это — классическая структура внешней торговли слабо развитой аграрной страны. Все последние годы были годами значительного падения экспорта и импорта, причем экспорт наиболее катастрофически падал в денежном выражении. Две трети испанского экспорта составляют продукты питания — свежие и консервированные фрукты, оливки, оливковое масло, вина. Обездоленное испанское крестьянство, производящее огромное количество оливок и апельсинов, само лишено возможности потреблять эти продукты и вынуждено, чтобы кое-как просуществовать, продавать их. Почти полностью они идут на экспорт.

Баланс внешней торговли складывается неблагоприятно для Испании.

Экспорт основных товаров из Испании ¹

	1929 г.		1935 г.	
	Млн. зол. пезет	Тыс. тонн	Млн. зол. пезет	Тыс. тонн
Минералы	146,2	8 482,9	39,2	3 949,3
Пробковая кора	126,5	44,4	18,5	15,5
Свинец	84,4	99,6	10,8	43,3
Медь	32,3	23,0	1,4	4,9
Ртуть	9,6	0,9	11,1	2,3
Текстиль	78,2	7,8	20,9	8,4
Фрукты сухие	184,9	103,5	66,4	79,6
Фрукты свежие	302,2	906,1	122,8	987,3
Алкогольные напитки	142,8	1,7	54,5	0,9
Вино	200,7	334,8	13,8	83,9
Консервы	137,7	85,8	40,5	84,2
Оливковое масло	142,8	51,4	54,5	62,2

¹ «Ежегодник испанской внешней торговли» за 1935 г.

Импорт основных товаров в Испанию ¹

	1929 г.		1935 г.	
	Млн. зол. пезет	Тыс. тонн	Млн. зол. пезет	Тыс. тонн
Каменный уголь	86,4	2 084,4	24,0	1 170,8
Газолин, нефть	138,1	460,7	41,6	811,2
Лес	145,6	926,4	30,0	402,3
Машины, аппараты и транспорт	487,2	164,8	161,9	66,4
В том числе:				
Машины	188,7	73,8	50,7	22,2
Автомобили	159,5	37,6	59,6	26,5
Прол. химич.	143,1	519,9	65,1	656,7
Хлопок	146,6	78,8	93,0	101,4
Шелк в пряже	72,3	3,4	15,4	4,4
Зерно и мука	168,0	633,9	3,6	52,7
Икра свежая	97,1	30,2	32,1	33,4

Баланс внешней торговли в последние годы был следующий ²

Годы	Импорт		Экспорт		Баланс	
	в млн. тонн	в млн. зол. пезет	в млн. тонн	в млн. зол. пезет	в млн. тонн	в млн. зол. пезет
1929	7,1	2 736,7	11,5	2 108,0	+ 4,4	— 628,7
1930	5,9	2 447,3	10,0	2 299,7	+ 4,1	— 147,6
1931	4,8	1 175,5	6,7	961,0	+ 1,9	— 214,5
1932	5,1	975,4	5,8	738,4	+ 0,7	— 237,0
1933	4,1	835,5	6,2	668,6	+ 2,1	— 166,9
1934	4,9	854,8	6,6	611,0	+ 1,7	— 243,8
1935	5,0	878,3	6,4	583,4	+ 1,4	— 234,9

Как видим, характерной чертой испанской внешней торговли, выраженной в золотых пезетах, является непрерывающийся из года в год пассивный баланс.

★

Основной тормоз в развитии производительных сил Испании — господство феодальных пережитков в деревне, политическая власть дворянства, обкрадывавшего казну, гегемония кастильских помещиков, опиравшихся в первую очередь на реакционное католическое духовенство и на дворянское кастовое офицерство, с помощью которых они душили национальную независимость некастильских народностей (каталонцев, басков, галисийцев, валенсийцев). Политическая власть дворянской монархии, пережитки феодализма, национальное угнетение промышленно развитых окраин Каталонии и Баскании в угоду паразитическому кастильскому дворянству подрывали производительные силы страны, сужали до минимума внутренний рынок для развития испанской промышленности, облегчали иностранным капиталистам возможность хищнически опустошать и грабить испанские природные богатства.

¹ «Ежегодник испанской внешней торговли» за 1935 г.

² Там же.

Двигаться вперед Испания может, только разрешив задачи буржуазно-демократической революции. «Испанский народ,— говорит товарищ Эрколи,— решает задачи буржуазно-демократической революции. Реакционные касты, власть которых хотят восстановить фашистские мятежники, управляли и распоряжались страной таким образом, что она стала самой отсталой и самой бедной страной Европы. Все, что есть здорового, творческого, живого во всех слоях испанского народа, испытывало и испытывает удушающий гнет прошлого, бесповоротно обреченного на исчезновение. Все, что есть в Испании творческого, жизнеспособного, ждет от разрешения задач буржуазно-демократической революции коренного улучшения своего положения».

Подавляющее большинство испанского народа экономически и политически кровно заинтересовано в победе правительства народного фронта и в разгроме мятежных генералов, которые стремятся восстановить старые феодальные привилегии дворянства и власть католической церкви и открыто выступают как агентура иностранной интервенции. Победа мятежников грозит испанским народным массам неисчислимыми страданиями, она угрожает и целостности, независимости Испании как государства. Борьба испанского народа является национальной борьбой в самом глубоком смысле, потому что она несет национальное освобождение ранее угнетенных в пределах Испании народностей Каталонии, Галиссии, Валенсии, Баскании.

Все это дает испанской революции возможность опираться на самый широкий социальный базис, на подавляющее большинство всего испанского народа. «Это борьба многомиллионного народа за хлеб и свободу, за землю и труд, за независимость своей родины. Это борьба демократии с черными силами реакции и фашизма. Это борьба республики против нарушителей порядка и мирного труда рабочих и крестьян. Это борьба против поджигателей войны, за мир» («Коммунистический Интернационал» № 15, 1936 г.).

Если силы испанского правительства народного фронта, если силы испанской революции опираются на огромное, подавляющее большинство всего испанского народа, то внутренние силы испанского фашизма ничтожны. В своей борьбе против испанского народа он использует главным образом отряды «испанской фаланги», составленные из дворянских сынков, обманутых марроканцев и африканского иностранного легиона. Самым отвратительным отрядом испанского фашизма является ничтожная группа предателей-троцкистов, которые в тылу революции безуспешно пытаются рядом провокаций и заговоров против народа внести раскол в ряды народного фронта и облегчить задачу иностранных интервентов. Испанский фашизм был бы давно уже разгромлен испанским народом, если бы ему во все более наглой форме не помогали открыто фашистские страны при явном попустительстве стран старой европейской демократии. Главным резервом испанской контрреволюции является таким образом иностранная агрессия, наиболее агрессивные фашистские страны — Германия и Италия.

Приведем интересные наблюдения одного американского журналиста Эдмонда Тейлора, корреспондента «Чикаго Трибюн». Вот как он описывает белый террор в Испании: «Расстреливают не только военно-пленных с фронта; каждый день в Бургосе и во всех других городах, занятых белыми, расстреливают всех тех, кто раньше принадлежал к левым партиям. Франко не может победить без террора, так же как он не может победить без немецкой и итальянской военной

помощи и их авиаторов, без мавров и иностранного легиона. Народные массы против Франко. Франко является только генералом в действующей армии на службе Гитлера и Муссолини». Это свидетельское показание американского журналиста тем более интересно, что он сам себя называет сочувствующим фашизму.

Борьба в Испании не есть изолированная борьба — она теснейшими узами связана со всем мировым положением. Ход испанских событий наглядно показал непосредственную подготовку империалистической войны фашистскими странами, странами, возглавляющими самую черную реакцию и самые жуткие формы закабаления и грабежа народных масс. С другой стороны, в свете испанских событий особенно выпукло и ярко выявилось, что действительным оплотом борьбы за мир во всем мире является СССР. Великий советский освобожденный народ под руководством вождя народов товарища Сталина добился величайших побед социализма, на основе которых сумел показать всему миру замечательный расцвет подлинной, социалистической демократии, нерушимо записанной в великой хартии трудового народа — в сталинской Конституции СССР.

«Теперь, когда мутная волна фашизма,— сказал товарищ Сталин в своем историческом докладе на VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде советов,— оплевывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира, новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы. Новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства».

Сталинская Конституция, являясь величайшим революционным документом, придаст новые силы героическим борцам народного фронта Испании, она укрепит фронт сторонников мира и демократии во всем мире и поможет миллионам людей понять, что действительный мир, действительные свободы, действительный прогресс возможны только на пути решительной борьбы с фашизмом, возможны только на пути революционной борьбы.

Военные успехи мятежников в первый период вооруженной борьбы зависели от их огромного технического перевеса в вооружении, поставляемом фашистскими странами, перевеса в количестве военных кадров, которые в своем большинстве оказались на стороне мятежников. Кроме того, вооруженное сопротивление сил народного фронта встречало на своем пути много трудностей, связанных с почти полным отсутствием у широких народных масс Испании опыта современного боя, с трудностями организации регулярной революционной народной армии, наконец с недостатком технических средств борьбы вследствие насквозь лицемерной и гнилой политики «невмешательства», которая на деле привела к блокаде испанского законного правительства наряду с активной помощью, оказываемой мятежникам фашистскими странами.

Четыре месяца борьбы показали, что соотношение сил изменяется в пользу правительства народного фронта. Это наглядно показала замечательная по организованности и по героизму защита Мадрида. Генерал Франко не раз возвещал миру о взятии Мадрида, об этом трубили все фашистские газеты мира. Даже «нейтральный» парижский «Тан» писал, что «в двери Мадрида раздаются последние удары молота, скоро они откроются». Но ворота героического города оказались крепко запертыми для фашистских изменников. Оборона Мад-

рида показала выросшие военные силы испанской революции, она показала, что силы мятежников выдыхаются. На отдельных участках военная инициатива все более переходит на сторону правительственных войск. Революционная народная армия окрепла в боях, успешно овладевает новейшей военной техникой, выдвинула много новых, талантливейших командиров.

Укрепление армии шло вместе с политическим сплочением всех сил революции, что нашло свое выражение в том, что анархисты вошли в правительство Ларго Кабальеро. Выросла и закалилась в боях героическая испанская компартия — организатор антифашистской борьбы испанского народа. Наконец, испанское правительство сумело наладить массовое производство военного снаряжения и значительно технически укрепить народную армию авиацией и танками.

Чрезвычайно интересным является вопрос об экономических ресурсах, которыми располагает каждая из борющихся сторон.

Простое сопоставление цифр населения, заводов и посевов, без учета тех социальных сил, на которые опираются правительство народного фронта и мятежники, может привести к совершенно неправильным выводам. По общей площади территория, занятая к концу ноября мятежниками, несколько превышает территорию, на которую простирается власть законного испанского правительства, но в руках правительства остались наиболее населенная восточная часть страны и средиземноморское побережье. По количеству населения территория, занятая правительством, превосходит поэтому территорию, занимаемую мятежниками.

При сопоставлении экономических ресурсов этих двух территорий бросается в глаза, что площадь, занятая мятежниками, за исключением южно-горного района, почти полностью лишена индустриальных центров. Основные центры промышленности — Каталония с ее крупной текстильной и металлообрабатывающей промышленностью, Валенсия с крупнейшим заводом в Сагунто и, наконец, база испанской тяжелой металлургии — провинции Бискайя и Гипускоа — целиком находятся в руках правительства. Это распределение, конечно, не является случайным: оно наглядно показывает, что пролетариат явился основной и решающей руководящей силой, которая организовала народную борьбу против мятежных генералов. Там, где имелись значительные пролетарские силы, удалось в основном ликвидировать мятеж в самом начале. Это имеет огромное политическое, экономическое и чисто военное значение. Обладая сравнительно мощной промышленной базой (машиностроение, самолетостроение, металлургия, автостроение), опираясь на технически передовые верфи в Картахене, испанское правительство имеет возможность быстро наладить производство военного снаряжения, необходимого для ведения войны. В распоряжении мятежников, кроме горных южных районов, где почти совершенно прекращено производство, нет, за небольшими исключениями, крупных заводов (морские верфи в Фероле и военный завод в Толедо).

Необходимо при этом учесть, что если заводы, находящиеся в руках правительства, в основном не испытали на себе непосредственно военных действий, то заводы, находящиеся в распоряжении мятежников, перешли к ним лишь после ожесточенной борьбы рабочих и сильно разрушены, не говоря уже о том, что наиболее сознательные и квалифицированные рабочие ушли с войсками народного фронта.

Что касается сельскохозяйственных ресурсов, то можно считать,

что они примерно одинаковы и у правительства, и у мятежников. На территории, которую мятежники занимали к концу ноября, посеваемая площадь была больше, но территория, занятая правительством, представляет собой наиболее богатые и плодородные провинции. Кроме того, развивающееся партизанское крестьянское движение, поддерживающее войска народного фронта, особенно в Андалузии и Галиссии, все больше подрывает сельскохозяйственное снабжение мятежных армий.

Основные финансовые ресурсы и главным образом значительный золотой запас целиком в руках законного правительства. Несмотря на активную поддержку фашистских стран, мятежники испытывают значительные финансовые затруднения и принуждены распродавать все, включая куски национальной территории. Отдельные иностранные корреспонденты сообщают, что мятежные генералы иногда расплачиваются заведомо фальшивыми бумажками, например аннулированными германскими марками.

Общий вывод: силы народного фронта безусловно располагают достаточными экономическими, производственными и финансовыми ресурсами для продолжения борьбы, в то время как мятежники целиком зависят от финансовой и военной помощи иностранных интервентов, распродавая им интересы и независимость страны.

Опираясь на героический подъем всего народа, на международную солидарность всего передового и прогрессивного человечества, располагая значительными внутренними экономическими ресурсами, испанская революция разобьет мятежных генералов и стоящих за их спиной иностранных интервентов.

Социально-экономические воззрения Шторха

Шторх — видный русский экономист начала XIX в. Его влияние было далеко не пропорционально его удельному весу в политической экономии той эпохи. Шторх стоял в стороне от широкого общественного движения. Он не был связан с университетским преподаванием и не имел, таким образом, возможности непосредственно влиять на учащуюся молодежь. Его солидные многотомные произведения, предназначенные для специалистов, были написаны на французском и немецком языках. Неудивительно, что за границей в академических кругах Шторха знали значительно больше, чем в России. И тем не менее при всей незначительности удельного веса Шторха как общественного деятеля он представляется для нас интерес как один из наиболее ярких представителей взглядов, господствовавших среди либеральной части дворянства России начала XIX в.

Биография Шторха не изобилует яркими драматическими моментами. После окончания Йенского университета в 1788 г. он стал профессором истории и литературы в первом кадетском корпусе (лекции читались им на французском языке). В 1789 г. он отказался от профессорской деятельности и перешел на должность начальника департамента иностранных дел. Одновременно начал издавать ряд крупных работ по экономике России. С 1799 г. в течение 20 лет (по 1819 г.) Шторх руководил воспитанием многочисленных дочерей Павла I и великих князей Николая и Михаила Павловичей. Основной труд Шторха «Курс политической экономии» вырос из тех лекций, которые он первоначально читал Марии Федоровне в 1809 г., а затем в 1813—1815 гг. — великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. И после окончания этой воспитательной работы Шторх сохранил свои близкие связи с русским двором. По поручению Александра I и Николая I он принимал участие в разных правительственных комитетах. В последние годы своей жизни (Шторх умер 1 ноября 1835 г.) он выполнял обязанности вице-президента Академии наук.

Его современники рисуют нам тайного советника Шторха в качестве остроумного и ловкого царедворца, который умел поддерживать хорошие отношения с представителями самых различных политических взглядов¹. Шторх, бывший, по общему отзыву знавших его лично современников, чрезвычайно приятным собеседником, умел прекрасно ладить с самыми консервативными элементами клики, окружавшей

¹ В этом отношении любопытен отзыв Н. М. Карамзина, который, в отличие от Шторха, весьма сочувственно относился к крепостному праву. В своем письме к жене от 2 марта 1816 г. Карамзин пишет: «Вчера перед обедом провел я два часа с любезным Шторхом в рассуждениях об освобождении крестьян. Он был очень любезен, слушал с большим вниманием мои доказательства, возражая только слегка, и в заключение сказал с благородной откровенностью: это для меня новости и очень важные, сознаюсь, что мог заблуждаться. Ему, как и мне, около 50 лет; он умер и приятен» (М. Погодин, Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. II, М. 1866 г., стр. 147—148).

русский трон в его эпоху. По своим экономическим взглядам Шторх стоял весьма близко к правому крылу декабристов (например, к Н. Тургеневу). Но как глубоко отлична судьба Шторха от судьбы декабристов. С воцарением его воспитанника Николая I положение Шторха при дворе еще больше упрочилось. Выступая в теории против крепостного права, Шторх прекрасно себя чувствовал на верхах крепостнического государства. Это не был тип самоотверженного борца, готового на всякие лишения для защиты своих взглядов. Это скорее был весьма ловкий ученый, который сравнительно мало был обеспокоен по поводу противоречий между его теорией и практикой.

Уже эта беглая характеристика Шторха дает возможность легко очертить его политическую физиономию. Либерализм Шторха глубоко отличается от либерализма значительного числа его дворянских современников. У последних экономический либерализм неизбежно сочетается с политическим либерализмом. Мечтой их является дворянская конституция, ограничение верховной власти русского самодержавия. Отсюда — оппозиционность этой части дворянства. Шторх же не был способен принять участие в противоправительственном заговоре. Он был лояльнейшим монархистом. Его либерализм был узко и односторонне экономическим либерализмом. Шторх никогда не заигрывал с оппозиционными элементами.

Шторх весьма резко критикует правительства, вмешивающиеся в хозяйственную жизнь, нарушающие самостоятельность предприятий, произвольно распоряжающиеся частным имуществом. «Существуют государства, — пишет он, — где нет рабства, но где само правительство вместо того, чтобы обеспечить частную собственность, становится абсолютным хозяином и располагает индивидуальным имуществом по своему капризу. В этих несчастных странах все граждане сведены к положению рабов, хотя они и не носят этого имени... Из всех ударов, наносимых безопасности, те, которые происходят от угнетающего, нетерпимого или суеверного правительства, имеют самое разрушительное последствие для национального богатства»¹. Шторх не жалеет красок для того, чтобы нарисовать «пагубные» результаты государственного вмешательства в экономическую жизнь. Он квалифицирует это вмешательство как проявление экономического деспотизма. Но в то же время он весьма равнодушно относится к политическому деспотизму.

Показав роль абсолютной монархии в борьбе с феодалами, подчеркнув поддержку монархами городов и тенденций к устранению крепостного права (Шторх исходит из истории Западной Европы), автор ставит вопрос: не будет ли абсолютная монархия угрожать безопасностью (под последней он понимает буржуазный правопорядок)? На этот вопрос Шторх отвечает отрицательно. Он выдвигает положение, что рост богатства создает неустранимый оплот против деспотизма. «Самые трудоспособные (*industrieuses*), самые просвещенные и наименее испорченные нации суть также наиболее свободные нации... По мере роста благосостояния нации произвольная власть исчезает нечувствительно»².

Вопрос о политической форме государства Шторх не считал существенным. Основное, по его мнению, в том, чтобы государство не мешало свободному развитию капитализма, чтобы оно проводило либеральную экономическую политику. В частности вопрос о смене монархической формы правления республиканской, по Шторху, не

¹ «Cours d'économie politique», St. Petersburg, 1815, стр. 351—352.

² Там же, стр. 208—209.

имеет практического значения для России. Он утверждал, что республиканская форма правления может быть осуществлена-де лишь в очень маленьких государствах, где здобавок господствуют весьма простые нравы¹.

Шторх не пылал особыми симпатиями к буржуазной демократии. Он ничего почти не пишет о необходимости демократизации государственного строя. Иногда с его пера срываются фразы, говорящие о том, что сохранение политических привилегий наследственной аристократии (по типу английской) ему значительно больше улыбалось, чем развитие буржуазной демократии. Прочитируем одно место, в котором весьма отчетливо проскальзывает его политические симпатии: «Наследственная аристократия кажется многим людям порочным институтом, узурпацией прерогатив, из которой вытекает гибельный упадок духа. Но этот институт представляется политическому наблюдателю совсем в другом свете. Те, кто рассматривает стабильность правительства, как самое крупное благо, кто утрачен бурями, столь частыми при республиканских конституциях, кто больше боится безумия, не знающего узды, нежели эгоизма, легко обуздываемого, будет считать полезным для крупного государства сословие граждан, естественно заинтересованных благодаря своим прерогативам в поддержании общественного спокойствия... С этой точки зрения институт наследственной аристократии есть вид опиума, который успокаивает или усыпляет лихорадочное беспокойство или зазисть, возбуждаемую у людей, когда они рассматривают всех как равных»².

Шторх родился в Риге в 1766 г., образование получил в Германии, первые свои работы писал на немецком языке. Он был немцем, акклиматизировавшимся в России. Это обстоятельство пытался использовать Рошер, рассматривающий Шторха в качестве представителя так называемой немецко-русской школы (*deutsch-russische Schule*)³.

Немецкое происхождение оказало влияние на формирование взглядов Шторха. Но это влияние нужно искать в совсем ином направлении, чем его ищет Рошер. Шторх был выходцем страны (или области), в которой третье сословие играло несравненно большую роль, чем в России. Классовые симпатии его лежали прежде всего на стороне промышленного капитала. В этом отношении Шторх значительно отличается от дворянских экономистов (к которым в частности относится значительное большинство декабристов). Если либеральных дворянских экономистов той эпохи (например, Н. Тургенева) можно было бы охарактеризовать как дворян, ставших на точку зрения буржуа (или обуржуазившихся дворян), то по отношению к Шторху применима другая формула. Он выступает в качестве представителя буржуа, попавшего в страну, где дворянство монополично обладало политической властью, и ставшего под влиянием окружающей среды на точку зрения дворянства.

У Шторха в ряде мест можно встретить восхваление промышленной и с.-х. буржуазии, обозначаемой термином «третье сословие». Он подчеркивает, что больше всего участвуют в увеличении национального богатства представители третьего сословия или промышленные предприниматели⁴. «Это,— добавляет он,— наблюдение, подкрепленное

¹ «Cours d'économie politique», т. VI, стр. 303—305.

² Там же, т. V, стр. 313—315.

³ См. статью Рошера «Die deutsch-russische Schule» в сборнике «Berichte der K. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft zu Leipzig, т. XXII, 1870. В последнее время эта версия подкрепляется Шпанном. См. «Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre», 1 23, стр. 120.

⁴ Cours d'économie politique, т. I, стр. 321—322.

опытом всех веков, что науки не могут ни совершенствоваться, ни распространяться там, где отсутствует третье сословие»¹. И в подтверждение своего тезиса Шторх приводит большую цитату из Сэя, в которой тот поет дифирамбы среднему сословию (т. е. буржуазии). Иногда у Шторха совершенно неожиданно прорывается недоверие к крупному землевладению. Приведя данные о состоянии русских мануфактур за период 1803—1812 гг., Шторх попутно делает следующее замечание: большая часть мануфактур создана деревенскими предпринимателями (имеются в виду выходцы из крестьянства) или дворянами, не владеющими землей. «Эти фабрики являются самыми многочисленными и самыми важными; доказательство того, что мануфактуры меньше успевают, когда они созданы крупными землевладельцами»².

Очень показательны для характеристики классовых симпатий Шторха его высказывания по вопросу о желательных формах ведения сельского хозяйства. Экономисты дворянского лагеря выдвигали на передний план крупные помещичьи экономии, в которых производство ведется на капиталистических началах при помощи наемного труда. О системе фермерства эти экономисты обычно умалчивали, не придавая ей сколько-нибудь серьезного значения. Также очень мало внимания уделяется ими вопросу о других формах крупного землевладения недворянского типа, т. е. о буржуазном землевладении. Шторх в этом отношении значительно отличается от экономистов дворянского лагеря.

Он в очень радужных красках рисует положение английских фермеров и их рабочих³. Любопытно отметить, что он дает прямую апологику процесса огораживания земель как меры, очень благотворно влияющей на развитие сельского хозяйства⁴. Для того, чтобы система фермерства оказала благоприятное воздействие на земледелие, необходимо, по мнению Шторха, установление долгосрочных аренд.

Показав, что фермерская система является наиболее выгодной из всех существующих систем ведения сельского хозяйства⁵, Шторх добавляет, что есть еще более выгодная система, когда мелкие землевладельцы являются собственниками своих участков и когда они сами вкладывают собственные капиталы в эти участки. Это утверждение Шторха может вызвать мысль, что он является сторонником крестьянского землевладения. Такое толкование при ближайшем рассмотрении следует отбросить. Дело в том, что Шторх вкладывает весьма своеобразное содержание в понятие мелкого хозяйства, мелкого собственника. У него мелкие собственники противопоставляются не вообще помещикам, а земельной аристократии, самым крупным землевладельцам. Мелкие собственники понимаются Шторхом как собственники, которые одновременно являются капиталистами, которые имеют возможность осуществлять в земледелии капиталистическую культуру. «Купцы, фабриканты, одним словом, промышленные предприниматели в общем очень хотят (*sont en général jaloux*) стать собственниками имений, и когда они становятся таковыми, то это — обычно те, которые больше всего занимаются улучшением своих угодий. Они вносят в это занятие все, что необходимо для успеха: капиталы, дух промышленности и экономии, способности, соответствующие их со-

¹ Там же, т. V, стр. 278—279.

² Там же, т. VI, стр. 279.

³ Там же, стр. 21—22.

⁴ Там же, стр. 18.

⁵ Там же, т. IV, стр. 330.

стоянию»¹. Как видим, мелкие собственники, по терминологии Шторха, весьма далеко отстоят от подлинных крестьян. Особенно любопытно замечание Шторха, что «подобные собственники редко встречаются среди дворянского класса; их можно найти только среди промышленных производителей»². Под промышленными производителями наш автор понимает промышленных капиталистов. Иными словами, по мнению Шторха, наиболее желателен переход земли в руки капиталистов. При отсутствии этой возможности Шторх ратует за долгосрочную сдачу земли фермерам. Как видим, он мало доверяет хозяйственным способностям дворянства, возлагая основную надежду на капиталистов, привлекаемых в сельское хозяйство.

При всей своей близости к дворянству, при всех своих стараниях стать на точку зрения дворян Шторх никогда не мог слиться полностью с дворянскими экономистами.

Тут сказалось влияние культуры капиталистического Запада, на которой вырос Шторх и для которой в эту эпоху были весьма характерны антифеодальные, антидворянские настроения. Во всяком случае Шторх не разделял веру в идиллические взаимоотношения между дворянством и третьим сословием, которую весьма настойчиво проводили русские представители дворянского либерализма (например, Н. Тургенев).

Нужно отметить, что Шторх не сразу и не полностью перешел на позиции дворянства. Он переходил на эти позиции постепенно. Если проанализировать разные его работы, то легко можно будет наметить последовательную эволюцию его взглядов по наиболее актуальным вопросам той эпохи. Особенно отчетливо выступает эта эволюция в вопросе о взаимоотношении промышленности и сельского хозяйства.

В своей ранней работе, вышедшей в конце XVIII в., в «Historisch-statistisches Gemälde», Шторх выступает как экономист, требующий поощрения мануфактуры, как умеренный протекционист. Его аргументация в пользу индустриального развития во многом напоминает ту аргументацию, которую через несколько десятилетий развивали немецкие индустриалисты типа Листа.

Шторх выдвигает в этой работе ряд аргументов в пользу того, что Россия не должна оставаться чисто аграрной страной, что нужно развивать там не только добывающую, но и обрабатывающую промышленность³. Шторх подчеркивает прежде всего тот факт, что Россия не является монополистом в области получения растительного, животного и минерального сырья, что она может столкнуться с растущей конкуренцией в этой области других стран. Далее, Шторх выдвигает и такой аргумент, который весьма сильно выпячивает преимущества индустрии: мануфактурные рабочие, при прочих равных условиях, производят значительно больше ценностей, нежели сельскохозяйственные рабочие. Для иллюстрации своей мысли Шторх приводит следующий пример. Допустим, что Россия ввозит льняные товары на сумму 100 тыс. рублей. Предположим, что стоимость сырья составляет 50 тыс. рублей, а стоимость переработки — также 50 тыс. рублей. Производство этих тканей в Англии потребует работы при-

¹ «Cours d'économie politique», т. I, стр. 335.

² Там же.

³ «Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des 18 Jahrhunderts», ч. 3. 1797, стр. 359—372.

близительно около сотни рабочих в течение года. Между тем получение эквивалентного по стоимости растительного сырья в России потребует работы в течение года около 500 рабочих. В России в сельском хозяйстве требуется в пять раз больше затрачивать труда, чем в мануфактурах Англии для того, чтобы был возможен обмен между этими двумя странами. Кроме того, по мнению Шторха, нужно учитывать издержки по транспорту тканей, всякие торговые издержки и т. д.

Далее Шторх выдвигает аргумент, который пользовался особыми симпатиями у протекционистов всех мастей: он ссылается на преимущества мануфактурной страны во время войны. Страна с развитыми мануфактурами может вести длительную и дорогую войну без значительного вывоза денег для покупки иностранных товаров¹. Шторх ставит следующий вопрос: «Почему русская нация вечно должна находиться в зависимости от индустрии других народов? Почему она должна вечно только производить (имеется в виду сырье.—И. Б.) и предоставить другим народам выгоду переработки своих продуктов, которые она потом должна снова покупать по удешевленной цене?»².

Выступая в «Gemälde» сторонником индустриализаторских тенденций, Шторх там весьма сочувственно относится к протекционистской политике. Он в частности указывает, что ввозные пошлины редко бывают вредными³.

В своем курсе политической экономии, вышедшем в 1815 г., Шторх становится целиком и полностью на точку зрения фритредерства, отвечавшего в ту эпоху в основном интересам русского дворянства. Шторх выдвигает учение о трех стадиях исторического развития, для того чтобы дать новое обоснование необходимости развития России преимущественно по аграрному пути и проведения последовательной фритредерской политики.

Шторх различает три периода исторического развития — пастушеский, земледельческий и мануфактурный. Правда, он говорит еще и об охотничьем периоде, но последний по существу рассматривается как доисторический период. Собственно история, по его мнению, начинается с пастушеского периода.

Шторх исходит из того, что каждый народ обязательно должен пройти через эти три стадии. Нельзя прямо перескочить от охотничьего периода к земледельческому, минуя пастушеский. Почему пастушеский период является обязательной стадией? Шторх объясняет это тем, что все остальные отрасли сельского хозяйства, кроме скотоводства (не говоря уже о промышленности), требуют предварительного накопления капитала. Для того, чтобы обзавестись стадом, не требуется предварительных авансов в смысле необходимости затрат на средства существования (пока не получатся предметы питания) и на орудия производства. Именно у пастушеских народов, по мнению Шторха, возникают первые капиталы⁴. Когда капиталы, накопленные у пастушеских народов, достигнут известного уровня, становится возможным переход к следующему периоду — земледельческому.

Земледельческий период также рассматривается Шторхом как совершенно неизбежный этап в историческом развитии. «Подобно тому, как невозможно охотничьему народу перейти к земледельческой

¹ Там же, стр. 368—371.

² Там же, стр. 371.

³ Там же, стр. 407—408.

⁴ «Cours d'économie politique», т. IV, стр. 217.

жизни, не пройдя через жизнь пастухов, так же одинаково невозможно для сельскохозяйственного народа стать мануфактурным и коммерческим народом прежде, чем обеспечить земледелию все развитие, которое оно способно получить в этом периоде общества»¹.

Шторх показывает, что само развитие земледелия вызывает необходимость в развитии промышленности. Так например, земледелие нуждается в металле, во всевозможных орудиях и инструментах. Кроме того, земледелие производит продукты, которые нуждаются в некоторой переработке для того, чтобы иметь возможность поступить в сферу личного потребления. Возникающая в сельскохозяйственном периоде промышленность переселяется в города.

Однако Шторх полагает, что на этой стадии развития явно недостаточно капиталов, чтобы иметь возможность широко развивать промышленность. Переход к мануфактурной стадии возможен только тогда, когда накопятся достаточные капиталы. «Поскольку сельскохозяйственная страна имеет лишь столько капиталов, сколько нужно для того, чтобы привести в движение своих рабочих, своих самых необходимых ремесленников, своих розничников и торговцев, занимающихся внутренней торговлей, нужно, чтобы она подождала создания других предприятий, пока капиталы не будут умножены»². В промышленность, следовательно, должны идти те капиталы, которые не нужны земледелию.

Шторх выдвигает ряд аргументов в пользу того, что прежде всего нужно развивать земледелие и что лишь на основе развитого земледелия можно двигать вперед промышленность³. Во-первых, потребность в необходимых средствах существования должна удовлетворяться раньше, чем потребность в предметах комфорта и роскоши. Отсюда производство средств существования (в значительной мере земледелие) должно предшествовать промышленности, удовлетворяющей менее настоятельным потребностям. Во-вторых, продукты земледелия менее транспортальны, чем продукты промышленности (нужно учитывать, что Шторх под промышленностью в основном понимал мануфактуры). Поэтому для менее развитого народа выгоднее производить эти продукты у себя, нежели получать их извне с большими транспортными издержками. В-третьих, механические производства предполагают существование городов. Без сосуществования различного рода ремесел в одном городе мануфактура не может нормально функционировать. Но, по мнению Шторха, требуются столетия для того, чтобы возникло большое количество достаточно крупных городов. В-четвертых, земледелие всегда дает избыток продукции (по сравнению с издержками) даже при самом несовершенном состоянии. Между тем мануфактуры и торговля дают избыток лишь тогда, когда они достигают достаточно высокого уровня развития.

Исходя из своей новой концепции, Шторх горячо ратует за то, чтобы Россия максимально форсировала свой сельскохозяйственный экспорт в обмен на промышленные изделия Англии. Если эти изделия могут быть получены в Англии с меньшей затратой труда, чем в России, то нерационально пересаживать мануфактуры на русскую почву, а лучше постараться использовать наиболее эффективно мировое разделение труда.

Правда, добавляет Шторх, бедная нация получает от международ-

¹ «Cours d'économie politique», т. IV, стр. 248.

² Там же, стр. 247.

³ Там же, стр. 248—250.

ного обмена меньше выгод, нежели богатая нация. Но было бы весьма нерационально, по мнению Шторха, для бедной нации отказываться от своих выгод для того, чтобы лишить богатую нацию ее более крупных выгод¹.

Шторх ставит ребром вопрос, не приведет ли такое одностороннее аграрное развитие России к потере ее экономической самостоятельности. Мы видели, как, исходя из задачи достижения этой самостоятельности, Шторх в своих «Gemälde» отстаивал необходимость развития в России мануфактуры. Через 18 лет в своем курсе Шторх дает другой ответ. «Индустриальная независимость, — пишет он, — есть как раз та цель, на которую указывает политическая экономия. Но если доказано, что бедная нация может стать независимой только в той мере, в какой она обогащается, и что ничего нет более вредного для обогащения, чем создавать мануфактуры и торговлю, когда они приносят убыток, то очевидно, что она (т. е. нация) удаляется от достижения своей независимости при посредстве тех методов, благодаря которым она предполагает приблизить последнюю»².

Общий итог всех рассуждений Шторха о сравнительных преимуществах земледелия и мануфактур состоит в том, что этот вопрос не может получить одинакового решения для всех народов. Решение данного вопроса зависит прежде всего от уровня богатства народа, от капиталов, находящихся в его распоряжении, от того, насколько полно уже использованы возможности развития земледелия. Мануфактура предполагает значительно более высокий уровень богатства и капиталов, чем земледелие. Пока этот уровень не достигнут, нет надобности форсировать развитие мануфактур. Нужно предоставить экономическое развитие естественному ходу вещей, не предупреждая и не ускоряя ожидаемых результатов. Этот призыв довериться естественному ходу вещей лил воду на мельницу русского дворянства. Но вместе с тем та аргументация, которую развивает Шторх, все же отличается от аргументации дворянских экономистов. Шторх слишком ярко показывает преимущества мануфактур (между тем у наших дворянских экономистов эта часть учения Смита не получила особенно восторженного приема), слишком отчетливо выпячивает временный, преходящий характер земледельческого периода. В аргументации Шторха достаточно отчетливо проскальзывает, что автор идет в этом вопросе на компромисс. Для него необходимость преимущественного развития России по земледельческому пути не аксиома, не самоочевидная истина, о которой не стоит много распространяться, а решение сложной проблемы, правильное для него в весьма относительном смысле, т. е. правильное лишь для определенных, достаточно ограниченных условий времени и пространства. Отсюда противоречие в аргументации Шторха. С одной стороны, он вскрывает меньшую производительность труда в земледелии, с другой — он ратует за преимущественное развитие земледелия. Это противоречие является выражением известной перестройки взглядов Шторха и вместе с тем оно свидетельствует, что перестройка эта не была достаточно полной и последовательной.

Переход Шторха на дворянские позиции нашел отражение не только в разрешении конкретных вопросов экономической политики, но и в чисто теоретическом вопросе о накоплении и потреблении. И по этому вопросу Шторх радикально изменил свою точку зрения. В своем курсе политической экономии Шторх защищает еще сми-

¹ Там же, стр. 18.

² Там же, т. II, стр. 364.

товскую теорию, рассматривающую сбережение как единственный источник капитала¹. Доходы производителей нематериальных услуг в курсе еще рассматриваются как производные доходы от доходов, получаемых в материальном производстве². Смит, как известно, был идеологом промышленного капитала. И Шторх в своем курсе, несмотря на свой компромисс с дворянством в вопросе о путях развития России, все еще остается верен целому ряду смитовских положений, заключающих в себе исповедание веры промышленного капитала.

В своей позднейшей работе «*Considérations sur la nature du revenu national*» Шторх подает руку тем идеологам земледельческого класса à la Мальтус, которые с пеной у рта отстаивали производительный характер для всего народного хозяйства непроизводительного потребления.

В своих «*Considérations*» Шторх выступает с критикой отмеченного выше положения Смита о роли экономии. Вместо смитовского учения о накоплении Шторх предлагает свое решение данного вопроса. «Индивидуальный капитал,— пишет он,— увеличивается посредством сбережения, и он не может увеличиться иным путем; общественный капитал увеличивается посредством расходования, связанного со сбережением, потому что только пропорционально тому, что расходует, можно сберегать, подобно тому как расходовать можно только пропорционально тому, что сберегается»³. Тут сразу возникает вопрос: что понимает Шторх под расходованием, имеется ли тут в виду все совокупное потребление (как производительное, так и личное) или только личное потребление? Если расходование понимать как совокупное потребление, то все учение Шторха превращается в простую тавтологию. Очевидно, реальное накопление капитала (в отличие от накопления сокровищ) не может происходить без предъявления добавочного спроса на средства производства и рабочую силу. Говоря в таком категорическом тоне о необходимости соблюдения пропорциональности между расходованием и сбережением, Шторх очевидно имеет в виду соответствие между общей суммой затрат и покупок в капиталистическом обществе. Если дать такое толкование учению Шторха, то из него нельзя сделать никаких выводов против Смита.

Критика Шторхом смитовского положения о капитале получает определенный смысл в связи с тем, что он на всем протяжении своего анализа в «*Considérations*» отождествляет расходование с личным потреблением. Шторх предполагает, что личное потребление должно увеличиться пропорционально сбережению. Нужно сказать, что и такой вывод еще не противоречит смитовскому учению, ибо и Смит отождествлял возрастание капитала с ростом личного потребления. Однако личное потребление можно понимать очень различно. Тут выступает очень глубокое принципиальное различие между Адамом Смитом и Шторхом. Смит отождествлял накопление капитала с ростом потребления производительных рабочих, Шторх — с ростом потребления непроизводительных классов.

Шторх жирным шрифтом выделяет положение, которое на первый взгляд представляется весьма странным. Это положение состоит в том, что «расходы должны делаться богатыми так, чтобы бедным было из чего делать сбережения»⁴. О каких «бедных» тут идет речь?

¹ «*Cours d'économie politique*», т. I, стр. 308.

² Там же, стр. 327.

³ «*Considérations*», стр. 172.

⁴ Там же, стр. 164.

Что это за странные «бедные», которые систематически делают сбережения? Под «бедными» Шторх очевидно имеет в виду представителей непривилегированных классов, т. е. третье сословие. Несколько ниже Шторх замечает, что если бы дело не так обстояло (т. е. если бы богатые не расходовали, а бедные не экономили), то «чем объяснить постоянный прогресс зажиточности низших классов повсюду, где разобщение и отсутствие безопасности не удерживают их насильственно в бедности? Не стало ли третье сословие Западной Европы, прежде находившееся в зависимости от земельных собственников, их соперником по богатству?»¹. При таком понимании бедных придется отнести к богатым всю знать, дворянство, всех непроеводительных потребителей.

Теория воспроизводства классиков вся пронизана единой идеей о необходимости максимального форсирования накопления. Маркс отмечает, что «у Рикардо забота о накоплении еще сильнее, нежели забота о чистой прибыли, так что эта последняя усердно прославляется им как средство накопления»². Глубокое чутье, свойственное классикам, позволило им сформулировать производство ради производства как жизненную цель капиталистического производства. Классики правильно уловили прогрессивный характер капиталистического накопления на той ступени развития, выражающийся в непрерывном развитии производительных сил. Представители реакционного землевладельческого класса выступили против этой точки зрения. Они критиковали учение о необходимости максимального форсирования накопления, выражая свои опасения, что такой рост накопления может ущемить интересы праздных получателей ренты. Шторх в своих «*Considérations*» солидаризуется с представителями этих реакционных классов. Он обвиняет Смита в стремлении привести к тому, «чтобы вся страна была только громадной мастерской и чтобы население целиком состояло из рабочих, ремесленников и купцов»³.

И в этом вопросе Шторх пошел на компромисс с господствующим в России землевладельческим классом. Дело в том, что учение Шторха о накоплении и потреблении, данное в «*Considérations*», плохо согласуется со всей его экономической теорией, в частности с его критикой учения Сэя, согласно которой валовой продукт распадается целиком на доходы (критика этого учения Сэя дается в той же книге «*Considérations*»). Шторх совершенно резонно возражает Сэю, что если бы валовой доход целиком распадался на доходы, то он должен был бы потребляться без остатка. Шторх справедливо указывает, что в случае принятия точки зрения Сэя становится непонятным, как размещается капитал. Но сам Шторх повторяет в дальнейшем ошибку Сэя, сводя накопление к непроеводительному потреблению. Ему самому можно было задать тот же вопрос, который он ставил Сэю: как возможно увеличение капитала, если сбережение равно затратам непроеводительных классов? Пытаясь обосновать свою теорию накопления, Шторх докатывается до буквальных формулировок Сэя, например, до положения, что «расход одного есть всегда доход другого»⁴.

Это противоречие является результатом неглубокого компромисса Шторха с интересами землевладельческого класса.

¹ Там же, стр. 167.

² М а р к с, Теории прибавочной стоимости, том I, Партиздат, изд. 1936 г., стр. 219.

³ «*Considérations*», стр. 174.

⁴ Там же, стр. 176.

★

Наибольшее влияние на формирование теоретических взглядов Шторха оказал А. Смит. Очень часто в литературе высказывается мнение, что Шторх был смитианцем. Это неверно. Шторх отступает от Смита в целом ряде кардинальных вопросов, например, в вопросе стоимости, накопления и потребления, производительного труда и т. д. Верно лишь то, что исходным пунктом теоретических построений Шторха была система Смита. Он очень много заимствовал у Смита. Но все же Шторх был слишком далек от того, чтобы претендовать на роль правоверного ученика великого шотландца.

Адам Смит, как известно, был «обобщающим экономистом мануфактурного периода» (Маркс). Смит рисует неразвитый капитализм, в котором основной формой капиталистических предприятий была мануфактура. Последняя возвышалась на широком базисе ремесла и домашней промышленности. Этот капитализм не знал еще наиболее развитых форм классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом, не знал еще кризисов, резервной армии, широкого применения детского и женского труда.

В своих работах Шторх также исходит из мануфактурного периода. То, что было естественно для Смита, который выпустил свое «Богатство народов» в самом начале развертывания великого промышленного переворота в Англии, нельзя оправдать у Шторха, который выпустил свой курс через 40 лет (всего за два года до выхода в свет «Начал политической экономии» Рикардо), т. е. тогда, когда промышленная революция в Англии, вызванная внедрением машин, дала уже вполне ощутительные результаты. Если А. Смит анализировал современный ему капитализм, то Шторх пытается проанализировать капитализм, который существовал за 50 лет до того. Этот факт можно объяснить как тем, что Шторх жил в отсталой стране, которая лишь делала первые шаги по пути капитализма, так и тем, что он питался в основном теоретическими представлениями о капитализме, заимствованными у Смита, Шторх смотрел на капитализм глазами Смита.

Подобно Смицу, Шторх считает важнейшим источником производительности труда развитие мануфактурного разделения труда. Учение о мануфактуре Шторх делает исходным пунктом своей первой книги курса политэкономии, посвященной общим вопросам производства. Он почти дословно повторяет учение Смита о трех преимуществах мануфактурного разделения труда, о границах развития разделения труда.

Шторх заимствовал у Смита его экзотерическое учение о прибыли и ренте. На это обстоятельство обратил внимание Маркс. Развернув в главе XLVIII третьего тома «Капитала» детальную критику триединой формулы, согласно которой труд, капитал и земля выступают как три источника стоимости и доходов, Маркс в качестве конкретных носителей этого учения называет Смита и Шторха. Маркс приводит следующие цитаты: «Заработная плата, прибыль и рента суть три первоначальных источника всякого дохода, равно как и всей меновой стоимости» (A. Smith). «Таким образом, причины материального производства суть в то же время источники всех существующих основных доходов» (Storch)¹. Теории прибыли и заработной платы Шторха в основном заимствованы у Смита и не представляют самостоятельного интереса.

Вульгарная часть учения Смита противоречит теории трудовой стоимости, которая является исходным пунктом его экзотерического

¹ «Капитал», том III, изд. 1935, стр. 596, примеч. 53.

учения. Шторх, который заимствовал у Смита вульгарную часть его учения, с самого начала отбрасывает трудовую теорию стоимости, подменяя ее теорией полезности. Труд является производительным, указывает Шторх, не потому, что он создает стоимость, он является производительным лишь тогда, когда создается стоимость¹. В теории стоимости Шторх идет не за Смитом, а за Кондильяком, на которого наш автор ссылается, хотя с некоторыми оговорками². Шторх дает чисто субъективистическое толкование стоимости. «Мы видим, — пишет он, — что ценность не есть качество, присущее вещам, но что она происходит от нашего суждения»³. Для существования ценности, по мнению Шторха, требуются три условия: а) наличие вещи, б) наличие потребности в ней, в) наше суждение о том, что эта вещь может быть предназначена для удовлетворения данной потребности⁴. «Ценность вещи есть ее относительная полезность»⁵. «Ценность проистекает из потребностей человека и полезности вещей, наше суждение открывает отношение, существующее между двумя этими элементами»⁶. Ценность вещи, по Шторху, изменяется по двум причинам: или изменяются наши потребности, или изменяется способность вещей удовлетворять наши потребности. Меновая ценность данного товара пропорциональна полезности товара, который может быть приобретен в обмен на этот товар. Для обоснования своей теории Шторх приводит избитый пример с двумя охотниками. У одного — избыток дичи, у другого — избыток стрел. Между обоими охотниками возможен обмен. Избыток дичи обменивается на избыток стрел. Первый охотник приписывает косвенную полезность своему избытку дичи. Эта косвенная полезность последней измеряется прямой полезностью стрел, которые могут быть получены в обмен на избыток дичи⁷.

Подобно всем представителям теории полезности, Шторх сталкивается с непреодолимыми препятствиями, когда ему приходится объяснять ценообразование. Тут как *deus ex machina* появляются издержки производства, выступающие как совершенно чужеродные элементы, которые никак не могут ужиться в рамках совершенно оторванной от производства теории полезности.

Субъективная теория стоимости Шторха не заслуживает самостоятельного рассмотрения, ибо никакой самостоятельности автор тут не проявил. Рассмотрение этой теории представляет интерес лишь в той мере, в какой она является исходным пунктом теории цивилизации Шторха (т. е. учения о нематериальных услугах, нематериальных благах, нематериальных капиталах как об органической части политэкономии).

«Оригинальность» Шторха проявилась в том, что в такой бесполезной вещи для теоретического исследования, как теория полезности, он смог усмотреть какую-то новую полезность. Шторх полагал, что ошибка Смита в его теории стоимости вытекает из молчаливо принятой предпосылки, согласно которой причина, вызывающая создание материальных вещей (т. е. прежде всего труд), вместе с тем является источником стоимости. По мнению Шторха, если бы Смит не был в плену у этого предубеждения, то он мог бы значительно расширить

¹ «Cours d'économie politique», т. I, стр. 144—145.

² Там же, стр. 57.

³ Там же, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 57—58.

⁵ Там же, стр. 58.

⁶ Там же, стр. 62.

⁷ Там же, стр. 84—85.

круг политэкономии, включив туда не только изучение богатства (т. е. материальных вещей), но и цивилизации (т. е. внутренних благ)¹. Иными словами, основную полезность теории полезности Шторх видит в том, что она с равным правом может быть применена и к такого рода оригинальным «товарам», как здоровье, хороший вкус, знания, безопасность, досуг и т. д. Какой здравомыслящий человек будет отрицать полезность всех этих внутренних благ? Но если полезность — источник стоимости, то почему нельзя говорить о стоимости здоровья, вкуса, знаний, безопасности и т. д.? Если же все эти внутренние блага имеют стоимость, то почему они не могут быть равноправным объектом политической экономии наряду с такими бесспорными стопроцентными носителями стоимости, как продукты материального товарного производства? Почему все экономические законы и категории не могут быть распространены на мир внутренних благ? Почему теория богатства (т. е. учение о материальных благах) не может быть дополнена теорией цивилизации (т. е. учением о внутренних благах)? Таков логический ход рассуждений Шторха, благодаря которому теория полезности превращается в исходную точку его теории цивилизации. А последняя является наиболее оригинальной частью его системы.

Теория цивилизации Шторха является наиболее далеко идущей оппозицией смитовскому учению о производительном труде. Больше всего вызвало возмущение и критику со стороны вульгарных экономистов следующее знаменитое место из «Богатства народов» (кн. II, гл. III): «Труд некоторых пользующихся наибольшим уважением общественных классов так же непродуцирует в смысле создания стоимости, как труд прислуги; он не фиксируется и не реализуется в каком-нибудь долговечном предмете или в продажном товаре. Так например, государь, со всеми своими судейскими чиновниками и офицерами, весь состав армии и флота — непродуцирующие рабочие. Они слуги публики и содержатся на часть годового продукта, созданного прилежанием других людей... К этому классу принадлежат духовные, юристы, всякого рода ученые, актеры, скоморохи, музыканты, оперные певцы, танцовщицы»². Приводя это знаменитое место из Смита, Маркс тут же добавляет: «Это язык все еще революционной буржуазии, еще не успевшей подчинить себе все общество, государство и т. д.»³. Но этот «язык все еще революционной буржуазии» не мог нравиться вульгаризаторам классической школы, апологетам капитализма. Последним, по выражению Маркса, «грубо циничный характер классической политической экономии представляется как бы критикой существующего порядка вещей»⁴.

Шторх также выражает свое крайнее недовольство по поводу приведенного выше положения Смита: «Непостижимо, — пишет он, — каким образом философ, одаренный таким превосходным суждением, мог подвести под одну и ту же категорию королей и нищих, судейского чиновника и играющего на стаканах (joueur de gobelet), ученого работника и бездельника, одним словом, самые уважаемые и самые презренные общественные классы; как мог он не заметить, что в том классе, который он называет бесплодным, находятся и такие работы, которые полезны, бесконечно полезны, и другие, которые бесполезны

¹ «Cours d'économie politique», т. I, стр. 148—149.

² Маркс, Теории прибавочной стоимости, 1936 г., т. I, стр. 253.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 252.

или вредны»¹. В отличие от Смита Шторх дает очень широкое определение производительности труда. К последнему относятся все без исключения виды деятельности, которые в той или иной мере полезны для общества. Такое расширительное толкование производительности труда Шторхом вполне гармонирует с его теорией ценности. Если ценность определяется полезностью, то всякий полезный труд должен рассматриваться как труд, производящий новые ценности. К непроизводительному классу Шторх относит тех, кто не принимает участия ни в материальном, ни в духовном производстве, например, получателей ренты с земли и капитала (т. е. бездействующих капиталистов, рантье, живущих на пенсии, милостыни или прибегающих к грабежу (!)). «Все остальные являются в одно и то же время производителями и потребителями, каждый производит то, что другие потребляют, и каждый потребляет то, что другие производят. Итак, чем больше каждый производит и расходует, тем больше возрастает доход всех»².

Критика смитовского учения о производительном труде была дана еще до выхода в свет шторховского курса политэкономии. Еще в работах Гарнье, Ганиля и Лодерделя весьма отчетливо проводится защита расширительного толкования производительного труда. Особое внимание этими экономистами уделяется вопросу о разных видах нематериального производства. Оригинальность Шторха состоит не в том, что он поставил вопрос о расширении рамок производительного труда, а в том, что он расширил самую проблему, в том, что он выдвинул необходимость расширения круга, объектов, изучаемых политэкономией. Для того чтобы лучше выяснить взгляды Шторха по данному вопросу, полезно ознакомиться с его полемикой с Сэем. Шторх обвиняет Сэя в смещении самых услуг и их результатов. Что нужно понимать под нематериальным благом — самую услугу врача или поправку здоровья в результате этой врачебной услуги? спрашивает Шторх³. Сэй дает по этому вопросу противоречивый ответ, но в основном он склоняется к тому мнению, что в качестве нематериального продукта следует рассматривать услугу врача и что она (а не здоровье) входит в объект изучения политэкономии. В связи с этим Сэй выдвигает положение, что потребление нематериальных продуктов (поскольку последние совпадают с услугами) должно происходить одновременно с их производством. Против этого учения Сэя (который в этом вопросе шел за Гарнье) очень сильно ополчается Шторх. Он видит здесь отступление от единственно правильной, по его мнению, теории стоимости — теории полезности. С точки зрения последней труд сам по себе (хотя бы в форме самых благородных и самых уважаемых услуг) не является источником стоимости. Труд создает стоимости, если следовать правоверным адептам теории полезности, лишь в том случае, когда он создает полезные продукты. Полезность продукта с этой точки зрения сообщает экономическую значимость труду или услугам. Поэтому — заключает Шторх — центр тяжести теории цивилизации должен лежать в изучении нематериальных благ, в связи с которыми и по поводу которых учитываются различного рода нематериальные услуги (как один из источников нематериальных продуктов; другим источником последних, по мнению Шторха, является природа).

¹ «Cours d'économie politique», т. I, стр. 150.

² «Considérations sur la nature du revenu national», Paris 1824, стр. 53.

³ Там же, стр. VIII.

«Мы понимаем под именем внутренних благ,— пишет Шторх,— все нематериальные продукты природы и человеческого труда, за которыми мнение признает полезность и которые могут образовать моральную собственность (?) человека»¹. Внутренние блага делятся на первичные и вторичные. К первичным благам относятся самые способности человека и все то, что служит непосредственно для развития и усовершенствования последних. В эту рубрику Шторх причисляет следующие внутренние блага: здоровье, ловкость, знания, вкус, нравственность и религию. Вторичные блага не имеют прямого отношения к нашим способностям, но они являются совершенно необходимыми предпосылками для сохранения и развития последних, без этих благ становится невозможным существование первичных благ. Сюда Шторх относит безопасность и досуг².

Шторх вынужден отметить ряд глубоких различий между материальными вещами и нематериальными благами. Во-первых, последние не имеют меновой стоимости. Они не могут ни покупаться, ни продаваться. Объектами купли и продажи являются не сами внутренние блага, а услуги, участвующие в производстве последних. Иначе говоря, Шторх констатирует, что внутренние блага не являются товарами. Далее, Шторх отмечает, что если в области материального производства основным стимулом является получение денежных выгод (проще говоря, прибыли), то в области нематериальных услуг этот мотив играет подчиненную роль³. Шторха несколько не смущали специфические социально-экономические различия, существующие между товарами-продуктами капитала и нематериальными благами. Напротив, одержимый желанием разработать максимально универсальные законы, которые можно было бы применить к самым различным благам, Шторх направляет свою мысль в сторону установления возможно большего числа общих черт и аналогий между материальными и нематериальными продуктами.

Прежде всего Шторх выдвигает положение, что внутренние блага могут иметь длительное существование, что они не потребляются мгновенно, одновременно с их производством. Отсюда он делает вывод, что внутренние блага могут быть как фондами потребления, так и капиталами. Шторх переносит на нематериальные капиталы все те законы и положения, которые он первоначально установил по отношению к капиталам, занятым в материальном производстве, т. е. к капиталам в собственном смысле этого слова. Так, например, по мнению Шторха, накопление нематериального капитала есть необходимое условие развития разделения труда в области нематериальных услуг. Это положение, сформулированное на таком специфическом политико-экономическом языке, по существу выражает очень элементарную истину, что с общим ростом культуры (науки, искусства и т. д.) растет специализация в области идеологических профессий. Шторх полагает, что экономия, являющаяся, по его мнению, единственным источником накопления капитала, должна играть такую же роль и в отношении нематериальных капиталов. «Употреблять внутренние блага таким образом, чтобы их использование приводило бы к созданию новых благ, чтобы их расширение и умножение превосходили потери тех благ, которые вызваны смертью их обладателей,— вот единственное средство увеличить цивилизацию народа»⁴.

¹ «Cours d'économie politique», т. V, стр. 8.

² Там же, стр. 9—10.

³ Там же, стр. 37—38.

⁴ Там же, стр. 8.

По отношению ко всем этим попыткам Шторха сконструировать ряд общих закономерностей для капиталов и для нематериальных благ вполне применимо следующее замечание Маркса: «Но все это не что иное, как общие, поверхностные аналогии и сопоставления между духовным и материальным богатством. Точно так же, например, и то его (т. е. Шторха.—И. Б.) замечание, что неразвитые (духовно) нации заимствуют свои духовные капиталы за границей, подобно тому, как нации, не развитые материально, заимствуют там свои материальные капиталы... что разделение невещественного труда зависит от спроса на него, короче, от рынка и т. д.»¹.

Для того, чтобы получить представление о тех натяжках, к которым прибегает Шторх для конструирования своего учения о нематериальном или духовном капитале, приведем следующий пример. Шторх ставит вопрос в своей работе «*Considérations sur la nature du revenu national*», можно ли рассматривать услуги государства как капитал. На этот вопрос он отвечает утвердительно. Шторх рассматривает возможное возражение: свои услуги государство оказывает в принудительном порядке, услуги государства не могут быть объектом купли-продажи. На это возражение он отвечает ссылкой на представительный строй, где «публичная администрация оказывает только те услуги, на которые предъявляется спрос и где цена этих услуг регулируется добровольно (*de gré à gré*) между правительством как продавцом и депутатами нации как покупателями»². Это понимание капитала является настолько необычным даже среди вульгарных экономистов, привыкших к самым неожиданным, экстравагантным и сногшибательным определениям капитала, что Шторх вынужден признать: немногие будут расположены согласиться с этими принципами, «если привести обычные предубеждения при рассмотрении капитала»³.

Теория цивилизации Шторха ничего не дает для понимания особенностей духовного «производства». Это вытекает из того, что Шторх, чуждый историзму, не мог вскрыть специфических особенностей идеологии в отдельных общественно-экономических формациях. Маркс дал уничтожающую критику шторховской теории цивилизации. «У самого Шторха,— писал Маркс,— теория цивилизации не идет дальше тривиальных фраз, хотя у него и встречается несколько остроумных замечаний, например, относительно того, что материальное разделение труда служит предварительным условием разделения труда духовного. До какой степени это так и должно быть, как мало способен он был хотя бы поставить задачу, а не то, что разрешить ее,— это ясно показывает следующее. Чтобы исследовать связь между духовным и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать это последнее не как общую категорию, а в его отдельной исторической форме. Так например, капитализму соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу производства. Если само материальное производство берется не в его специфической исторической форме, то невозможно сделать сколько-нибудь определенных выводов насчет соответствующего ему духовного производства и насчет их взаимодействия. Дальше пустых фраз дело не идет»⁴.

¹ «Теории прибавочной стоимости», т. I, стр. 247.

² «*Cosidérations*», т. I, стр. 85.

³ Там же, стр. 87.

⁴ «Теории прибавочной стоимости», т. I, стр. 246.

Шторховская теория цивилизаций является орудием апологетики капитализма. Она дает такое широкое определение капитала, которое превращает капитал в нечто всеобъемлющее, во внеисторическую категорию. Трудно не быть капиталистом в шторховском понимании этого слова. Всякий рабочий, с этой точки зрения, является капиталистом, ибо шторховский капитал охватывает не только приобретенную квалификацию, но и прирожденные способности. Тем самым различие между рабочим и капиталистом в собственном смысле слова превращается у Шторха в частное различие внутри единого общего класса. Шторховский капитал включает в себя все неисчерпаемое богатство мировой культуры, всю колоссальную сокровищницу человеческих знаний, все высшие проявления художественного гения. По существу он охватывает всю жизнь, он присутствует при рождении человека и стоит у его могилы, хотя бы в виде священника, который, по Шторху, является непосредственным носителем особого духовного капитала. По существу, Шторх своей теорией цивилизации растворяет реальный подлинный капитал как выражение определенных производственных отношений, как орудие эксплуатации рабочей силы в каком-то беспредельном понятии капитала. Вместе с тем сзоей теорией цивилизации Шторх облагораживает действительный капитал, ибо последний выступает как собрат высших проявлений культуры — науки, искусства. При таком толковании капитала становится бессмысленным ведение борьбы с капиталом.

Для того чтобы получить более полное представление о теории цивилизации Шторха, необходимо выяснить еще одну весьма важную особенность последней. Среди разных внутренних благ наибольшее внимание он уделяет услугам государства, связанным с обеспечением безопасности. Хотя безопасность фигурирует у Шторха в качестве вторичного внутреннего блага, но он всюду выдвигает ее на передний план. В основном теория цивилизации Шторха ставит своей задачей обосновать гигантское значение безопасности. Свою заключительную главу всего курса политэкономии, посвященную исследованию влияния цивилизации на богатства, Шторх начинает с рассмотрения роли безопасности. «Из всех элементов цивилизации наиболее необходимым для усовершенствования цивилизации является безопасность»¹.

В этой связи весьма любопытно проследить полемику между Сэем и Шторхом. Сэй, как известно, никогда не отличался сильной и последовательной логикой. Логические противоречия были частым гостем в работах этого вульгарного экономиста. Сэй не избежал противоречий и в вопросе о роли государства. Наряду с подчеркиванием производительного характера деятельности государственных чиновников у Сэя встречаются выражения, говорящие о довольно индифферентном отношении с его стороны к государству. Например, Сэй указывает в одном месте, что «нация могла бы, строго говоря, существовать без правительства; каждый, занимающийся определенной профессией, обменивал бы продукт своего труда на продукт труда других»². В другом месте Сэй отмечает, что «безопасность не является для народов потребностью первой необходимости. Татары и кочующие арабы обходятся без судей»³.

¹ «Cours d'économie politique», т. I, стр. 47.; цитирую по книге Шторха «Considérations», стр. XXIX—XXX.

² Там же, т. III, стр. 242, цитирую по книге Шторха «Considérations», стр. XXX.

³ Там же, т. V, стр. 345.

Шторх очень тщательно выискивает у Сэя подобного рода «анти-государственные» замечания с тем, чтобы со всей резкостью выступить против них. Тут сказывается глубокое различие в отношении к государству. Для Шторха государство и обеспечиваемая им безопасность представляют собой крупнейшее внутреннее благо и имеют величайшую ценность. Шторх всегда имеет в виду государство, он никогда не устает подчеркивать значение последнего, никогда не боится допустить излишнего повторения в этом вопросе.

Чем объясняется такое ударение у Шторха на государственные услуги? Можно ли это объяснить влиянием немецких экономистов, в частности Адама Мюллера? Нет ли в данном пункте родства между Шторхом и позднейшими экономистами Германии, связанными с исторической школой? Рошер увидел в Шторхе родственную душу и всячески старался обосновать идейное родство с ним. Но все эти попытки основаны на весьма поверхностном изучении Шторха. У последнего государство никогда не выступает в качестве самостоятельной ценности, он нигде не развивает излюбленных «историками» идей о государстве как о выразителе и представителе высших этических идей. Шторх рассматривает государство лишь как служебное средство осуществления безопасности. Основным внутренним благом он считает не самое государство, а безопасность (*sûreté*), на страже которой и должно стоять государство.

В чем заключается безопасность? На этот вопрос Шторх дает следующий ответ: безопасность «состоит в удалении всего того, что может поколебать или стеснить свободное использование как личных способностей гражданина, так и вещей, находящихся в его собственности; иными словами, это — гарантия его естественных и приобретенных прав»¹. Как видим, безопасность сводится к гарантии личной свободы и частной собственности, т. е. основ буржуазного правопорядка.

У Шторха встречаются правильные определения государства, основу которого составляет частная собственность на орудия и средства производства. Он пишет: «Государство в той мере, в какой оно имеет своим объектом защиту собственности, в действительности создано для защиты богатых от бедных или тех, которые имеют какую-нибудь собственность, от тех, которые ее вовсе не имеют»². Несколько выше он выражается еще более ясно: «Всюду, где существуют крупные состояния, имеется большое имущественное неравенство. На одного очень богатого человека должно быть по меньшей мере пятьсот бедных. Избыток, которым пользуется богач, вызывает негодование бедняка, и тот, увлекаемый потребностью и возбуждаемый завистью, часто уступает желанию захватить собственность другого. Только под эгидой судьи собственник драгоценной собственности может спокойно спать, хотя бы в течение одной ночи; во всякий момент он окружен толпой неизвестных врагов, успокоить которых у него нет никакой возможности, хотя он их никогда не провоцирует; и против несправедливости последних он может быть защищен только при помощи мощной руки гражданского авторитета, непрерывно поднимающейся для того, чтобы их наказать»³.

Теория цивилизации Шторха в значительной мере отражает его вражду к крепостному праву. Последнее у него выступает как сильнейшее препятствие развитию богатства.

¹ «Cours d'économie politique», т. I, стр. 5.

² Там же, т. V, стр. 202—203.

³ Там же, стр. 195—196; это место заимствовано Шторхом у Бенгата.

Теория цивилизации, дающая развернутый анализ безопасности, тем самым вскрывает важнейшее условие развития богатства, т. е. по существу капиталистического производства. В этом заключается внутренний смысл шторховской теории цивилизации.

Отсутствие личной свободы и гарантии частной собственности, по мнению Шторха, убивает стимул к получению прибавочного продукта и к накоплению капитала.

«Безопасность, это неоценимое благо, есть всецело творение законов. Без закона нет безопасности, без безопасности нет изобилия, ни даже устойчивого существования. Только закон может создать устойчивое и длительное владение, которое заслуживает названия собственности. Только закон приучает людей наклонять голову под ярмо предусмотрительности; он один может воодушевлять их на труд, излишний в настоящее время и который можно будет использовать в будущем. Закон не говорит человеку: трудись и я тебя вознагражу; но он ему говорит: трудись, и я обеспечу тебе использование плодов твоего труда,— это естественное и достаточное вознаграждение, которое без меня ты не мог сохранить, остановив руку, которая захочет их похитить»¹. Во всем этом рассуждении идет речь о буржуазных законах, о буржуазном праве.

После того, как получена исчерпывающая картина всех положительных факторов, воздействующих на рост богатства, Шторх переходит к рассмотрению отрицательных факторов, задерживающих рост богатства. Среди них, по его мнению, стоит и крепостное право (отожествляемое всюду с рабством). Вот почему развернутый анализ влияния рабства автор дает в восьмой книге своего курса, т. е. в самом конце основного раздела политэкономии, посвященного теории богатства. Шторх считает, что раздел о рабстве не входит непосредственно в политэкономию, а является приложением к ней. Раб или крепостной, по мнению Шторха, не является объектом политической экономии. «Сам человек,— пишет он,— еще часто является объектом обмена; но политическая экономия не может рассматривать его под этим отношением, ибо это означало бы смешение причины и следствия, творца товара и товара»². «Политическая экономия рассматривает человека как свободное существо, движимое своей собственной волей»³. Рабство и крепостное право рассматриваются Шторхом как аномальное явление, противоречащее естественным законам.

Рабство является сильнейшим тормозом хозяйственного развития России— это положение неоднократно повторяется Шторхом. Весьма часто он сопоставляет Россию и США. «Откуда происходит,— спрашивает он,— что прогресс Северной Америки в отношении богатства, населения, индустрии является значительно более быстрым, чем в России, тогда как имеется столько общего в положении этих двух стран, и когда Россия сверх того пользуется преимуществом находиться в непосредственном контакте с самыми богатыми и цивилизованными странами мира»⁴. Шторх отвечает на этот вопрос ссылкой на существующее в России крепостное право.

Шторх связывает развитие промышленности и торговли, снижение норм процента, которое, по его мнению, оказывает стимулирующее воздействие на производство, с уничтожением рабства или крепостного права. Рабство убивает стимулы к накоплению капитала, рабство де-

¹ «Cours d'économie politique», т. IV, стр. 299—300.

² Там же, стр. 74.

³ Там же, стр. 187.

⁴ Там же, стр. 349.

дает применение капитала более рискованным, что способствует возрастанию процента.

Шторх не удовлетворяется чисто экономической критикой крепостного права. Он привлекает на помощь весь аппарат своей теории цивилизации. Он старается показать, что крепостное право отрицательно влияет не только на развитие материального богатства, но и на рост внутренних благ — на здоровье, ловкость, знания, нравы, безопасность. Устранение крепостного права, по его мнению, не только в интересах богатства, но и в интересах цивилизации.

В пятом томе своего курса политической экономии Шторх приводит большой материал, показывающий задерживающее влияние рабства на рост населения¹.

Рабство, по учению Шторха, является сильнейшим тормозом в процессе развития знаний и наук, оно задерживает выделение третьего сословия, а «науки не могут ни совершенствоваться, ни распространяться там, где отсутствует третье сословие»². Рабство почти исключает возможность развития сноровки и ловкости у производителей (это связано с тем, что рабство делает невозможной специализацию на основе использования различий склонностей, одаренности, призвания отдельных производителей). Рабство оказывает развращающее влияние на нравы как господ, так и рабов или крепостных. «Отсутствие безопасности, которому подвержен раб, делает его склонным к тому, чтобы становиться ленивым, беспечным, вором, расточителем, пьяницей... С другой стороны, тот, кто может добиться всего, что он хочет, захочет часто зла; при безграничной власти ему трудно будет удержаться в границах справедливости и честности. Как может сердце молодого господина, окруженного с детства рабами, противостоять яду лести, сладострастия, позорной и рабской услужливости, которую оказывают ему рабы?»³.

Особое внимание Шторха привлекает отрицательное влияние рабства на спокойствие отдельных семей и на общественную безопасность. Взаимоотношение между рабами и господами основано на взаимном недоверии. У рабов всегда существует глухая вражда к своим господам, которая в определенные моменты прорывается наружу в виде бунтов, сопровождающихся жестокой расправой рабов со своими господами. «Где та страна рабов, в которой не услышишь разговоров об убийствах рабами своих господ, о поджогах, вызванных мстью или злобой. Какова же страна, в которой правительство могло бы верить полной безопасности в отношении поведения этого класса и где бы оно не было вынуждено часто прибегать к вооруженной силе для того, чтобы заставить их подчиниться»⁴. Шторх ссылается на многочисленные восстания рабов и крепостных, в частности в России.

Общий вывод Шторха состоит в том, что рабство и крепостное право, с одной стороны, находятся в противоречии с цивилизацией, а, с другой стороны, последняя в своем росте создает предпосылки для преодоления рабства и крепостного права.

Таковы экономические воззрения Шторха. К какой школе следует причислить Шторха? Безусловно, к вульгарной школе. Шторх отвергает теорию трудовой стоимости и теорию прибавочной стоимости. Он развивает вульгарные взгляды по всем проблемам теоретической

¹ «Cours d'économie politique», т. V, стр. 265—278.

² Там же, стр. 278—279.

³ Там же, стр. 287—288.

⁴ Там же, стр. 293—294.

экономии. Вульгарная теория неизбежно переплетается у Шторха с апологетикой капитализма (возьмем, например, его теорию цивилизации). Маркс в заключение своего анализа всеобщего закона капиталистического накопления ставит Шторха рядом с попом Таунсенд, который «совершенно грубым образом возвеличивал бедность как необходимое условие богатства»¹. Маркс приводит известную цитату Шторха: «Прогресс общественного богатства,— говорит Шторх,— порождает тот полезный класс общества, который исполняет самые скучные, низкие и отвратительнейшие работы, одним словом, возлагает на свои плечи все, что только есть в жизни неприятного и порабощающего, и тем самым обеспечивает для других классов досуг, веселое расположение духа и условное (это прекрасно!) достоинство характера и т. д.». «Шторх,— продолжает Маркс,— ставит вопрос, в чем же собственно заключается преимущество этой капиталистической цивилизации с ее нищетой и деградацией масс перед варварством? Он находит только один, ответ: «в безопасности!»². Однако; нужно отметить, что Маркс, неоднократно цитируя Шторха во всех трех томах «Капитала», в «Теориях прибавочной стоимости», в черновых подготовительных работах и т. д., критикует Шторха в значительно более мягкой форме, чем Мальтуса и других вульгаризаторов. Для характеристики отношения Маркса к Шторху весьма существенна следующая цитата: «В полемике против сделанного Смитом различения между производительным и непроизводительным трудом участвуют преимущественно лишь *dei minorum gentium*, между которыми Шторх еще самый выдающийся, но ее не ведет ни один из значительных экономистов, ни один из тех, о ком можно было бы сказать, что он сделал какое-нибудь открытие в политической экономии»³. Как видим, Маркс не считал Шторха значительным экономистом, сделавшим открытие в политической экономии, но вместе с тем он оценивает Шторха как наиболее выдающегося из вульгарных экономистов.

Отличие теории Шторха от учения западноевропейских вульгарных экономистов обусловлено специфическими историческими условиями развития России первой половины XIX века. Центральной и решающей проблемой той эпохи была проблема устранения крепостного права, каменной стеной стоявшего на пути к капитализму. На формирование взглядов Шторха сильнейшее влияние оказала борьба против феодализма, имевшая в своей основе прогрессивный характер. Поэтому некоторые части учения Шторха оказали известное влияние на передовую часть тогдашнего дворянства — на декабристов.

¹ «Капитал», том I, изд. 1934 г., стр. 740.

² Там же, стр. 741.

³ «Теории прибавочной стоимости», том I, стр. 184.

Ценный вклад в сокровищницу марксизма

«ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК» XXVIII. Под редакцией В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева, В. Г. Сорина. Партиздат. ЦК ВКП(б). 1936 г.

Институтом Маркса — Энгельса — Ленина опубликован XXVIII том Ленинских сборников, содержащий ряд дальнейших тетрадей Ленина по империализму.

Выход XXVIII тома Ленинских сборников, как и выход каждого из произведений классиков марксизма, является важным событием на теоретическом фронте, имеет громадное значение для нашего социалистического строительства и дела мировой революции. Особо большое значение имеют опубликованные в XXVIII томе записи Ленина для экономической теории марксизма-ленинизма и для марксистской истории империализма. Опубликование каждой из тетрадей Ленина по империализму является сильнейшим оружием против «твердынь» капитализма.

Материалы и записи Ленина дают нам возможность спуститься в ту кузницу, где выковывалось гениальное продолжение «Капитала» Карла Маркса — «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленина. Ленин, работающий над материалами по империализму, предстает здесь перед нами во весь свой гигантский рост. Опубликованный сборник дает возможность ближе ознакомиться с методами работы Ленина. Исключительная тщательность в ознакомлении с самым разносторонним материалом по империализму, детальный анализ громадной массы материалов и книг, написанных об империализме, — вот первое, что бросается в глаза. По предварительным подсчетам Института, в 20 тетрадях Ленина по империализму использовано и упомянуто 603 книги (из них 149 книг имеют ту или иную оценку в материалах сборников) и 97 названий журналов, газет и различных ежегодников. А между тем, в предисловии к своему «Империализму» Ленин скромно замечает, что ему приходилось терпеть известный недостаток во французской, английской, а также в русской литературе. Лениным тщательно проштудировано все важное, все решающее, что характеризует так или иначе последнюю фазу капитализма; им взято и переработано все ценное, что дает буржуазная экономическая и историческая литература.

Гениальный мастер революционной диалектики дает образцы величайшей конкретности в анализе проблем империализма. ■

Один список книг, над которыми работал Ленин, показывает поистине громадный, всесторонний охват гениальным анализом Ленина явлений последней фазы империализма. Здесь находим мы книги и политиков, и дипломатов, и историков, и экономистов, статисти-

ков, военных и т. д. Касаются они проблем экономики и истории, начиная с истории так называемых великих держав, вплоть до самых отдаленных и незначительных колониальных и полуколониальных стран. Если в «Империализме» Ленина по цензурным соображениям отсутствуют прямые ссылки на русские материалы, на поработанные народы царской России, то опубликованные ленинские тетради по империализму показывают, с какой основательностью знакомился Ленин даже и со сравнительно второстепенными материалами, например, по царскому Туркестану.

Все основные вопросы империализма затронуты в этих тетрадях. Особенно всесторонний анализ дан экономической сущности империализма. Отличие нового (капиталистического) империализма от империализма старого, значение вывоза капитала, неравномерность развития отдельных отраслей и стран, паразитизм и загнивание капитализма, экономическое и политическое содержание лозунга «Соединенных штатов Европы», ультраимпериализм Каутского, детальный разбор экономических основ оппортунизма и т. д., вплоть до вопроса об особенностях империализма в Новой Зеландии,— по всем этим вопросам мы находим ценнейшие указания и замечания Ленина.

Также и надстройки, политика и экономика, в стадию империализма находят всестороннее освещение в тетрадях. Изменения в области политики, разложение буржуазного парламентаризма и поворот к реакции подвергаются анализу в этих знаменитых ленинских тетрадях. Ленин тщательно прослеживает, как складывались блоки капиталистических стран в период империализма.

Ленин анализирует изменения в соотношении классов, изменения в области идеологии, отмечает особенности в отдельных странах, вплоть до Н.-Зеландии, Австралии, Туркестана. Ход раздела и нового передела мира, история колониальных захватов предстают перед нами во всей конкретности. Одним словом, Ленин изучает империализм как высшую ступень в развитии капитализма, в единстве экономики и политики, устанавливает все основные отличительные признаки этой последней стадии капитализма — кануна социалистической революции.

Мы остановимся лишь на некоторых основных вопросах, которые освещаются в тетрадях, опубликованных в XXVIII «Ленинском сборнике». В этом сборнике мы находим самых разнообразных авторов. Здесь и Гобсон, автор фундаментальной книги об империализме, здесь и немецкий империалист профессор Шульце-Гевеверниц, здесь и Вирт с его «мировой историей современности», здесь и небезызвестный Тардье, далее немецкий военный авторитет Бернгарди, немецкий империалист Рорбах, Гельферих, Кальвер, Вальтерсхаузен и т. д. и т. п. Подвергся также рецензированию ряд фундаментальных статистических справочников. Целый ряд из этих буржуазных авторов подвергается уничтожающей критике. Об известном германском «ученом» Шульце-Гевевернице Ленин резюмирует: «Величайший мерзавец, пошляк, кантианец, за религию, шовинист,— собрал некоторые очень интересные факты об английском империализме и написал бойкую, не скучную книгу. Ездил по Англии, много собрал материала и наблюдений. Награбили г.г. англичане, дайте и нам пограбить, «освятив» грабеж Кантом, боженькой, патриотизмом, наукой = вот суть позиции сего «ученого»!!

(Много и лишней болтовни)» (стр. 125).

О другом, тоже профессоре, Вегенере Ленин пишет: «Автор реакционная сволочь» (стр. 217). О германском дипломате Рюдорфере.

написавшем книгу под названием «Основные черты современной мировой политики», Ленин пишет: «Претензии на социологию и философию = глупейшая бляга чеокантианского пошиба о народе, как личности, сравнения с лесом (повторено десятки раз), о божественности и т. п. вздор» (стр. 351). Несмотря на это, Ленин использует весь ценный материал, собранный этими авторами, и, можно сказать, заставляет их свидетельствовать против капитализма. Научно проработав и сгруппировав громадный конкретный материал, публикуемый известным немецким статистиком — экономистом Кальвером, Ленин мастерски иллюстрирует этим материалом громадное обострение и углубление всех основных противоречий капитализма в эпоху империализма и использует его для уничтожающей критики филистера Каутского, старающегося затушевать эти противоречия, факт их обострения, факт обострения классовой борьбы. Мы знаем, как на основе научно очищенного от буржуазного шлама материала и данных, приводимых целым рядом буржуазных ученых, Ленин в своем «Империализме» вскрывает основные тенденции развития империализма, как высшей стадии капитализма.

Особенно широко реферирует Ленин известную книгу английского профессора социал-либерала Гобсона «Империализм», вышедшую в 1902 г. Ленин называет эту книгу «главным английским трудом об империализме», дающим хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма. Социал-либерал Гобсон правильнее «марксиста» Каутского учитывает особенности современного империализма.

Как подобает социал-либералу, Гобсон считает империализм извращением природы и задачи национализма. Ленин, выписывая это место, подчеркивает его два раза и ставит два восклицательных знака (стр. 21). Ленин отмечает то место в книге Гобсона, где говорится об оживлении старого колониального духа в конце XIX в. (например, в 80-х гг. во Франции), выписывает, как Бельгия проглотила в 1883 г. свободное государство Конго (стр. 25). Гобсон анализирует основные отличительные признаки нового империализма, заключающиеся в конкуренции нескольких империализмов, нескольких «сорежущихся империй, каждая из которых руководится одинаковыми вожделениями к политическому расширению и к коммерческой выгоде»; во-вторых, господством над торговыми интересами интересов финансовых или относящихся к помещению капитала. Ленин отмечает это место и приписывает: «NB: отличие нового империализма от старого» (стр. 77).

Вывоз капитала является одним из основных признаков империализма, рост вывоза капитала является его характернейшей чертой. Гобсон указывает, что в 1893 г. британский капитал, помещенный за границей, составлял около 15% всего богатства Соединенного королевства. Ленин подчеркивает двумя чертами и ставит нотабене там, где Гобсон говорит, что «современная внешняя политика Великобритании является прежде всего борьбой за выгодные рынки для вложений капитала» (стр. 33). Гобсон усматривает сущность империализма в развитии рынков для помещения капитала. Ленин подчеркивает это место и пишет сбоку: «Суть империализма» (стр. 83). Конкретизируя свои положения, Гобсон указывает, что доход Великобритании от помещенного капитала в 5 раз больше дохода от внешней и колониальной торговли. Ленин, подчеркивая это место, выписывает сбоку: «18 миллионов против 90 миллионов (фунтов стерлингов)» (стр. 35).

В сочинении прохвоста Шульце-Геверница Ленин ставит против того места, где говорится, что «доход от заграницы» Британии увеличился в несколько раз быстрее, чем народный доход, сбоку: «в 2 раза и в 9 раз» (стр. 131). Таким образом, материалы Шульце-Геверница привлечены к тому, чтобы ярче вскрыть особенности и сути нового империализма.

Ленин тщательно изучает материалы и данные, свидетельствующие об усилении неравномерности развития при империализме отдельных отраслей и стран, разных частей всемирного хозяйства. В этом отношении железнодорожное строительство является чрезвычайно важным показателем, ибо «жел. дороги, это — итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, каменноугольной и железодобывательной, итоги — и наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации... Распределение желдорозной сети, неравномерность его, неравномерность ее развития, это — итоги современного монополистического капитализма во всемирном масштабе»¹.

Ленин обрабатывает груду сырых материалов и приводит построенную им таблицу, ярко показывающую, что хотя развитие Германии за последние два десятилетия до войны и шло значительно быстрее, чем Англии, не говоря уже о Франции, однако прирост железных дорог в Англии, с ее обширными колониями, вчетверо больше, чем прирост железных дорог в Германии. Это ярко свидетельствует о несоответствии между развитием производительных сил и накоплением капитала, с одной стороны, и разделом колоний и «сфер влияния» — с другой.

Ленин необычайно тщательно изучает данные о железных дорогах в 1890 и в 1913 гг., берет богатый по материалам статистический ежегодник германского государства, дает свою группировку, имеющую большее значение, чем десятки ученых трактатов ученых мужей буржуазии, и представляющую большую ценность для экономистов и историков, заставляет ожить эти цифры и свидетельствовать против капитализма, показывает, как культурное дело постройки железных дорог превращается при капитализме в орудие угнетения и грабежа миллиарда людей (стр. 196, 197 «Ленинского сборника»).

В связи с книгой Геннига о «Железных дорогах мира» Ленин говорит о «бесстыднейшей борьбе держав из-за концессий (на железные дороги, — например, в Китае), надувательство и т. д. и т. п.» (стр. 401).

Из всей груды материалов о железных дорогах Ленин делает вывод: «Непропорциональность между развитием производства железа и угля, с одной стороны, и постройкой железных дорог, с другой (монополия = колонии) бьет в глаза.

К вопросу о монополиях и финансовом капитале!!» (стр. 197).

Паразитизм и загнивание капитализма являются одной из основных черт империализма. Для доказательства этого Ленин широко использует Гобсона. Гобсон рисует перспективу того, как маленькая кучка богатых аристократов потребляет дивиденды и пенсии, получаемые с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 74. «Империализм, как высшая стадия капитализма».

же отрасли промышленности исчезли бы и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы, как дань, из Азии и Африки. Ленин пишет: «NB: перспектива паразитизма» (стр. 81).

Империалист Шульце-Геверниц приводит дополнительные материалы о паразитизме и загнивании. Шульце-Геверниц, с большой наглостью говоря о «культурно-историческом оправдании империализма», отмечает также и опасность, заключающуюся в том, что Европа «перекладывает всю вообще работу сначала в области сельского хозяйства и горного дела, а затем также более грубый промышленный труд на цветное человечество, а сама переходит на роль рантье». Ленин сбоку пишет: «NB: «Европа» = рантье (едет на неграх)» (стр. 137). Ленин выписывает из сочинения Шульце-Геверница самые дальние примеры загнивания и паразитизма, то место, где автор говорит о противоречии между районами южной Англии, с их вилами, где промышленное и сельскохозяйственное производство отодвинуто на второй план, и производящими фабричными районами севера, и отмечает на полях: «14 миллионов фунтов стерлингов!! (расходов на скаковых лошадей и лисьи охоты в Англии)» (стр. 143 и 145).

Необычайно ярко раскрывает Ленин экономический и политический смысл троцкистского лозунга о «Соединенных Штатах Европы». Там, где Гобсон говорит, что трест главных европейских держав был бы эксплуатацией внеевропейских стран, Ленин пишет: «К вопросу о Соединенных Штатах Европы...» (стр. 69). Ленин подчеркивает также тремя чертами то место, где Гобсон говорит, что настоящая драма начнется тогда, когда силы международного империализма будут использованы для «мирного открытия» Китая. Ленин пишет сбоку: «Соединенные Штаты Европы».

Ленин указывает, что Гобсон правильно оценивает значение «Соединенных Штатов Европы» в современной империалистской обстановке. В своей знаменитой статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» Ленин указывает, что «Соединенные Штаты Европы» при капитализме равняются соглашению о дележе колоний»¹.

Совсем не случайно, что именно в борьбе с троцкистским лозунгом «Соединенные Штаты Европы» Ленин формулировал с исключительной четкостью закон неравномерного развития капитализма и о возможности победы социализма в одной отдельно взятой капиталистической стране.

Как и подобает социал-либералу, Гобсон, описывая добросовестно империализм нового времени, предается мечтам: «Если бы потребности данной страны повысили свое потребление в соответствии с ростом производительных сил, то тогда не могло бы быть излишка товаров или капиталов, кричащего о том, что необходимо прибегнуть к империализму, дабы найти новые рынки».

Ленин пишет на полях: «Ха-ха! Суть мещанской критики империализма». Это гобсоновское «если бы» предполагает, чтобы капитализм перестал быть капитализмом. «Неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс есть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны»².

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 231.

² Там же, т. XIX, стр. 120.

Ленин тщательно вскрывает экономические основы оппортунизма, заключающиеся в том, что капиталисты, посредством уступки маленькой части своей гигантской прибыли, проистекающей из эксплуатации колоний, подкупают рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Ленин ставит нотабене против того места, где Гобсон говорит о подкупе правящим классом из своих гигантских прибылей «низших классов, чтобы они оставались спокойными» (стр. 59).

Там, где Шульце-Геверниц пишет, что религиозные секты в Англии опираются на средние классы и отчасти на верхние слои рабочих, Ленин пишет: «NB, рабочие верхи и религия» (стр. 125). Там, где Шульце-Геверниц указывает, что рабочие Англии, организованные в профсоюзы, «давно вступили на путь практической политики» и что действующее избирательное право отстраняет от участия действительно пролетарский низший слой, Ленин пишет: «вернуться паки и паки» и «очень важно!» (стр. 133).

В другом месте «ученого» труда Шульце-Геверница Ленин формулирует: «Очень важные признания:

(1) «связь» социализма с шовинизмом.

(2) Условия «осуществления» социал-шовинизма (государство-рантье, охрана политическая, рабство колоний и пр.)...

(3) Исключительность и аристократизм рабочих («кули») (стр. 149).

Эту же связь рабочей аристократии с империализмом отмечает Ленин при чтении книги Зигфрида о Новозеландии (стр. 301—305).

В беспощадной борьбе против оппортунизма и социал-шовинизма, при вскрытии его сущности и политики, Ленин использует также признания некоего Бельгера, бывшего генерального секретаря имперского союза борьбы с социал-демократией.

В сборнике мы находим также в разных местах беспощадную критику «теории» ультраимпериализма Каутского, являющейся апологией империализма.

По сборнику рассыпаны многочисленные замечания о политической и идеологической надстройках, о повороте к реакции в эпоху империализма. Ленин сопровождает двумя восклицательными знаками и выпиской на полях «¹/₃₇» (стр. 49) то заявление Гобсона, что лишь ¹/₃₇ часть из 367 миллионов британских подданных, живущих за пределами Британских островов, имеет сколько-нибудь действительное самоуправление в области законодательства и администрации (стр. 49). Ленин подчеркивает сбоку тремя чертами заявление Гобсона о том, что Англия управляет странами и народами, которые она аннектировала, явно автократическими методами (стр. 51). Отмечено также тремя чертами то место у Гобсона, где говорится, что британский мир, который всегда был бесстыдной ложью, за последние годы стал верхом чудовищного лицемерия и что на границах в Индии, в Западной Африке, Судане, Уганде, Родезии войны почти не прекращаются (стр. 53). Ленин кладет конец либеральной болтовне Вирта о доверии, господствующем между Великобританией и ее доминионами, следующим резюме: «NB: союз привилегированных, участников монополии, в Австралии — монопольные обладатели гигантской территории, сообща грабят «желтых» и «черных» и т. п.» (стр. 271).

Еще до войны Бернгарди в своей книге «Германия и ближайшая война» мечтал о том, чтобы заставить все газеты печатать определенные сообщения правительства, одним словом, мечтал об унифицированной печати как орудии одурачивания масс и культивирования дикого национализма. Ленин сопровождает это «предложение»

империалиста восклицанием «ого» и ставит четыре восклицательных знака (стр. 347).

Опубликованные ленинские тетради имеют громадное значение для марксистской истории империализма: Ленин чрезвычайно кропотливо составляет хронологические таблицы по истории Западной Европы, а также имеющую громадное значение таблицу колониальных захватов и войн, обнимающую все страны света с 1870 по 1913 год. Ленин составляет также веки дипломатической истории, имеющие большее значение, чем десятки трудов ученых мужей буржуазии. Классификацию по периодам Ленин, этот гениальный мастер марксистской диалектики, строит на основе конкретного и всестороннего изучения действительного хода исторического развития. Этой ленинской классификации полностью соответствуют те указания, которые по этому вопросу даны в письме товарищей Сталина, Жданова и Кирова об учебниках по истории.

Одна тетрадь, опубликованная в XXVIII сборнике, носит специальный заголовок «Статистика». Однако, не только в этой тетради, но и в остальных, мы находим тщательно составленные и имеющие большое значение статистические таблицы. Мы знаем ленинские таблицы и цифры, напечатанные в его «Империализме», которые, как тяжелый снаряд, ударяют по капитализму, вскрывая противоречия этой системы хозяйства. На протяжении всего сборника Ленин тщательно выписывает и составляет таблицы, касающиеся ввоза и вывоза, роста продукции, национального дохода, хлебной торговли, железнодорожного строительства и т. д. и т. п. Из груды статистических данных, приводимых в бесчисленных ярбухах, в пухлых трудах буржуазных профессоров — приводимых для того, чтобы в этом океане цифр потопить сущность явлений, — Ленин извлекает как раз то, что вскрывает сущность экономических процессов и связей в эпоху империализма. Цифры у Ленина оживают и, правильно научно сгруппированные, вскрывают и иллюстрируют основные тенденции развития капитализма на последней, высшей стадии его развития.

В ленинских тетрадях приведены также выписки из статей Энгельса и Маркса, в частности, заявление Энгельса о неправильном названии партии, экономическая программа которой не является просто социалистической вообще, а прямо коммунистической.

Мы конечно далеко не исчерпали всего богатства идей в вышедших ленинских тетрадях по империализму. Эти тетради, показывающие нам работу Ленина, этого гиганта мысли, сыграют бесспорно колоссальную роль в области марксистской теории. Ленинские тетради учат нас величайшей конкретности во всей нашей работе, жгучей ненависти к классу эксплуататоров, к строю капитализма. Наш учитель и вождь товарищ Сталин всегда подчеркивал громадную роль теории во всей нашей работе, в нашей борьбе за окончательную победу коммунизма. Опубликование ленинских тетрадей по империализму поднимает всю нашу теоретическую работу на высшую ступень.

Политическая экономия романтизма

Ж. СИМОНД де СИСМОНДИ, Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношении к народонаселению, т. I, перевод под редакцией А. Ф. Кона, Соцэкгиз, М. 1936 г., 386 стр., ц. 11 р.

Возникновение политической экономии романтизма характеризует переломный момент в истории капитализма. Она возникает под влиянием первых стычек борьбы между трудом и капиталом на почве промышленной революции, первых экономических кризисов (1815 и 1825 гг.), растущего недовольства мелкой буржуазии. Она возникает в стране, «где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения»¹. Процесс экспроприации и пролетаризации мелких товаропроизводителей, образование капиталистического перенаселения, резкое обнищание в годы кризиса — таков исторический фон появления политической экономии мелкобуржуазного романтизма. Она подходит к капиталистическому товарному обществу с мелкобуржуазной и мелкокрестьянской меркой защиты интересов трудящихся классов, с мелкобуржуазной точки зрения. «Так возник мелкобуржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но также и в Англии» («Коммунистический манифест»). Основной и первой книгой экономического романтизма являются «Новые начала политической экономии» Сисмонди, полный русский перевод которой впервые предлагается критическому вниманию советских читателей. Изложение содержания этой книги и критики ее Лениным составляет предмет настоящей статьи.

I

В главах I и II первой книги Сисмонди определяет предмет и цель «науки об управлении». Задача этой «науки» состоит в выработке средств, дающих «максимальное благоденствие.. возможно большему числу людей» (С и с м о н д и, стр. 145). Эта цель достигается путем законодательства. Последнее является делом отдельных выдающихся личностей. Законодатель, неоднократно повторяет Сисмонди, должен иметь в виду, что отдельные выдающиеся личности должны стоять выше уровня себе подобных, они служат образцом для всех, им принадлежит роль творцов и руководителей исторического процесса. Но созданием этих исключительных личностей законодатель преследует другую цель, а именно — счастье всех людей. Лишь та нация может быть отнесена к числу цивилизованных, внутри которой существует особая группа выдающихся личностей, глубже и лучше мыслящих и выполняющих поэтому роль руководителей.

Нетрудно видеть в этих реакционных субъективистских рассуждениях Сисмонди прообраз «теории» критически мыслящих личностей

¹ Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест.

русских народников, разоблаченной с гениальным мастерством Лениным.

Эти абстрактно-суб'ективистские положения характерны для мелкобуржуазной точки зрения Сисмонди.

«Наука об управлении» делится на: а) высшую политику и б) политическую экономию.

«Высшая политика должна научить тому, как создавать государственный порядок, возвышающий и облагораживающий души граждан при помощи свободы, как воспитывать граждан в духе добродетели и просвещения, в духе религии, внушающей надежды на другую жизнь, которая вознаградит за страдания в этом мире» (стр. 148). Высшая политика не должна считаться с классами. Она надклассовая наука.

Политическая экономия должна указать правительству, каким образом оно должно управлять системой народного богатства. Она, таким образом, как и высшая политика, есть часть науки об управлении, науки о том, как сделать всех людей счастливыми независимо от их имущественного и классового положения. Государство и его законодатели руководствуются в своей деятельности указаниями этой науки.

Дальше суб'ективист рассуждает о государстве. Государство должно существовать в интересах бедных и богатых. Оно должно выработать совершенный социальный строй. «Совершенный социальный порядок выгоден и бедняку и богачу» (стр. 149). Политическая экономия не должна нарушать этот порядок. Само «провидение» наделило человеческую природу потребностями и страданиями — чертами, которые «поощряют нас к деятельности и к развитию всех наших сил» (стр. 149). Законодатель не должен думать об уничтожении страдания, ибо без него не может быть и добродетели. Поэтому, продолжает Сисмонди, законодатель не должен стремиться к уничтожению имущественного неравенства... «Труд является единственным источником богатства, а стимулом для труда служит именно имущественное неравенство, которое труд беспрерывно воссоздает» (стр. 149). Политическая экономия как часть науки об управлении воздействует (должна воздействовать) на законодателя в направлении создания такого социального строя, который предоставит «как бедному, так и богатому возможность создать себе обеспеченное существование и научит граждан черпать радость жизни в исполнении своего долга» (стр. 149). Нашему советскому читателю ясен классовый смысл сисмондистской «науки» об управлении.

Сущность этой «социологии» долженствования Маркс, Энгельс и Ленин определяют как реакционный, мелкобуржуазный романтизм. В области методологии Сисмонди выступает таким же мелким буржуа, как и в области политики. Его философская «платформа» имеет своим классовым основанием апологию мелкого производства. «Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство являются последним его словом («Коммунистический манифест»).

Именно эта классовая позиция Сисмонди и есть источник суб'ективно идеалистической природы его «науки об управлении».

У него нет исторического взгляда на развитие общества. Все, что лежит вне его реакционных идеалов о цеховщине и патриархальщине, объявляется аномалией, нарушением вечных и неизменных естественных свойств человеческой природы. Рабство, крепостной строй, капитализм объявляются продуктом мнения, деятельности отдельных законодателей. Капитализм есть порождение доктрины школы Адама

Смита; цеховой строй в городе и патриархальность в сельском хозяйстве воплощают истинную природу человека. Сисмонди считает действительное историческое развитие чем-то вроде нарушения навсегда установленного порядка (цеховщины в городе и патриархальности в сельском хозяйстве). Само это нарушение есть продукт деятельности «критически мыслящих» законодателей.

«Новые начала» Сисмонди не отражают ни действительной истории возникновения капитализма, ни самой его сущности, ни перспективы его гибели. Его «Новые начала» осуждают капитализм с позиций отсталого мелкого производителя, они представляют собой романтическую, мелкобуржуазную, сентиментальную, утопическую и реакционную критику капитализма.

II

Главы III—VII содержат краткое изложение развития экономической мысли от классической древности до Рикардо включительно. В этих главах рассыпаны отдельные зерна научной истины, но они тонут в субъективно-идеалистическом подходе к предшествующей и современной ему политической экономии. К числу рациональных зерен можно отнести мысль Сисмонди о том, что отдельные отрасли производства возникли раньше соответствующих им научных дисциплин. «Земледелие служило для удовлетворения основных нужд человека задолго до того, как оно стало предметом науки» (стр. 150).

Этот пример, однако, не типичен для Сисмонди. Для него типично идеалистическое объяснение возникновения и развития экономической науки.

Изложение экономических взглядов Ксенофонта, Аристотеля, Платона и римских юристов не представляет научного интереса. Мало того. Это изложение не полное и не точное. Сисмонди не понимает классовой сущности взглядов разбираемых им выдающихся представителей рабовладельческой философии и политической экономии. Этим объясняется, почему Сисмонди бросает древним философам упрек в том, что они не рекомендовали античному государству «истинных принципов» увеличения богатства и управления им. Романтик остается верен себе и в оценке экономических воззрений мыслителей классической Греции и древнего Рима. Экономисты античного мира, жалуется Сисмонди, не имели в виду интересов всего рабовладельческого общества. Их внимание сосредоточено было на личных интересах, на интересах отдельных лиц. В скрытом виде здесь выражена та мысль, что в своих экономических высказываниях представители античного мира занимались интересами класса рабовладельцев.

«Агроном всегда рассматривал трудный вопрос о рабском труде с точки зрения интересов хозяина, а не с точки зрения общественных интересов» (стр. 151). Та же мысль содержится и в упреке Сисмонди по адресу древних ученых в том, что они не советовали государству рабовладельцев отказаться от своих классовых интересов... в интересах всех классов этого общества. Иначе говоря, романтик упрекает Ксенофонта, Платона, Аристотеля в том, что... они не выработали принципов управления народным богатством в духе его, Сисмонди, «Новых начал политической экономии».

Сисмонди не разобрался в учении Аристотеля о «хрематистике» и «экономике». Он даже не заметил противопоставления «хрематистики» «экономике». А в этом противопоставлении — классовое существо политико-экономических взглядов Аристотеля. В результате рассмотрения экономических теорий Ксенофонта, Платона и Аристотеля

Сисмонди приходит к следующему выводу: в древнем мире не была создана политическая экономия как наука об управлении народным богатством.

О меркантилизме Сисмонди отзывается отрицательно, высказывая ряд правильных и глубоких мыслей. Меркантилизм создан торговцами, купцами, которые, по мнению Сисмонди, были «подданными, а не гражданами». Эти замечания о «подданстве» купцов нужны были Сисмонди для отделения Кольбера от меркантилизма. Меркантилизм отождествлял богатство и деньги. Деньги — это богатство. Их можно получить либо посредством добычи из недр, либо посредством развития внешней торговли. Короли (вроде Карла V) поняли все выгоды внешней торговли с активным балансом. На этой основе и состоялось соглашение королей и торговцев. Так возникает система поддержки торговцев со стороны королей, учреждавших торговые монополии, высокие и запретительные пошлины и т. д. Но этот грубый меркантилизм, основанный на эгоистических интересах союза королей и торговцев, был исправлен Кольбером. Кольбер обратился за советом к корпорациям. Публика поняла и разобралась в этом вопросе, и тогда ...«понадобилось искать более почтенную основу для этих сделок» (стр. 159). Оказывается, что Кольбер перестал считаться с интересами только финансистов и торговцев; в своей деятельности он... исходил из интересов всей нации. «Меркантильная система приняла тогда более благовидную форму» (стр. 159). Сисмонди критикует меркантилизм прежде всего за отождествление понятия богатства с деньгами. Уже по одному этому меркантилисты не могли создать политическую экономия как науку об источнике, сущности богатства и «науку» об его управлении.

В главе VI Сисмонди переходит к характеристике экономической теории школы Кенэ. Он правильно отмечает, что школа Кенэ выступила с теорией, противоположной системе взглядов меркантилистов. Излагая взгляды Кенэ на роль обмена и торговли, Сисмонди не сумел показать слабые стороны этих взглядов. Известно, что школа Кенэ источником богатства считала земледелие — естественный прирост с.-х. продуктов. Этот естественный прирост физиократы называли чистым продуктом природы, который поступал в карман землевладельцев. Стоимость была сведена к потребительной стоимости, прибавочная стоимость — к ренте в виде определенного количества потребительных стоимостей, составляющих излишек урожая над издержками производства в понимании физиократов. А в издержки производства они включали прибыль капиталиста, рассматривая ее как заработную плату последнего. Таким образом, «прибавочная стоимость выводится из природы, а не из общества, из отношений к земле, а не из общественных отношений»¹. Земледелие придает труду большую производительность, сам же по себе труд не является источником стоимости и прибавочной стоимости. «Таким образом, эта прибавочная стоимость кажется даром природы, которая, действуя одновременно с рабочим на данное количество органического вещества — на семена, растения и на животных, дает труду способность превращать большее количество неорганической материи в органическую»².

Физиократы были классиками лишь постольку, поскольку они перенесли вопрос о происхождении прибыли из сферы обращения

¹ Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. I, стр. 44, Соцэкгиз, 1931 г.

² Там же, стр. 43.

в сферу производства. Торговля лишь реализует стоимость, созданную в производстве. Не зная (вследствие ограниченного буржуазного кругозора и неразвитости капиталистических отношений во Франции в период, современный Кенэ) диалектики товара и труда, в нем заключенного, Кенэ не мог дать правильного ответа на вопрос об источнике прибыли промышленной буржуазии и вынужден был, защищая свой физиократический тезис, объявить источником прибыли разницу между покупной и продажной ценой.

Сисмонди не понял классовой природы физиократов. Его смутил феодальный костюм буржуазной теории школы Кенэ: аристократическая внешность школы, защита ею вольтеровских принципов просвещенного абсолютизма, исключение класса землевладельцев из среды непродуцируемых классов, оправдание существования этого класса с правом получения чистого продукта. Сисмонди, так же как и большинство экономистов до Маркса, не понял того, что за покровом идеи абсолютной монархии роль короля-монарха сводилась к исполнению законов «естественного порядка». А последний означал не что иное, как господство крупной буржуазной собственности и свободу ее движения. Программа свободной конкуренции, переложение уплаты налогов на класс землевладельцев — все это характеризует буржуазную сущность экономической теории и программы экономической политики школы Кенэ.

Глава VII завершает первую книгу «Новых начал». В ней идет речь о школе А. Смита. Сисмонди считает Смита основателем «третьей школы политической экономии» (стр. 165). Он правильно подмечает преимущество великого шотландского экономиста перед меркантилистами и физиократами в вопросе об источнике богатства. «Адам Смит искал источник богатства в труде» (стр. 166). Он отбросил «обе односторонние системы, из которых одна видела источник богатства лишь в торговле, а другая лишь в земледелии» (там же). Но Сисмонди обошел физиократические слабости Смита, наиболее полно выраженные в его теории ренты: выделение им земледелия в качестве наиболее производительной сферы применения капитала. Обошел потому, что он сам, отвергая теорию ренты Рикардо, придерживался теории ренты физиократов. По мнению Смита, земля так же, как и труд, является одним из источников стоимости. Корень этой физиократической ошибки — смешение потребительной стоимости и стоимости, непонимание двойственности труда. Поэтому у Смита рента выступает то как часть продукта труда, то как продукт земли. В целом, однако, Сисмонди не понял и не мог понять экономической теории Смита. Выяснение отношения романтика Сисмонди к классу английской буржуазной экономической науки очень важно, на что указывал Ленин.

Сисмонди одно время придерживался полностью экономического учения Смита. Это отношение к Смиту он изложил в своей ранней работе, вышедшей в 1703 г. в Женеве под названием «О коммерческом богатстве или о принципах политической экономии в их применении к торговому законодательству».

Свои «Новые начала» Сисмонди рассматривает как развитие и дополнение системы Смита: «Доктрина Адама Смита есть наша доктрина» (стр. 167). Выражая свое восхищение перед «творческим гением» (слова Сисмонди) Смита, Сисмонди продолжает: «Из доктрины, которую мы заимствовали у Смита, мы делаем выводы, часто диаметрально противоположные тем, которые делал он сам» (стр. 167). «Мы вместе с Адамом Смитом считаем, что труд есть един-

ственный источник богатства, а экономия — единственное средство накопить его, но мы добавляем, что потребление есть единственная цель накопления и что рост народного богатства можно считать фактом только тогда, когда возрастает сумма довольства в стране» (там же). В дальнейшем Сисмонди перечисляет те положения теорий Смита, с которыми он (Сисмонди) не согласен.

1. Смит был за свободную конкуренцию. Сисмонди против нее. Свободная конкуренция способствовала росту богатства отдельных лиц. Но это обогащение отдельных лиц «очень часто влекло за собой жесточайшие страдания для некоторых классов населения» (стр. 168). Смит был против вмешательства государства. Сисмонди ратует за вмешательство правительства. «Только власть может стать выше материальных стимулов к расширению производства, которыми руководствуются отдельные лица, и противопоставить им соображения роста всеобщего довольства и достатка» (там же).

По мнению Сисмонди, быстрый рост английской промышленности есть прямой результат применения принципа свободной конкуренции, провозглашенного доктриной Смита. Капиталистическая конкуренция рассматривается как продукт теоретического принципа Смита — она есть применение этого принципа на практике. Типичный образчик субъективно-идеалистического, романтического истолкования происхождения одного из отличительных свойств экономики капитализма.

2. Адам Смит за безграничное накопление, за безграничное расширение производства, за безграничный рост производительных сил. Сисмонди за ограничение первого, второго и третьего. Потребление — таков лимит накопления, роста производства и производительных сил. И этот вывод Сисмонди делает, соглашаясь с учением (ошибочным) Смита о доходе и о капитале. Доход, ограниченный личным потреблением, — таков исходный пункт романтика, применяемый к анализу важнейших экономических проблем капитализма.

3. В этом же духе он применяет догму Смита, его учение о доходе, к анализу законов капиталистического народонаселения, к применению машин, к выяснению причин кризисов перепроизводства товаров и т. д.

В духе противопоставления своих выводов экономической программе Смита Сисмонди намечает в этой же главе (VII) план изложения своих «Новых начал». Этому изложению посвящены остальные три книги его «Новых начал политической экономии».

Очень важно отметить замечания Сисмонди в этой же главе о Рикардо. Книгу Рикардо «Начала политической экономии и податного обложения» (первое издание появилось в 1817 г.) Сисмонди считает «замечательным образчиком того нового направления, которому следуют экономисты в Англии» (стр. 170). Идеи же этой книги он считает настолько чуждыми ему (Сисмонди), что он не считал бы их нужным цитировать. Единственная причина, которая обязывает его это делать, — «известность этой книги» (стр. 170).

Его «критическое» понимание книги Рикардо выражено в следующих словах. «Талантливая книга Рикардо... была обогащена блестящими критическими замечаниями Сэя» (там же). При этом романтик и не подозревает всей сказанной им пошлости, объявив вульгарные замечания Сэя «блестящими» и «критическими» «обогащениями» книги Рикардо. Рикардо — самый выдающийся представитель и завершитель классической экономии буржуазии. Сисмонди завершает развитие классической экономии во Франции в качестве мелкобуржуаз-

ного критика капитализма и классической экономики буржуазии Англии. Теоретическая критика Сисмонди так же двойственна, как двойственны экономика и политика мелких товаропроизводителей.

III

«Отличительной особенностью теории Сисмонди является его учение о доходе, об отношении дохода к производству и к населению»¹. Книга вторая и четвертая представляют собой изложение этой теории с ее отличительными особенностями, указанными Лениным.

Содержание второй книги представляет романтическую попытку применения ошибочной теории дохода Смита к производству. Перед этим (в главах I и II) Сисмонди сочиняет идеализированный им экономический порядок пустытника, «устанавливает» таким приемом исследования вечные естественные «законы» соотношения между доходом, потреблением, с одной стороны, производством и населением, с другой. Повторяя смитовскую теорию об источниках богатства и его сущности, Сисмонди привносит в эту теорию элементы субъективного идеализма. Так например, продукты приобретают стоимость, по мнению Сисмонди, в силу трех признаков: труда, возможности накапливать и личного потребления. В этом же духе трактуется и вопрос о богатстве. Определение стоимости трудом дополняется субъективным удовлетворением от личного потребления данной вещи.

Однако существо вопроса — в методе исследования, в самом подходе к вопросу. Метод исследования Сисмонди целиком основывается на теории познания субъективного идеализма, философская позиция обусловлена его позицией апологии мелкого производства.

Нарисовав себе идеализированный образ пустытника, Сисмонди противопоставляет этот образ капитализму. Он переносит этот выдуманный «социальный» порядок у изолированного человека в современные условия. Он требует, чтобы в современном обществе было устроено так же, как это представлено в его плане жизни «изолированного человека». Содержание этого плана таково: пустытник рожден с определенными потребностями; эти потребности определяют размер производства, они же регулируют и естественный прирост населения. В этом и заключается естественный порядок, данный к тому же «провидением».

«Все, что верно для отдельного лица, верно и для целого общества, и обратно» (стр. 173). «История этого человека (т. е. пустытника.— М. В.) есть история рода человеческого» (стр. 172). Законы общества — законы изолированного человека. И только злая воля законодателя, теоретический принцип свободной конкуренции школы Адама Смита помешали применению «естественных законов» образования и управления богатством у изолированного человека к современному обществу.

Эти естественные «законы» нарушены превышением производства над потреблением, несоответствием между доходами, с одной стороны, и ростом производства и населения — с другой. «Рост промышленности, рост производства, обгоняющий рост населения, ведет к увеличению неравенства среди людей» (стр. 181). «Превращение же страны в огромную фабрику, а всей нации в производительных рабочих, работающих постоянно, не только не привело бы к богатству, но повлекло бы за собой всеобщее бедствие» (стр. 180).

Приступая к изложению ошибочной теории дохода, Сисмонди ставит вопрос о том, «как доход происходит из капитала» (глава IV).

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 10.

Освещая этот вопрос, Сисмонди подчеркивает эксплуататорское происхождение прибыли капиталистов. В этом отношении он пошел дальше классиков. Но Сисмонди не дал (и не мог дать) научного объяснения происхождения прибавочной стоимости.

«Обыкновенно признают три вида дохода: ренту, прибыль и заработную плату, протекающие будто бы (подчеркнуто нами.— М. В.) из трех разных источников—земли, накопленного капитала и труда. Но при более внимательном рассмотрении можно установить, что эти три вида дохода—это лишь три различные формы пользования продуктами человеческого труда» (стр. 183). Это положение Сисмонди никак не мирится с восхищением Сисмонди «критическими» замечаниями Сэя, обогатившими, якобы, идеи Рикардо. Известно, что именно Сэй выдвинул вульгарную триединую формулу происхождения капиталистических доходов. Рента—продукт земли, прибыль—продукт капитала, заработная плата—продукт труда.

Послушаем, что говорит Сисмонди об эксплуатации рабочего. Рабочий лишен средств производства, «рабочие не имеют других источников дохода, кроме своего труда». «Их труд сделался капиталом для их хозяина». «Один лишь труд обладает способностью создавать богатство». «Поэтому всякий капитал должен быть первоначально употреблен на то, чтобы применить труд». «Зарботная плата есть та цена, за которую имущий приобретает труд неимущего». «Он нуждается в работе для того, чтобы жить; хозяин нуждается в его труде только для того, чтобы получить прибыль». «От порожденного разделением труда роста производительной силы выигрывает один лишь предприниматель»¹. Рабочие—творцы общественного богатства. Их зависимость от богатых увеличивается вместе с ростом населения. Поэтому они, не имеющие ничего кроме своих рук, готовы выполнять всякую работу, «подчиняться всяким условиям, какие будут навязаны, понижать свои требования в отношении платы до крайних пределов. Вознаграждение предпринимателя часто является не чем иным, как ограблением рабочего. Предприниматель получает это вознаграждение не потому, что его предприятие приносит много больше, чем стоит производство, а потому, что он не уплачивает всего, что оно стоит, потому что рабочие не получают за свою работу достаточной платы» (стр. 187). Местами Сисмонди называет прибыль на капитал вознаграждением за пользование рабочими его (капиталиста) машинами и сырьем. Но и в этих случаях вознаграждение рассматривается как продукт труда рабочего. Это подтверждается и тем, что Сисмонди в ряде мест своей книги называет прибыль на капитал сверхстоимостью. Дело не в словах, а в том, что прибыль капиталиста Сисмонди рассматривает как продукт применения труда наемного рабочего.

Но поставив вопрос о противоречиях между трудом и капиталом, Сисмонди заменил научный анализ этих противоречий мелкобуржуазной моралью. Мы привели выше указания Ленина на отличительные особенности теории Сисмонди. Ленин постоянно подчеркивает как характерную черту экономического романтизма отворачивание от противоречий капитализма, мелкобуржуазную мораль, сетования, добренькие пожелания вместо научного анализа антагонистических противоречий капитализма.

Вся аргументация Сисмонди базируется на отрицании возможности образования внутреннего рынка для капитализма в силу расслоения мелких товаропроизводителей (крестьянства в особенности)

¹ Все цитируемые выдержки со стр. 186.

в силу превышения производства над потреблением. При этом вся «решающая» аргументация проистекает из смитовской теории дохода и капитала. Пересказу смитовской теории дохода, применению ее к взаимоотношению производства и потребления посвящены главы V и VI первой книги.

Ошибочную теорию дохода Смита и применяет Сисмонди в качестве доказательства невозможности образования внутреннего рынка, «невозможности реализовать продукт вообще и сверхстоимость в частности»¹, невозможности накопления. На этой же ошибочной теории дохода покоится его ошибочное объяснение кризисов несоответствием производства потреблению, романтическая, реакционная постановка вопросов о применении машин, о народонаселении и т. д.

IV

Такие же результаты дала попытка Сисмонди поставить и разрешить вопрос о взаимоотношении дохода и капитала. И в этом вопросе существует непосредственная преемственность между Сисмонди и Смитом. Причем полное бессилие установить различие между капиталом и доходом теснейшим образом связано с указанной выше ошибочной теорией дохода — сведением всего производства капиталистического общества к заработной плате и прибыли — ко вновь созданной стоимости. «Она (теория, что все производство состоит из $v + m$.— М. В.) не составляет его достоинства. Он целиком перенял ее у Ад. Смита, сделав даже некоторый шаг назад. Вся последующая политическая экономия (Рикардо, Милль, Прудон, Родбертус) повторяла эту ошибку, раскрытую только автором «Капитала» в III отделе II тома»².

Уже самый факт исключения постоянного капитала из годового общественного продукта делает невозможным постановку вопроса о различии между капиталом и доходами. Постоянный капитал в процессе общественного капиталистического воспроизводства не может составлять доход. Средства производства — материально-вещественное содержание постоянного капитала. Они могут быть использованы только в сфере производительного потребления. Стоимость их расходуется только как капитал, а не как доход. Поскольку средства производства потребляются, они потребляются как капитал.

Ни классики, ни вслед за ними Сисмонди не понимали капитал как определенное овеществленное классовое производственное отношение. Они отождествляли капитал со средствами производства: они рассматривали эту экономическую категорию как естественную. Тем самым они увековечивали капитализм, рассматривая его как естественную, и, стало быть, абсолютную форму производства.

Прибавочная стоимость также не может быть вся сведена к доходу. Часть ее идет в накопление, т. е. превращается в дополнительный постоянный и переменный капитал. Приобретенные за счет накапливаемой части прибавочной стоимости новые или дополнительные средства производства, а также вновь покупаемая дополнительная рабочая сила функционируют как капитал. Вот почему эту часть прибавочной стоимости ошибочно рассматривать как доход. И это в одинаковой степени относится к отраслям, производящим средства производства, и к отраслям, производящим

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 31.

² Там же, стр. 18.

средства потребления. Средства производства (постоянный капитал; и накапливаемая часть прибавочной стоимости расходуются и функционируют как капитал в обоих подразделениях.

При простом воспроизводстве вновь созданная стоимость по величине совпадает с доходом, при расширенном воспроизводстве они не могут быть равны.

«...исходным пунктом в рассуждении об общественном капитале и доходе — или, что то же, о реализации продукта в капиталистическом обществе — должно быть разделение двух совершенно различных видов общественного продукта: средств производства и предметов потребления. Первые могут быть потреблены только производителем, вторые — только лично. Первые могут служить только капиталом, вторые должны стать доходом, т. е. уничтожиться в потреблении рабочих и капиталистов. Первые достаются целиком капиталистам, вторые — распределяются между рабочими и капиталистами»¹. Эта мысль Ленина является решающей для критического рассмотрения романтических выводов, сделанных Сисмонди из ошибочной теории дохода А. Смита.

V

«Первый ошибочный вывод из ошибочной теории, — говорит Ленин, — относится к накоплению»². Этот вывод сводится к романтическому требованию о том, «что производство должно соответствовать потреблению, что производство определяется доходом»³.

«Национальный расход, — говорил Сисмонди, — должен регулироваться национальным доходом и должен поглотить в форме потребительного фонда всю сумму производства» (стр. 196). Цель накопления — потребление. Потребление определяется доходом ($v + m$). Доходы устанавливают границы производства. Так поступает выдуманный Сисмонди пустынный. «Пустынный, когда у него оказывается больше пищи, одежды, жилища, чем он может употребить, перестает работать» (стр. 198). Верно, некоторое изобилие «радует его (пустынного. — М. В.) воображение, но оно имеет свои пределы» (там же). Пустынный перестает обольщаться этим изобилием и он перестает работать. Он поступает в соответствии с естественным законом — соответствия производства потреблению, потребления — доходу. «Точно так же, как рассуждает этот человек, рассуждает и все общество» (стр. 198).

В сентенциях романтика содержится прямое отрицание накопления при капитализме. «В конце концов сумма производства данного года только обменивается всегда на сумму производства прошлого года» (стр. 200). Ленин по этому поводу замечает: «Тут уже накопление совершенно отрицается: выходит, что рост общественного богатства невозможен при капитализме»⁴.

Сисмонди допускает накопление, но лишь в меру справедливого, т. е. равного, распределения излишка производства над потреблением. Он пишет: «Если производство возрастает постепенно, то обмен каждого года причиняет лишь небольшую потерю каждого года, улучшая в то же время условия для будущего. Если эта потеря легка и хорошо распределена, то каждый перенесет ее, не жалуясь на уменьшение дохода... Если же несоответствие между новым про-

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 24.

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 19.

⁴ Там же, стр. 20.

изводством и предшествующим велико, то капиталы гибнут, получается страдание, и нация идет назад вместо того чтобы прогрессировать» (стр. 200).

По поводу этого положения Сисмонди Ленин пишет: «Трудно рельефнее и прямее высказать основное положение романтизма и мелкобуржуазного воззрения на капитализм, чем это сделано в данной тираде»¹.

Весь смысл этой «теории соответствия» состоит в отрицании роста рынка при капитализме — из превышения производства над потреблением делается вывод о невозможности роста рынка. Рост внутреннего рынка несовместим с накоплением в капиталистическом обществе. Сисмонди ратует за пропорциональное развитие всех частей общественного производства, за соответствие производства потреблению. «Добрый Сисмонди,— замечает Ленин,— думает, что «непропорциональное» развитие не есть развитие (как думают и наши народники), что эта непропорциональность — не закон данного (капиталистического.— М. В.) строя общественного хозяйства и его движения, а «ошибка» законодателя и т. п., что это искусственное подражание европейских правительств Англии, которая пошла по ложному пути»².

Для капитализма характерен антагонизм между ростом производства и узким базисом потребления народных масс. Законом капиталистического накопления является тот факт, что все большая часть прибавочной стоимости превращается в постоянный капитал. Это означает более быстрый рост того подразделения капиталистического хозяйства, которое производит средства производства. Следовательно, продукты личного потребления в общей массе капиталистического производства занимают все меньшее и меньшее место. Рост внутреннего рынка происходит главным образом за счет первого подразделения «общественного» производства. Рынок личного потребления отстает — и чем дальше, тем больше — от рынка средств производства. Но более быстрый рост этого последнего натывается на резкое отставание потребления народных масс. Этот антагонизм усиливается все большим распространением и внедрением машин, ростом органического состава капитала, т. е. ростом производительных сил. Это — противоречие, но это реальное противоречие, в рамках которого и совершается движение капитализма. Сисмонди был одним из первых, указавших на это противоречие. Но он не понял его, отделавшись мелкобуржуазной моралью насчет несоответствия пропорционального распределения и равенства потребления. Он не мог понять всеобщего закона капиталистического накопления: рост и концентрация богатства на одном полюсе, рост нищеты на другом социальном полюсе, антагонизм между тенденцией производства к неограниченному росту и узким базисом потребления народных масс. Превышение капиталистического производства над потреблением есть внутреннее, присущее капитализму, антагонистическое противоречие. «Это превышение необходимо при всяком накоплении, открывающем новый рынок для средств производства, без соответственного увеличения рынка на предметы потребления и даже при уменьшении этого рынка»³.

Второй ошибочный вывод Сисмонди, вытекающий «из ошибочной теории об общественном доходе и продукте в капиталистическом

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 20.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 30.

обществе, это — учение о невозможности реализовать продукт вообще и сверхстоимость в частности и, как следствие этой невозможности, необходимость внешнего рынка»¹.

Эта теория «невозможности» непосредственно вытекает из сведения стоимости общественного продукта к доходам. Она (эта «теория») базируется на исключении постоянного капитала из стоимости продукта, на игнорировании производительного потребления. Сисмонди свел всю проблему реализации к личному потреблению, отождествив то и другое. Проблема реализации есть проблема возмещения всех частей общественного продукта и по их материальной форме и по их стоимости. При сведении реализации к личному потреблению остаются в тени рынок средств производства и его рост, остается в тени вся проблема воспроизводства общественного капитала.

«Раз исправлена эта ошибка, исчезает и «невозможность». Но то же самое приходится оказать и в частности о сверхстоимости: этот анализ (анализ реализации общественного продукта вообще.— М. В.) разъясняет и ее реализацию. Нет решительно никаких разумных оснований выделять сверхстоимость из всего продукта по отношению к ее реализации»².

«Вопрос о внешнем рынке не имеет абсолютно ничего общего с вопросом о реализации, и попытка, связать их в одно целое характеризует лишь романтические пожелания «задержать» капитализм и романтическую неспособность к логике»³. Мало того. Связывая всю проблему реализации с внешним рынком, романтики демонстрируют, как указал Ленин, не только непонимание этой реализации, но и крайне поверхностное понимание противоречий, свойственных этой реализации.

Дело в том, что все части общественного продукта (с, v и m) и по стоимости и по материальной форме «все одинаково реализуются лишь среди «затруднений», среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма, среди бешеной конкуренции, которая принуждает каждого предпринимателя стремиться к безграничному расширению производства, выходя за пределы данного государства, отправляясь на поиски новых рынков в странах, еще не втянутых в капиталистическое обращение товаров»⁴.

Необходимость внешнего рынка вытекает не из «невозможности» реализации общественного продукта внутри капиталистических стран, а из присущего капиталистическому производству стремления «к безграничному расширению»⁵. Указывая на это свойство капиталистического производства, Ленин гениально характеризует существенные черты докапиталистических способов производства. Стремление капиталистического производства к безграничному расширению Ленин выделяет как «противоположность всем старым способам производства, ограниченным пределами общины, вотчины, племени, территориального округа или государства»⁶. «При всех старых хозяйственных режимах производство возобновлялось каждый раз в том же виде и в тех же размерах, в которых шло раньше»⁷. Эти указания

¹ Там же, стр. 31.

² Там же, стр. 32.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 33—34.

⁵ Там же, стр. 34.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Ленина должны лечь в основу разработки вопросов о воспроизводстве в докапиталистических формациях.

«Третий ошибочный вывод Сисмонди из перенятой им неправильной теории Ад. Смита есть учение о кризисах»¹.

Причину кризисов Сисмонди видел в отсутствии равновесия между производством и потреблением, в превышении производства над потреблением, откуда он делал вывод о невозможности реализации продукта вообще, прибавочной стоимости — в частности. Теория кризисов Сисмонди является прямым следствием его ошибочных воззрений по вопросам накопления и реализации.

Эта связь особо наглядно выступает в четвертой книге (первые четыре главы). Собственно, вся четвертая книга представляет наиболее полное применение теории дохода Ад. Смита к вопросам о капиталистических рынках и кризисах.

Сисмонди связывал появление кризисов с капитализмом. Но его объяснение кризисов недопотреблением, несправедливым распределением уходит от существа вопроса. Это объяснение неверно уже по одному тому, что недопотребление имело место и в докапиталистических формациях, однако, кризисов перепроизводства товаров там не было и не могло быть. Недопотребление есть производное от основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Это основное противоречие капитализма есть коренная причина экономических кризисов, свойственных только капитализму.

Народники, в частности Эфруси, пытались отождествить марксистскую и сисмондистскую теории кризисов. Ленин разбил эти попытки и показал политическое и политико-экономическое значение необходимости различать эти две противоположные друг другу теории кризисов. Марксистская теория видит причину кризисов в капиталистическом производстве. Мелкобуржуазная теория романтика Сисмонди видит причину кризисов в недопотреблении, в распределении, во всяком случае он искал ее вне пределов капиталистического производства. Сисмонди связывал свой взгляд на кризисы с романтическим отрицанием капитализма, с критикой его с позиций возврата назад, к патриархальному сельскому хозяйству и цеховому строю в городе. Марксистская теория кризисов связана с научным обоснованием, возникновения, развития и неизбежности гибели капитализма через революцию пролетариата, с перспективой перехода к высшей формации, к коммунизму, на основе пролетарской диктатуры. Две разные теории, две разные критики, две противоположные исторические перспективы.

Этим исчерпывается основное содержание политической экономии романтизма, основателем и классическим представителем которого был Сисмонди.

VI

Однако этим не исчерпываются все разделы экономической теории Сисмонди. В третьей книге Сисмонди рассматривает вопрос о «земельном богатстве». Суть этой книги состоит в сплошной идеализации производства мелкого крестьянина. «Он выступает здесь чистым идеологом мелкого крестьянина»². Его полемика с Рикардо характерна тем, что «он не столько опровергает Рикардо, сколько отвергает

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 35.

² Там же, стр. 42.

вообще перенесение на земледелие категорий товарного хозяйства и капитализма»¹. Вся «критика» теории ренты Рикардо сводится к пересказу физиократической теории чистого продукта. «Труд природы... есть сила, источник чистого продукта земли, рассматриваемого в его внутренней стоимости» (стр. 290). «Мы рассматривали ренту (le fermage) или, вернее, чистый продукт, как происходящий непосредственно из земли в пользу собственника» (стр. 291).

Дальше Сисмонди читает мораль Рикардо, по вине которой политическая экономия... стала наукой «простого расчета», вместо того чтобы быть наукой моральной (стр. 291). Русские народники лишь повторили эти романтические сентименты Сисмонди.

Для характеристики мелкобуржуазной реакционной природы экономического романтизма отметим отношение Сисмонди к применению машин и к капиталистическому народонаселению. Надо отметить заслугу Сисмонди в постановке этих вопросов. Заслуга его здесь в том, что он указал противоречия, связанные с развитием капиталистической машинной индустрии и образованием излишнего населения. Но опять-таки Сисмонди лишь поставил вопрос об этих противоречиях, но не дал правильного решения его, отделавшись реакционными рассуждениями на тему о том, в каких случаях применение машин морально оправдано. Их применение допустимо с его точки зрения лишь тогда, когда вызванный применением машин рост производства следует за увеличенным спросом и увеличением потребления. И здесь Сисмонди остается верен теории дохода Смита — он применяет ее в качестве этического мерил допустимости использования машин, если производство отстает от потребления. Существование решения этого вопроса насквозь реакционное, ибо это решение означает призыв назад; к цеховщине.

В том же духе Сисмонди ставит и решает вопрос о капиталистическом избытке населения. «Сисмонди не дал абсолютно ничего для теоретического анализа перенаселения... Его взгляд складывается из оригинального сочетания мелкобуржуазных симпатий и мальтузианства»². Он рекомендует ограничить естественный рост населения рамками доходов. Сисмонди призывает религию к осуждению браков в рабочей среде, если только не соблюдено это условие, т. е. согласование роста брачных пар с их доходами.

«Раз только затронут его идеал — мелкий буржуа, Сисмонди является более мальтузианцем, чем сам Мальтус»³.

VII

В заключение о значении Сисмонди в истории политической экономии. «Если в лице Рикардо политическая экономия беспощадно делает свой последний вывод и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот результат, представляя на себе самое ее сомнения»⁴.

Развивая это положение Маркса, Ленин пишет: «Таким образом автор «Критики» сводит значение Сисмонди к тому, что он выдвинул вопрос о противоречиях капитализма и таким образом поставил задачу дальнейшему анализу». Дальше Ленин указывает на характеристику Марксом воззрений Сисмонди как воззрений ненаучных, отражающих «его реакционную мелкобуржуазную точку зрения»⁵.

¹ Ленин, там же.

² Там же, стр. 48.

³ Там же, стр. 49.

⁴ Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1933 г., стр. 79.

⁵ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 63.

Сисмонди не ограничился тем, что «он в себе самом представлял сомнения «классической экономии». «Он... пытался разрешать сомнения и пытался крайне неудачно»¹.

Сисмонди противопоставлял мелкое производство, как естественный строй, крупному капиталистическому производству. «Сисмонди не понимал неразрывной и естественной связи крупного капитала с мелким самостоятельным производством, не понимал, что это — две формы товарного хозяйства»². Сисмонди критиковал товарное производство в одной форме — в форме крупного капиталистического производства, «впадая в утопию, возводил в апофеоз мелкого производителя (особенно крестьянство), т. е. товарное хозяйство в другой, только зачаточной форме»³.

Мелкобуржуазное существо воззрений Сисмонди (и русских народников) в том, «что он не понимает связи между мелким производством (которое идеализирует) и крупным капиталом (на который нападает)», в том, «что он не видит, как излюбленный им мелкий производитель, крестьянин, становится в действительности мелким буржуа»⁴. Он не понимал того, что, защищая мелкое производство, он защищал ту форму товарного производства, из которой рождается капитализм. И европейские романтики начала XIX в. и русские романтики конца XIX в. видели в мелком производстве особую социальную форму, как будто бы не имеющую ничего общего с товарным производством. Поэтому для них осталось тайной расслоение идеализированных ими мелких товаропроизводителей: с одной стороны, отделение небольшого меньшинства крупных капиталистов, с другой — выталкивание из своей среды большинства в ряды пролетариата. В этом расслоении — закон развития простого товарного производства в условиях капитализма. И лишь пролетарская революция открывает новую эру в развитии этого хозяйства — эру социалистического преобразования. Победа колхозного строя в СССР — таково революционно-практическое подтверждение этого положения. В этой победе величайшая международная сила плана коллективизации Ленина и Сталина.

Характерная черта практической программы романтизма состоит в игнорировании связи противоречий капитализма с реальными интересами реальных классов. Романтики объясняли происхождение этих противоречий мнениями отдельных людей, ошибочными доктринами (Смит, Рикардо и др.) и т. д. Субъективный идеализм — на службе теории экономического романтизма, на службе его практической программы. Отсюда апелляция к законодателю, государству как надклассовой организации, апелляция в целях установления опеки, в целях задержки развития капитализма. Отсюда же предложение о дележке богатства между большим числом собственников и т. д. Смысл этой программы — идеализация «условий, воспроизводящих патриархальные условия седой старины»⁵.

Ленин подчеркивает реакционность и утопичность мелкобуржуазной критики капитализма, практических пожеланий романтиков.

«Нелепость плана Сисмонди состоит не в том, что он защищал целиком цехи, хотел восстановить их целиком — этой задачи он не ставил. Нелепость заключается в том, что он берет за образец с о ю з,

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 63.

² Там же, стр. 62.

³ Там же, стр. 62—63.

⁴ Там же, стр. 80.

⁵ Там же, стр. 94.

возникший из узких, примитивных потребностей в объединении мелких ремесленников, а хочет приложить эту мерку, этот образец к капиталистическому обществу, в котором объединяющим, обобществляющим элементом является крупная машинная индустрия, ломающая средневековые перегородки, стирающая местные, земляческие и профессиональные различия»¹.

Приложение старой мерки к новому обществу, измерение крупной машинной индустрии патриархальным аршином — таково реальное основание для квалификации романтика реакционером. Эта реакционность прямо связана с его практическим пожеланием — вернуть «класс поденщиков» в «класс собственников». «Вернуть» в класс собственников — в этих словах вся суть доктрины Сисмонди»².

Ленинская критика западного и русского романтизма в политической экономии имела крупнейшее международно-революционное значение. Критика идей народничества, этого злейшего врага марксизма, была неразрывно связана с борьбой Ленина и Сталина за создание большевистской партии как передового авангарда рабочего класса. Она составляла неотъемлемую часть борьбы за буржуазно-демократическую революцию, за ее перерастание в революцию пролетарскую. Она являлась составной частью борьбы за установление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, за гегемонию рабочего класса в этом союзе. Значение ленинской критики романтизма не ограничивается рамками исторического прошлого. Ее значение восходит до наших дней. Ее актуальность освещена и практически показана борьбой партии против контрреволюционной партии эсеров в дни Великой пролетарской революции, против контрреволюции кулацкой партии Чаяновых, Кондратьевых и их с ними.

Ее революционное значение показано ленинско-сталинским планом коллективизации, политикой ликвидации кулачества как класса, победой колхозного строя в СССР.

Два слова о настоящем издании книги «Новые начала политической экономии» Сисмонди. Это — первое издание всей книги целиком на русском языке. Впервые эта книга появилась на русском языке в сокращенном издании Солдатенкова. Перевод был сделан народником Эфруси, им же было написано и предисловие к ней, а также специальная статья: «Социально-экономические воззрения Симонда де Сисмонди»³. Эта статья выражала отношение русских народников к Сисмонди. Ленинская критика статьи Эфруси⁴ и работ других народников показала классовое сходство взглядов западных романтиков начала XIX в. и русских романтиков конца XIX в.

Разумеется, это издание устарело и представляет в лучшем случае библиографический интерес.

Настоящее издание можно поэтому считать первым научным марксистским изданием основной и первой работы политической экономии романтизма. Отметим хорошее оформление книги. Особо отметим как прекрасное и правильное начинание включение в это издание основной работы В. И. Ленина, дающей гениальную критику политической экономии романтизма.

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 95.

² Там же, стр. 99.

³ См. журнал «Русское богатство», 1896 г., № 7 и 8.

⁴ См. Ленин, Собр. соч., т. II, «К характеристике экономического романтизма».

Угольная промышленность СССР в 1935—1936 гг.

Намеченный вторым пятилетним планом на 1935 г. план добычи угля выполнен на 99%. Угольная промышленность дала стране 109,2 млн. т угля. Прирост по сравнению с 1934 г. составил 16,0% при запроектированном пятилетним планом приросте в 14,3%. Это достигнуто на основе реализации постановлений СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 8 апреля и 21 мая 1933 г. В своем постановлении от 3 апреля 1933 г. «О работе угольной промышленности Донбасса» СНК и ЦК партии указали, что главной причиной позорного движения назад угольной промышленности в I квартале 1933 г. являлся «все еще не изжитый, окончательно обанкротившийся канцелярско-бюрократический метод руководства угольной промышленностью, начиная от шахты и кончая Главтопом Наркомтяжпрома».

В постановлениях говорится о необходимости перестройки методов руководства, укрепления шахт инженерно-техническими кадрами, пересмотра организации заработной платы, осуществления четкой повседневной проверки исполнения решений треста на конкретной работе в шахте. Все эти меры диктуются тем, что «шахта превратилась уже в настоящий завод со сложными механизмами, требующий серьезного труда и серьезного отбора людей для освоения новой техники, требующий наличия постоянных (не текущих) кадров более квалифицированных рабочих, более опытных организаторов, более инициативных инженеров и техников, требующий лучшего обеспечения подземных рабочих в сравнении с надземными».

В решениях партии и правительства намечены конкретные меры по улучшению работы угольной промышленности — организации управления шахтой, рудником и трестом, перестройке системы заработной платы и правильной расстановке инженерно-технических кадров.

Как же реализовали работники угольной промышленности указания партии и правительства?

Техническое руководство шахт было укреплено. Значительную часть ИТР перебросили из аппарата трестов и рудоуправлений на шахты и на участки.

Значительно выросла механизация трудоемких процессов. Процент механизации добычи увеличился с 67,6 в 1933 г. до 77,3 в 1935 г., процент механизации доставки соответственно возрос с 74,9 в 1933 г. до 79,9 в 1935 г. и откатки — с 36,9 в 1933 г. до 39,9 в 1935 г.

Механизированная добыча при росте всей добычи в 1935 г. по сравнению с 1934 г. по трестам Главугля НКТП на 13,7 млн. т за тот же период выросла на 16,3 млн. т. Это свидетельствует о том, что не только весь прирост происходит за счет механизированной добычи, но и уголь, ранее добывавшийся вручную, ныне добывается механизированным способом.

На шахтах начали применяться новые системы заработной платы и организации труда, в результате чего сократились текучесть

и прогулы, значительно возросла производительность труда. За четыре года первой пятилетки производительность труда выросла на 17,2%, за четыре года второй пятилетки она выросла на 41,0%. В результате перехода на новые системы заработной платы, внедрения и увеличения удельного веса прогрессивной сдельщины, роста производительности труда значительно возрос фонд заработной платы. Фонд заработной платы рабочих в 1935 г. по сравнению с 1933 г. вырос на 67,2%, увеличившись с 630,3 млн. руб. до 1 053,7 млн. руб. Среднемесячная зарплата за тот же период увеличилась с 132 р. 60 к. до 212 р. 97 к.

Совокупность этих мер, проведенных в соответствии с указаниями партии и правительства, привела к улучшению в работе угольной промышленности уже со второй половины 1933 г. Решило победу угольщиков мощно развернувшееся в 1935 г. стахановское движение.

Угольные тресты НКТП за 9 месяцев 1935 г. добыли 72,26 млн. т угля, а за IV квартал дали 29,11 млн. т, что составило 40,3% добычи за первые 9 месяцев.

Добыча по Донецкому бассейну за 9 месяцев составила 48,2 млн. т, за IV квартал — 19,1 млн. т, т. е. 39,6% того, что было добыто за первые 9 месяцев. Среднесуточная добыча распределялась следующим образом:

	1934 г.				1935 г.			
	Средне-суточная за год	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Средне-суточная за год	Январь	Сентябрь	Декабрь
Угольные тресты НКТП и НКПС	253,7	261,2	273,5	283,3	294,1	268,8	286,2	362,5
В том числе								
Донбасс	166,2	168,4	178,0	186,1	186,3	173,3	178,2	230,5

Стаханов и стахановцы показали, какие огромные источники повышения производительности труда таятся в освоении новой техники.

Но итоги 9 месяцев 1936 г. свидетельствуют о том, что большие успехи, завоеванные угольщиками в результате мощного развертывания стахановского движения в IV квартале 1935 г., не были как следует закреплены в 1936 г. За 9 месяцев 1936 г. прирост добычи угля по сравнению с 9 месяцами 1935 г. составил по Союзу 19,9% и по Донбассу 15,5%. За тот же период производительность труда выросла на 21,1%. Темп прироста продукции угольной промышленности значительно ниже темпа прироста всей продукции по Союзу и продукции НКТП. Продукция союзных промышленных наркоматов, наркомместпромов союзных республик и промысловой кооперации выросла за 9 мес. 1936 по сравнению с соответствующим периодом 1935 г. на 33,7%, продукции НКТП — на 35,1%.

Несмотря на прирост добычи в 1936 г. по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, среднесуточная добыча в 1936 г. снижается из месяца в месяц, и только, начиная с августа, намечился некоторый перелом.

	Годы	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
Среднесуточная добыча (тыс. тонн)	1936	359,1	355,8	345,8	343,1	329,7	319,9	309,6	323,6	327,5	350,0
	1935	268,8	278,5	278,6	284,5	279,9	281,5	282,0	281,0	286,2	312,9
Рост в 1936 г. по сравнению с 1935 г. . .	—	90,3	77,3	67,2	58,6	49,8	38,4	27,6	42,6	41,3	37,2
Донбасс	1936	222,2	219,5	209,6	207,8	203,0	196,6	189,4	197,7	200,0	211,6
	1935	173,3	178,3	179,2	181,1	178,6	178,5	179,0	177,1	178,2	195,0
Рост в 1936 г. по сравнению с 1935 г. . .	—	48,9	41,2	30,4	26,7	24,4	18,1	20,4	20,6	21,8	16,6

Декабрьский (1935 г.) пленум ЦК ВКП(б) указал на необходимость «развернуть во всю стахановское движение прежде всего во всех добывающих отраслях и в первую очередь в угольной и рудной промышленности, где стахановское движение впервые началось и развернулось... Организация стахановского движения должна иметь в этих отраслях основной своей целью максимальное увеличение производства и снижение его себестоимости, исходя из того, что производственная программа является лишь минимальным обязательным заданием».

Отраслевые конференции, созданные для Донбасса и центральных районов в январе 1936 г. и для восточных районов в феврале 1936 г., пересмотрели установленные нормы и установили новые технические нормативы по угольной промышленности. Установление отраслевыми конференциями новых норм проходило в соответствии с указаниями декабрьского пленума ЦК ВКП(б) о том, что необходимо «исходить при установлении норм выработки из строгой проверки производственных возможностей цеха и предприятия и учета передового производственного опыта стахановцев».

Отраслевые конференции, выступления работников угольной промышленности на совете при народном комиссаре тяжелой промышленности и, наконец, приказ т. Орджоникидзе от 10 июля 1936 г. наметили конкретные пути «дальнейшего разворота стахановского движения, внедрения стахановских методов во все звенья угледобычи в соответствии с решениями декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) и обеспечения тем самым роста добычи, максимального роста производительности труда и удешевления себестоимости».

Важнейшими путями мобилизации резервов являются упорядочение горных работ, механизация трудоемких процессов, полная загрузка и максимальное использование механизмов и правильная организация труда, правильная расстановка сил.

Горные работы

Одним из решающих факторов в деле развития угольной промышленности, роста производительности труда и значительного прироста угледобычи является концентрация горных работ. Концентрация работ означает сокращение числа рабочих мест в шахте при максимальном увеличении добычи каждого из них. Именно в результате концентрации работ непрерывно росла производительность труда в рурской каменноугольной промышленности в послевоенные годы.

Добыча каменного угля в Руре на 1 рабочего в смену (в килограммах)¹

Годы	Рабочего, занятого на добыче угля	Подземного рабочего
1913	943	1 161
1929	1 271	1 558
1935	1 692	2 182

Таким образом производительность одного рабочего, занятого на добыче угля, выросла в 1935 г. по сравнению с 1913 г. на 79,4% и по сравнению с 1929 г. на 133,1%.

Производительность одного подземного рабочего выросла в Руре за тот же период соответственно на 87,9% и 40,1%. Этот рост явился прямым результатом проведения концентрации работ. Число забоев в январе 1929 г. по сравнению с январем 1927 г. сократилось на 25%, производительность выросла на 29%. В январе 1933 г. число забоев сократилось в 3 раза, производительность выросла в 3,2 раза.

В 1934 г. происходит дальнейший рост концентрации подземного хозяйства. Число выемочных пунктов с 4 320 в 1933 г. сокращается до 4 200 в 1934 г. при росте годовой добычи на один выемочный пункт с 18,01 тыс. т до 20,85 тыс. т.

То же происходило на отдельных шахтах Рура.

Название шахты	Число рабочих мест		
	1932 г.	1933 г.	1934 г.
«Эвальд»	26	13	6
«Карл»	51	26	—
«Бергмансглюк»	19	7	—
«Зибенпланетен»	9	6	—
«Гнейзенау»	7	4	4

На шахте «Bonifacius» имеются лавы длиной в 400 м с суточной добычей в 900 т. Суточная добыча шахты «Gneisenau» — 1 700 т — выдается 4 лавами.

Существенные сдвиги принесла концентрация работ и в угольной промышленности СССР. За годы первой и второй пятилеток значительно увеличилась средняя добыча на 1 шахту. В Донбассе среднегодовая добыча на 1 шахту изменялась следующим образом: в 1913 г. — 21,1 тыс. т, в 1927/28 г. — 78,1 тыс. т, в 1932 г. — 137,6 тыс. т и в 1935 г. — 209,4 тыс. т.

Средняя добыча на одну шахту (тыс. тонн) в капиталистических странах изменялась следующим образом:

Страны	1913 г.	1928 г.	1932 г.	1934 г.
Германия	494	513	470	557
В том числе Рур	489	553	488	576
Франция	173	256	642	нет свед.
Великобритания	94	95	98	109 ²
США (битуминозные угли)	75	70	52	52

В 1913 г. средняя добыча на одну шахту в России была ниже, чем во всех остальных странах. В 1935 г. мы стоим впереди США и Великобритании.

¹ «Jahresbericht des Reichskohlenverbandes», 1927/28 и 1935/36.

² 1935 г.

Резко меняется в Донбассе также и удельный вес мелких и крупных шахт в общей добыче угля.

Годовая добыча в шахтах различной мощности
(в % к общей добыче)

Годы	Шахты с годовой добычей (тыс. тонн)				
	От 20 до 50	От 50 до 100	От 100 до 200	От 200 до 500	Свыше 500
1927/28 . .	14,3	22,7	32,5	27,8	2,7
1929/30 . .	6,7	17,7	33,4	38,8	3,4
1932	5,2	15,1	32,1	37,3	10,3
1935	2,5	9,6	10,4	40,4	27,3

В США распределение добычи угля по шахтам различной производительности следующее (в % к общей добыче):

Шахты с годовой добычей (тыс. тонн)	1913 г.	1928 г.	1930 г.	1934 г.
До 50	10,2	9,5	8,4	19,5
От 50 до 100	14,4	10,4	9,9	
От 100 до 200	24,8	19,4	18,6	
От 200 до 500	50,6	37,4	35,4	80,5
Свыше 500		23,3	27,7	

Уже в 1913 г. половина угля в США добывалась шахтами с годовой добычей свыше 200 тыс. т, в 1928 г. эти группы шахт дают 60,7% всей добычи, причем шахты с годовой добычей свыше 500 тыс. т составляют 23,3% всей добычи. В Донбассе в 1927/28 г. шахты с годовой добычей свыше 200 тыс. т давали 30,5% всей добычи угля, из них шахты с добычей свыше 500 тыс. т только 2,7%. В 1930 г. 63,1% всей добычи США дают шахты с добычей свыше 200 тыс. т, соответственно в Донбассе — 42,2%. В 1934 г. в США шахты с добычей свыше 100 тыс. т дают 80,5% всей добычи, в Донбассе в 1935 г. те же группы шахт дают 87,9% всей добычи, а удельный вес шахт с добычей свыше 500 тыс. т вырос по сравнению с 1927/28 г. в 10 раз.

Определенные сдвиги имеются и в концентрации подземных работ в СССР.

Очистные работы в Донбассе

	1932 г.	1935 г.	1935 г. в % к 1932 г.
Число забоев	1576	1828	116,0
Средняя длина 1 забоя (погонные метры)	66	83	125,8
Годовая добыча на 1 забой (тыс. тонн)	22	31	140,9

Число забоев за три года второй пятилетки возросло на 16%, за тот же период средняя длина забоя возросла на 25,8% и добыча на один забой на 40,9%. Если учесть, что увеличение числа забоев происходит в значительной степени за счет ввода в эксплуатацию новых

шахт, то приведенные выше данные свидетельствуют о значительном росте концентрации подземных работ в Донбассе.

Внедрение стахановских методов работы в шахтах, работающих на крутопадающих пластах, самым тесным образом связано с усилением концентрации работ. Именно в результате развертывания стахановского движения число уступов по тресту Кадиевуголь сократилось с 224 до 117 при увеличении их высоты с 10,5 до 20,3 м.

Чрезвычайно характерны и итоги работы треста Артемуголь, шахты которого в подавляющем большинстве работают на крутопадающих пластах. Число уступов с 1/1 1935 г. по 1/1 1936 г. сократилось с 2833 до 1845, средняя длина одного уступа за тот же период выросла с 7,76 м до 11,75 м и добыча на один уступ соответственно с 30 тыс. до 42 тыс. т.

Наиболее значительные сдвиги в концентрации работ произошли в IV квартале 1935 г. в связи с развертыванием стахановского движения. В тресте Кузбассуголь концентрация работ в IV квартале 1935 г. характеризуется следующими данными: средняя длина одного забоя в IV квартале 1935 г. выросла по сравнению с I кварталом 1935 г. на 12%, добыча из одного забоя — на 39% и месячное подвигание — на 16%.

Каковы основные задачи, стоящие перед угольщиками в связи с необходимостью упорядочить горные работы?

Прежде всего надо внедрять сплошную систему разработок для шахт, работающих на пологих и крутопадающих пластах, как единственную систему, наиболее полно обеспечивающую проведение концентрации работ. Эта система должна быть целиком и полностью проведена в Донбассе, где уже теперь она является господствующей. Так, в 1934 г. 84% годовой добычи Донбасса получено из шахт, работающих на сплошной системе разработки пластов.

Огромное преимущество сплошной системы заключается в том, что она делает экономически выгодной работу на маломощных пластах (ниже 0,7 м). Несколько лет назад вопрос об экономичности использования пластов мощностью менее 0,7 м усиленно дебатировался. С применением сплошной системы выемки спор этот разрешен, и в Донбассе эксплуатируется большое количество маломощных пластов. По данным переписи оборудования, проведенной промотделом ЦУНХУ в сентябре — октябре 1934 г., 16,8% угля добывается в Донбассе из забоев на пластах мощностью ниже 0,7 м, в том числе 20,0% каменного угля.

9 месяцев прошло со времени проведения отраслевой конференции в Донбассе, но установленные этой конференцией нормативы еще не достигнуты. Средняя длина машинной лавы в июле — августе 1936 г. равнялась в Донбассе 99 м при установленном конференцией нормативе в 150—250 м. Средняя длина машинной лавы в июле 1936 г. выросла по сравнению с июлем 1935 г. всего лишь на 5,5%, месячное подвигание машинной лавы выросло за тот же период на 2% (25,0 м в июле 1925 г., 25,5 м в июле 1936 г.). Месячное подвигание линии очистных забоев по Донбассу при плане 1936 г. 32,6 м в I квартале 1936 г. равнялось 27,9 м, во втором квартале и июле — 26,4 м, в сентябре оно почти стабильно и равняется — 26,6 м. Норматив, установленный отраслевой конференцией, — 54 м.

Месячное подвигание линии подготовительных забоев в Донбассе было запланировано в 36 м. В первом квартале подвигание равнялось 29,9 м, во втором квартале — 28,8 м, в сентябре — 30,4 м.

Намеченный план по скорости подвигания линии забоев по всей

угольной промышленности систематически не выполняется. Скорость подвигания подготовительных забоев большая, чем очистных, в среднем на 2—4 метра.

Совершенно иное положение в Кузбассе. Из месяца в месяц план по скорости подвигания выполняется не более чем на 50%, причем скорость подвигания подготовительных забоев в отдельные месяцы на 4—5 м меньше, нежели очистных забоев. Такое положение свидетельствует о том, что в Кузбассе систематически проедались подготовительные работы, что приказ тов. Орджоникидзе, запрещающий перебрасывать рабочих с подготовительных забоев в очистные, систематически нарушается.

Если немедленно же не добиться решительного перелома с ведением подготовительных работ в Кузбассе, дальнейшее развертывание угледобычи может быть поставлено под угрозу.

Происшедшие в 1936 г. сдвиги в концентрации горных работ относятся в значительной степени к шахтам, работающим на крутопадающих пластах.

Средняя длина уступа, равная до развертывания стахановского движения 7—8 м, на I/III 1936 г. достигла 13,3 м и на I/VI 1936 г.—16,3 м.

В трестах с шахтами, работающими на пологопадающих пластах, имеет место процесс деконцентрации горных работ.

Одновременно с процессом деконцентрации, имеющим место на шахтах отдельных трестов, произошло значительное ухудшение состояния лавы. Не вызывает сомнения, что искривление лав, ставшее повседневным явлением на целом ряде шахт, оказывает значительное влияние на снижение угледобычи.

Механизация

В части механизации трудоемких процессов и производительности оборудования наша угольная промышленность имеет значительные достижения.

Процент механизации добычи в IV квартале 1935 г. равнялся 84,7. Мы догнали Германию, где механизация добычи равнялась в 1935 г. тем же 84,7%, перегнали США (механизация добычи на битуминозных углях в 1934 г. 84%), Англию (механизация добычи в 1934 г. 44,6%). Уровень механизации добычи угля в 1936 году в отдельных бассейнах и трестах выше уровня Германии и приближается, а иногда и выше процента механизации Рура. Так, по всей Германии добыча была механизирована в 1935 г. на 84,7%, в том числе в Рурском бассейне на 98,3%. В Донбассе механизация добычи за 9 мес. 1936 г. достигла 87,0%. В сентябре 1936 г. уровень механизации поднялся на 88,7%; в т. ч. в трестах Свердловуголь — 98,0%, Шахтантрацит — 96,5%, Кизелуголь — 98,0%, Челябинуголь — 95,4%, Кузбассуголь — 96,3%.

Степень механизации доставки соответствует механизации добычи — 79,9% в 1935 г. и 84,9% в сентябре 1936 г.

Значительно отстает от механизации добычи и доставки механизация откатки. В 1935 г. откатка по Союзу была механизирована на 39,9%. Вот уже три года, как уровень механизации откатки стабилизировался на уровне 40%.

Дальнейшее развитие угольной промышленности, выполнение задания, поставленного партией и правительством перед работниками угольной промышленности, требуют полной механизации

всех основных и вспомогательных процессов как в шахте, так и на поверхности.

Ограничиваться механизацией таких процессов, как добыча, доставка и откатка, уже недостаточно. «Вопросы механизации не терпят отлагательства, если хотим радикально решить все вопросы, от которых зависит дальнейшее развитие угольной промышленности»¹.

Данные переписи оборудования ЦУНХУ о комплексности механизации за сентябрь — октябрь 1934 г. следующие: во всех забоях по Союзу навалка производится вручную. Только в 21,8% забоев по Союзу и 23,8% забоев в Донбассе механизированы все процессы, кроме навалки, только зарубка или доставка механизированы по Союзу в 28,9% и по Донбассу — в 16% забоев.

Существенным элементом комплексности механизации трудоемких процессов является процесс отбойки. Не следует думать, что если уголь подрубается врубовой машиной, то и вся добыча его полностью механизирована. Комплексность механизации выемки угля из очистных забоев в конце 1934 г. представлялась в следующем виде:

Группы забоев по способам зарубки	Всего очистных забоев	Число забоев с отбойкой и бурением			
		отбойными молотками	электросверлами и бурильными молотками	бурение вручную	отбойка вручную
Все забои	2 243	330	874	280	759
Забои с зарубкой врубовыми машинами	979	10	583	141	245

В 46% очистных забоев отбойка производится вручную или при помощи ручного бурения; даже в забоях, применяющих зарубку врубовой машиной свыше чем в 40% забоев, отбойка не механизирована.

Если учесть, что на ручной отбойке и ручном бурении занято 4 500 рабочих, или 13,5% всего числа рабочих, занятых на выемке, и если к этому числу рабочих на ручном бурении на отбойке прибавить 9 582 чел., занятых на ручной зарубке, то получится 14 082 чел., или 42,2% всего числа рабочих, занятых на выемке². Сопоставляя эти данные с удельным весом ручной зарубки и ручного бурения в общем итоге по бурению, мы видим, какой огромный источник роста производительности труда и снижения себестоимости заключается в механизации этих двух процессов — процесса зарубки и отбойки.

Полная комплексность механизации выемки тесно связана с необходимостью создания электрического отбойного молотка. Сравнительные данные нашего электроотбойного молотка КНЩ-2 и молотка фирмы Сименс-Шукерт показывают, что молоток КНЩ-2 имеет примерно на 50 штук деталей меньше, чем молоток Сименс-Шукерт.

¹ Речь тов. С. Орджоникидзе на Совете при Наркоме тяжелой промышленности. «Большевик» № 14, 1936 г.

² Данные приведены по материалам учета профессионального состава рабочих Донецкого бассейна на 1/X 1935 г., проведенного Главуглем, переработанным т. Кваша в его предисловии к публикации ЦУНХУ «Итоги переписи забоев и оборудования».

Потребляемая молотком КНШ-2 мощность из сети на 37% ниже потребляемой мощности молотком Сименс-Шукерт, а сила удара больше на 55%. Перегрев корпуса молотка КНШ-2 меньше на 9° и вес меньше на 1,5 кг, чем у молотка Сименс-Шукерт. Молоток конструкции инж. Шмаргунова проще, легче и экономичнее молотков системы Сименс-Шукерт.

Испытания показали, что производительность электроотбойного молотка такая же, как и пневматического молотка ОМ-5.

Электроотбойный молоток позволит при помощи применения одного вида энергии (электрической) осуществить весь комплекс механизации трудоемких процессов по выемке угля и значительно повысит КПД всего энергетического хозяйства шахты. Замена пневматического отбойного молотка электрическим снизит себестоимость угледобычи. Стоимость производимой энергии и установленного оборудования, приходящаяся на 1 л. с., при пневматической энергии примерно в 12—15 раз выше, нежели при электроэнергии. Пневматическое хозяйство требует сложного и дорогостоящего оборудования. Кроме того, содержание двух видов энергии в одном забое не может не вызвать роста себестоимости. Внедрение электроотбойного молотка предусмотрено приказом т. Орджоникидзе от 5/VI 1936 г.

Заслуживает особого внимания весьма трудоемкий, совершенно не механизированный процесс навалки.

Уровень механизации подземной погрузки не высок и в капиталистических странах. По данным журнала «Cool Age» за октябрь 1935 г., подземная механизированная погрузка в 1934 г. в США составляла на битуминозных углях 12,2% и на антрацитах — 19,4% всей добычи. Механизация погрузки по видам на битуминозных углях распределялась следующим образом:

Виды механизмов	Работало механизмов	Погружено угля (млн. тонн)	В % к общей погрузке механизмами	В % к общей добыче
Подвижные самогрузчики типа Джой	534	20,7	50,1	6,1
Погрузочные машины типа Питкарлодер.	2 288	11,1	26,8	3,3
Конвейеры с утиным носом	114	8,6	20,7	2,5
Скреперы	119	1,0	2,4	0,3
Всего	—	41,4	100,0	12,2

Изучению влияния механизации навалки на производительность труда в США уделялось большое внимание. По данным Американской анкетной комиссии, навалщики в угольной промышленности составляют в США 60% всех подземных рабочих. Бюро статистики труда США провело на восьми шахтах специальное изучение влияния механизации погрузки на производительность труда и установило, что на четырех шахтах при полной механизации погрузки производительность труда поднялась на 65%, в среднем на 8 шахтах — на 53,4%.

Значительно отстает у нас механизация в подготовительных забоях. Очистные забои полностью (кроме навалки) механизированы на 32,1% по Союзу и на 29,5% по Донбассу. Полностью механизированы 17% подготовительных забоев по Союзу и 21,0% по Донбассу. Очистных забоев, где все операции производятся вручную, по Сою-

зу — 5,1 %, подготовительных — 16,8%, соответственно по Донбассу — 3,7% и 20,4%. Эти данные свидетельствуют о значительном разрыве механизации подготовительных и очистных работ.

Основная причина невыполнения плана по добыче угля кроется в отставании подготовительных работ. Технический уровень подготовительных работ сильно отстает от технического уровня очистных работ. Этот разрыв характеризуется показателями механизации добычи из очистных и подготовительных забоев.

Бассейны	% механизации добычи в 1935 г.	
	в очистных забоях	в подготовитель- ных забоях
Всего	81,0	61,0
Донецкий	86,7	57,3
Кузнецкий	80,1	49,0
Карагандинский	76,8	14,1

В 1936 г. значительных сдвигов в механизации подготовительных работ не было. В I квартале процент механизации добычи в подготовительных работах в Донбассе равнялся 59,2, во II квартале — 60,2, в III квартале — 63,0. За тот же период процент механизации добычи в очистных работах возрос с 89,7 до 92,3:

Это отставание механизации подготовительных забоев от механизации забоев очистных не может не сказаться отрицательно на производительности труда, особенно если учесть, что примерно 25% общего числа отработанных выходов приходится на долю подготовительных забоев. В Донбассе в 1935 г. из 25 849,8 тыс. выходов рабочих по забою в очистных забоях отработано 20 754,9 тыс., в подготовительных — 5 094,8 тыс.

Отставание подготовительных работ, особенно в период развертывания стахановского движения, тормозит рост угледобычи. Тов. Орджоникидзе сказал: «Подготовительные работы надо механизировать больше, чем очистные работы, иначе никогда подготовительные работы не будут поспевать за очистными. Давно это надо было проделать, мы этого не сделали. Надо механизацию подготовительных работ проделать безотлагательно. Ручной способ подготовительных работ никогда не обеспечит полный разворот стахановцев»¹.

Задача механизации подготовительных забоев встает во всей своей полноте перед работниками угольной промышленности. И задачей первоочередной важности является механизация бурения. Она должна пойти по линии бурения ручными электросверлами по углю и колонковыми по породе, а на газовых шахтах — пневматическими бурильными молотками. До сих пор процент использования оборудования по бурению был очень низок. Тов. Орджоникидзе поставил перед машиностроительными заводами задачу увеличить производство колонковых электросверл. Одновременно с этим угольщики должны добиться максимального использования уже существующего оборудования.

¹ Речь С. Орджоникидзе на Совете при Наркоме тяжелой промышленности. «Большевик» № 14, 1936 г.

В подготовительных забоях так же, как и в очистных, следует во всю ширь поставить проблему комплексности механизации.

Слабым звеном угольной промышленности является также откатка. «Стахановский метод без дальнейшего форсирования механизации угледобычи и углевывозки не может развиваться так, как мы хотим. Это аксиома. И этот новый вопрос так же, как ЦК поставил его в 1933 г., должен быть поставлен и разрешен в 1936 г. И тогда стахановское движение будет победоносно шествовать дальше» (Орджоникидзе).

Уровень механизации откатки на протяжении целого ряда лет не менялся. В 1935 г. произошло даже некоторое снижение: механизация откатки составляла 39,9% против 40,5% в 1934 г.: по Донбассу уровень механизации откатки в 1935 г. ниже уровня 1933 г. Процент механизации откатки по Донбассу в 1933 г. составил 40,5, в 1934 г.— 41,3, а в 1935 г.— 39,8. Здесь снижение произошло за счет уменьшения удельного веса канатной откатки, который с 28,3% в 1933 г. снизился до 20,9%. Электровозная откатка за тот же период возросла с 12,2% до 18,9%. Значительно повысился удельный вес ручной откатки (1933 г.— 8,1%, 1935 г.— 15,2%).

Приведенные выше данные о размерах механизации откатки исчислялись по весу перевезенного угля. Процент механизации откаточных путей значительно ниже.

В 1935 г. распределение откаточных путей по видам откатки представлялось в следующем виде:

Бассейны	Электро- возная	Канат- ная	Конная	Ручная
В с е г о	21,7	11,0	58,2	9,1
В том числе:				
Донецкий	19,2	10,4	61,6	8,8
Кузнецкий	32,1	0,4	64,5	3,0
Карагандинский	—	2,4	47,8	49,8

В 1936 г. значительных сдвигов в механизации откаточных путей не было. По Донбассу протяженность механизированных откаточных путей 1 октября составляет всего лишь 32,8% против 29,6% в 1935 г., в Кузбассе — 35,1% против 32,5% в 1935 г. Такой незначительный рост механизации откаточных путей свидетельствует о недостаточном внимании хозяйственников к механизации откатки.

Отставание откатки, особенно в период развертывания стахановского движения, также задерживает рост угледобычи. При этом следует отметить, что использование откаточного оборудования чрезвычайно низко. В Донбассе из 293 наличных аккумуляторных электровозов на 1 января 1936 г. в работе находилось 187 штук, или 63,8%. Больше $\frac{1}{3}$ аккумуляторных электровозов не работало. Использование троллейных электровозов несколько выше и составляет по Донбассу 80%.

Уголь из очистных забоев убирается настолько медленно, что врубовая машина не может быть использована полностью.

Приказом т. Орджоникидзе перед угольщиками ставится задача заменить конную и ручную откатку электровозной или механической

с тем, чтобы в течение полутора лет конную откатку ликвидировать полностью. Заслуживает внимания соотношение троллейных и аккумуляторных электровозов. В Руре в 1935 г. было 1 139 электровозов, из них 1 084 троллейных и 55 аккумуляторных, у нас в Донбассе в том же году — 378 электровозов, из них троллейных 293 и аккумуляторных 85. Опыт показал, что аккумуляторные электровозы тяжелее, чем троллейные, и дороже: Производительность троллейного электровоза примерно на 40—60% выше производительности аккумуляторного. Внедрение троллейных электровозов встречает некоторое затруднение в условиях газового режима. Однако весьма своевременно поднять вопрос о переводе всей электровозной откатки в негазовых шахтах и газовых шахтах I категории на откатку троллейными электровозами.

Упорядочение откатки угля от забоя по промежуточным и основным откаточным путям является проблемой первоочередной важности.

В результате упорядочения работы внутришахтного транспорта в Саарском бассейне число рабочих по транспорту на 1 000 т добычи брутто в 1934 г. снизилось по сравнению с 1930 г. на 25% (с 99 до 74 чел.).

Создание непрерывного механизированного потока угля от забоя до ствола является источником огромного роста производительности труда и снижения себестоимости.

Полная комплексность механизации внутришахтного транспорта, максимальное использование откаточных механизмов требуют стахановского порядка на шахте, высокого уровня культуры труда.

Особо следует поставить вопрос об управлении кровлей.

Закладка полностью производится вручную, и на этом очень трудоемком процессе занято большое количество рабочих.

Механизация закладки и в капиталистических странах находится на невысоком уровне. В Руре способы закладки в 1934 г. распределялись следующим образом: вручную закладывалось 83,4% забоев, пневматическим способом — 15,6%, метательным — 0,7% и гидравлическим — 0,3%.

В Сааре управление кровлей распределялось в 1934 г. так: добыча с полной закладкой — 51,9%, с частичной и гидравлической закладкой — 17,0%, с искусственным обрушением кровли — 31,1%.

Опыты применения закладочных механизмов у нас уже проводились. В апреле и начале мая 1936 г. в Кузбассе испытывались модели ленточной метательной закладочной машины. Опыт дал удовлетворительные результаты. Производительность машины доходила до 30 т в час, и бросала она материал на длину до 10 м (см. журнал «Уголь Кузбасса» № 5, 1936 г.).

За годы второй пятилетки произошли определенные сдвиги в освоении механизмов, вследствие чего возросла производительность основных видов оборудования.

Среднемесячная производительность тяжелой врубовой машины в Донбассе за годы второй пятилетки возросла с 2 041 т в 1932 г. до 2 705 т в 1935 г., соответственно в Кузбассе — с 3 344 т до 4 817 т. Сменная производительность отбойного молотка за тот же период выросла в Донбассе с 5,6 до 8,0 т, в Кузбассе — с 7,5 до 13,7 т. В IV квартале 1935 г. в результате развертывания стахановского движения значительно поднялась производительность оборудования. Среднемесячная производительность врубовой машины в Донбассе равнялась 3 042 т, в Кузбассе — 5 152 т. Сменная производительность отбойного

молотка в Донбассе — 11,4 т, в Кузбассе — 19,8 т. Значительно возросла в IV квартале 1935 г. и производительность оборудования по откатке.

Среднемесячная производительность электровозов в 1935 г.
(в тонно-километрах)

Бассейны и тресты	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал
1. Донбасс	8 247	8 808	9 547	10 569
В том числе:				
Шахта им. ОГПУ (Шахтантра- цит)	28 485	32 877	40 251	45 846
2. Кузбасс	14 534	16 714	16 941	20 544

Однако и при таком значительном росте производительности механизмов далеко еще не использованы все скрытые резервы оборудования. Рост производительности оборудования происходил при исключительно низком уровне его использования. На 1 октября 1935 г. работало только 74,3% врубовых машин и 71,1% отбойных молотков, тогда как в Руре процент использования механизмов равнялся примерно 90—92. Одна четвертая часть наших врубовых машин и одна пятая отбойных молотков не работала. Еще хуже с использованием оборудования по доставке и откатке угля. Конвейерные привода на 1 октября 1935 г. использовались на 73,1% и электровозы — на 66,4%. Компрессоры использовались на 72,9%, а ведь именно компрессоры — отсутствие и несвоевременная подача воздуха — лимитируют добычу отбойными молотками. Не лучше и в 1936 г. На 1 июля 1936 г. в Донбассе работало 76,2% врубовых машин и 74,4% отбойных молотков. Конвейерные привода используются на 74,2%, скреперы — на 71,3%, электровозы — на 67,9%.

В 1936 г. значительные успехи, достигнутые в IV квартале 1935 г. по повышению производительности основных видов оборудования, не были закреплены.

Среднемесячная производительность тяжелых врубовых машин в
очистных работах (в тоннах)

Бассейны	IV квар- тал 1935 г.	1936 г.		
		I квартал	II квартал	III квартал
Донецкий	3 349	3 416	3 191	3 184
Подмосковный	3 369	3 326	3 040	2 929
Кузнецкий	5 685	6 214	5 292	5 776

Ни один бассейн не достиг при работе врубовыми машинами уровня I квартала 1936 г., а Донбасс и Мосбасс — уровня IV квартала 1935 г. Несколько лучше с отбойными молотками (см. табл. на стр. 191).

В значительной степени не использованы еще все возможности, скрытые в применении новых видов оборудования, в новых методах

Сменная производительность отбойных молотков в очистных забоях
(в тоннах)

Бассейны	IV квар- тал 1935 г.	1936 г.		
		I квартал	II квартал	III квартал
Донецкий	11,4	11,6	12,7	12,4
Кузнецкий	19,8	26,0	23,9	22,3

работы. Существенные преимущества имеет применение тонких боров. Опыт шахты № 22 треста Донбассантрацит показывает, что в результате применения тонких боров значительно возрастает производительность врубовой машины:

а) уменьшается измельчение угля ввиду уменьшения ширины зарубки,

б) нагрузка мотора составляет 60—70% работы при нормальном боре, что дает возможность применять машины ДТК при самых крепких зарубках, где обычно работают машины «Самсон»,

в) уменьшается газоотдача при зарубке.

В мае 1936 г. сменная производительность врубовой машины по трестам Донбассугля составляла 81 т, по машинам, применяющим тонкие боры, она возросла до 100 т (рост на 34,6%). До сих пор машин с тонкими борами еще очень мало, по всем трестам Донбассугля их на 1 июня 1936 г. было всего 10 штук.

Большое значение для роста производительности машины имеет применение боров длиной в 2 и более метров. В тресте Донбассантрацит на трех шахтах на 1 января 1936 г. полностью внедрены длинные боры. Результатом этого явился значительный рост скорости продвижения забоев. В 1935 г. при среднемесячной скорости продвижения линии забоя по тресту в 27,7 м в шахтах № 53 в 21-й западной лаве, применяющей длинные боры, среднемесячное продвижение за год равнялось 40,4 м; в шахтах № 28/29 в 16-й восточной лаве — 39,8 м; в шахтах № 7 в 4-й южной лаве — 40,2 м.

Итоги работы трестов Донбассугля в мае 1936 г. говорят о том, что применение длинных боров увеличивает производительность врубовой машины на 35% и больше. Сменная производительность врубовой машины при переходе на работу с удлиненным бором возросла в мае 1936 г. по Донбассуглю с 81 до 110 т, по тресту Макеевуголь — с 80 до 116 т. Весьма значительный эффект дает увеличение скорости подачи и скорости резания. По шахтам Донбассугля сменная производительность врубовой машины в результате увеличения скорости подачи и резания возросла на 25% и достигла 101 т в смену при средней по всем машинам 81 т. По тресту Чистяковантрацит производительность выросла с 95 до 123 т, по Макеевуглю — с 80 до 129 т.

Приказом по НКТП намечено — заменить до 1 января 1937 г. на 50% врубовых машин короткие боры длинными и на протяжении I квартала 1937 г. закончить эту замену на всех остальных врубовых машинах; во втором полугодии 1936 г. должен быть закончен перевод всего парка врубовых машин на ускоренную подачу и повышенную скорость резания.

Сдвиги в этой области имеются. Мы располагаем данными по трестам, входящим в состав комбината Донбассуголь:

	На 1/III 1936 г.	На 1/IV 1936 г.	На 1/V 1936 г.	На 1/VI 1936 г.
Всего тяжелых врубовых машин . . .	1 033	1 022	990	976
В том числе с длинным бором в 2 и больше метров	66	107	165	189
С увеличенной скоростью подачи и резания	10	28	147	237

Число машин с борами длиной в 2 м и больше за 3 месяца утроилось и составляет 19,4% общего числа врубовок.

Однако следует отметить, что не все тресты равномерно осуществляют переход на машины с длинными борами. По тресту Чистяков-антрацит число машин с борами в 2 м выросло за этот период с 5 до 40 и составляло уже на 1 июня 1936 г. 50% всего наличного парка врубовых машин, в Макеевке на 1 июня переведено на 2-метровые боры всего 2 машины из 80, по Сталинуглю — 15 из 59. Несколько лучше с переводом машин на увеличенную скорость подачи и резания. На 1 июня по Донбассуглю переведено уже на увеличенную скорость 24% всего парка врубовых машин, причем следует отметить, что за три месяца число машин с увеличенной скоростью возросло в 23,7 раза.

Значительное повышение производительности оборудования дает внедрение твердых сплавов. Эффективность победитного бурения характеризуется следующими данными:

№ шахт	Дата перевода на «Победит»	Экономия в рублях		Объект бурения
		экономию за месяц	экономию на 1/I 1936 г.	
1/1-бис, 2/2-бис	1/I 1935 г.	2 103	25 237	Глинистые и песчаные сланцы
3—4	1/III 1935 г.	382	3 820	Песчаник и песчаные сланцы
7—7-бис	1/IV 1935 г.	1 393	12 537	Антрацит крепкий

Организация труда и стахановское движение

Правильная организация труда, правильная расстановка сил являются верным путем к наилучшему использованию резервов.

Значительные успехи, достигнутые угольной промышленностью, основываются на росте ее технического уровня и улучшении качества работы.

Среднемесячная добыча на 1 рабочего по эксплуатации в Донбассе равнялась в 1927/28 г. 12,6 т, в 1932 г. — 14,8 т, в 1935 г. — 20,8 т. В том числе I квартал — 18,7 т, IV квартал — 22,5 т.

Зависимость производительности труда от технического уровня иллюстрируется следующей таблицей (см. стр. 193).

За годы первой пятилетки процент механизации добычи вырос по наиболее механизированному бассейну, СССР — Донецкому — на 52,9%. За этот же период число врубовых машин выросло в 2½ раза (1927/28 г. — 530 штук; 1932 г. — 1 299 штук) и отбойных молотков в 86,7 раза (1927/28 г. — 60 штук, 1932 г. — 5 202 штуки). Освоение такого огромного количества механизмов подвигалось очень медленно. Добыча на одного рабочего колеблется. Производительность

Годы	% механизации добычи	Годовая добыча на 1 рабочего (в тоннах)		
		эксплоатационного	подземного	в забое
1927/28 . . .	19,4	151,4	221,5	—
1932	72,3	177,5	243,3	469,1
1935	82,5	250,0	332,4	679,3

рабочего в 1931 и 1932 гг. ниже производительности 1929/30 г. Только с 1933 г. начинается неуклонное нарастание производительности труда.

В 1933 г. прирост механизации (1933 г. в процентах к 1932 г. равняется 106,5) соответствует примерно приросту добычи на одного рабочего по эксплуатации (105,5%). В 1934 г. уровень механизации по сравнению с 1933 г. повысился на 2,7%, а производительность одного эксплуатационного и подземного рабочего выросла на 16—16,5, рабочего по забою — на 20,2%. В 1935 г. механизация добычи по сравнению с 1934 г. выросла на 4,4%, добыча на одного рабочего по эксплуатации — на 15,1%, по забою — на 19,3%.

Как мы уже отмечали, значительных успехов достигли угольщики в IV квартале 1935 г. в связи с развертыванием стахановского движения. Среднемесячная производительность рабочего эксплуатации в октябре 1935 г. равнялась 23,7 т, что соответствует годовой добыче одного рабочего в 284,4 т и годовой добыче по бассейну в 74,9 млн. т, т. е. на 11% выше фактической добычи 1935 г.

Несмотря, однако, на такой значительный рост, производительность труда в нашей угольной промышленности еще отстает от производительности труда в угольной промышленности передовых в техническом отношении капиталистических стран. Дневная добыча эксплуатационного рабочего в Донбассе равна в 1935 г. 929 кг, в Руре в 1935 г. — 1 692 кг, в США на битуминозных углях в 1934 г. — 3 990 кг, в Великобритании в 1935 г. — 1 185 кг.

Результаты работы угольной промышленности в IV квартале 1935 г. говорят о том, что стахановские методы явились решающим фактором в повышении производительности труда. Коэффициент использования отбойного молотка до перехода на стахановские методы в шахтах Кадиевки и Артемугля равнялся 0,35—0,45, т. е. чистая работа отбойного молотка за смену составляла 2—2,5 часа. При работе стахановскими методами коэффициент использования отбойного молотка поднялся уже до 0,7—0,8, или 4—4,5 часа чистой работы.

Значительные сдвиги в производительности труда в период развертывания стахановского движения ярко иллюстрируют данные о выполнении норм выработки в 1935 г. В марте 1935 г. выполняли и перевыполняли нормы 86,0% рабочих, в декабре 1935 г. — 94,3%. Выполнили нормы выработки свыше чем на 120% в декабре 1935 г. 72,7%, в том числе свыше чем на 140% — 49,6%.

Показатели работ отдельных стахановцев говорят о том, что имеются все возможности не только выполнить, но и перевыполнить новые нормы, действующие в Донбассе. Есть все необходимое для

выполнения плана каменноугольной промышленностью. Самое сильное оружие для достижения этого — стахановские методы работы.

Согласно решению отраслевых конференций, нормы выработки в среднем по Донбассу повышены на 27,5%, для забойщиков на отбойных молотках — на 34,5% и для машинистов врубовых машин — на 24,5%.

Принятое отраслевыми конференциями увеличение норм вполне реально и полностью соответствует указаниям декабрьского пленума ЦК ВКП(б) о необходимости при установлении норм выработок исходить из учета передового производственного опыта стахановцев.

Однако в результате того, что работники угольной промышленности успокоились на достижениях конца 1935 г., освоение новых норм выработки проходит еще недостаточно полно. Мы располагаем данными за март — сентябрь 1936 г. по Донбассу. Эти данные сгруппированы в следующей таблице:

Профессии	Выполнили нормы выработки			
	всего в %	в том числе (в %)		
		на 100—150	на 150—200	на 200 и выше
Рабочие по эксплуатации:				
Март	78,3	62,8	13,1	2,4
Июнь	83,8	63,6	16,4	3,8
Машинисты врубовых машин:				
Март	72,6	57,9	12,3	2,4
Июнь	83,3	56,8	19,3	7,2
Забойщики на отбойных молотках:				
Март	85,2	53,2	27,6	4,4
Июнь	92,3	43,9	30,5	17,9
Сентябрь	91,8	51,7	27,3	12,8

По всем профессиям выполнение нормы по сравнению с декабрем 1935 г. снизилось.

В чем причина этого? Ответ на этот вопрос дает т. Орджоникидзе в своей речи на заседании Совета при народном комиссаре тяжелой промышленности 29 июня 1936 г.: «До стахановского движения управлять шахтой было легче и хозяйственнику, и инженеру, и начальнику участка, и десятнику.

...Стахановское движение требует одновременного выполнения всех процессов, связанных между собой. Если этого нет, дело провалится».

Стахановское движение требует четкой, налаженной работы абсолютно всех основных и вспомогательных процессов — от зарубки угля в забое до погрузки его в ж.-д. вагон. Прорыв в одном из звеньев сложной цепи организации производственного процесса в шахте вызывал нарушение хода всего процесса, снижая эффект стахановских методов работы.

Небезынтересно сопоставить данные о производительности отдельных бригад шахт Кузбассугля за 1935 г. до и после их перехода на стахановские методы. Приводим данные по тресту Кузбассуголь за 1935 г.

Шахты	Бригады	Производительность на выход (в тоннах)				Рост производительности (в %)	
		забойщики		члены бригады		забой- щики	члены бригады
		до пере- хода	при ста- хановском методе	до пере- хода	при ста- хановском методе		
Им. Эйхе .	Борисова	14,4	173	14,4	44	1 100	235
» .	Степанова	17,1	84,5	17,1	31,0	395	81
«Черная го- ра» . . .	Вагина	13,0	203	13,0	27,8	1 462	114

Стахановское движение тем и замечательно, что оно движется и растет «семимильными шагами»!

Победа стахановского движения является в первую очередь результатом правильной организации труда и освоения механизмов.

Если для шахт, работающих на крутых пластах, внедрение стахановских методов происходит путем сочетания новых форм организации труда с коренной перестройкой технологического процесса, то для шахт, работающих на пологих пластах, работа стахановскими методами означает прежде всего правильную организацию труда, правильную расстановку сил, максимальное использование механизмов, полную загрузку рабочего дня. Но соответствующей перестройки работы не было проведено по всей линии. В результате производительность труда в первом полугодии 1936 г. снизилась по сравнению с IV кварталом 1935 г.

Дневная выработка одного рабочего по эксплуатации (в тоннах)

Бассейны	IV квар- тал 1935 г.	1936 г.			
		I квартал	II квартал	III квартал	Октябрь
Донецкий	1,044	1,023	1,010	1,041	1,089
Подмосковный	1,317	1,303	1,288	1,226	1,362
Кузнецкий	1,791	1,915	1,966	2,057	2,166

В Донбассе и Мосбассе в III квартале 1936 г. уровень производительности труда ниже, чем в IV квартале 1935 г., в Кузбассе — выше. Но в октябре мы имели уже производительность труда, превышавшую уровень IV квартала 1935 г. по всем основным бассейнам.

Преодолеть отставание угольной промышленности и добиться дальнейшего роста угледобычи можно только, во всю ширь поставив вопрос о новой организации производственного процесса. «Так называемая нарядная система — это как раз отрицание серьезной организации труда» (из речи т. Орджоникидзе). В результате так называемой нарядной системы рабочий очень много времени тратил на получение наряда. Кроме того, при этой системе рабочие места не закреплены за рабочим, следовательно, отсутствует стимул сохранения их в порядке. При безнарядной же системе повышается качество работы, так как каждый рабочий знает, что он завтра придет туда, где сегодня работал. Безнарядная система работы повышает ответ-

ственность рабочего за проделанную им работу и заинтересовывает его в повышении качества работы.

Безнарядная система тесно связана с системой диспетчеризации и телефонизации. Исходя из этого, приказ НКТП от 10 июля 1936 г. предписывает: «В первую очередь перевести на безнарядную систему телефонизированные шахты». Приказ намечает конкретные пути организации производства на шахте. Шахта должна работать по четкому графику, утверждаемому управляющим или главным инженером треста или рудоуправления. Каждая лава, каждый участок должны работать по определенному графику. Десятники и бригадиры должны принимать и сдавать смену путем применения жетонной системы или системы путевок.

Для сокращения времени, затрачиваемого рабочим на хождение к месту работы, нужно максимально механизировать доставку людей к рабочему месту.

Новые формы организации производства требуют новой системы организации труда и системы заработной платы. «Перевести рабочих на индивидуальную паевую сдельщину на основе правильного разделения труда на всех тех работах, где применение этих методов способствует лучшей загрузке рабочего времени рабочих и механизмов и обеспечивает нормальное течение технологического процесса» (из приказа по НКТП от 10/VI).

Определенные сдвиги в деле внедрения индивидуальной сдельщины, правильного разделения труда имеются. Данные по трестам, входящим в состав комбината Донбассуголь, показывают, что количество бригад, в которых произведено разделение труда между навалотбойщиками и крепильщиками, представляет значительную величину и достигает на 1 июня 1936 г. 760. Довольно быстрыми темпами идет перевод основных профессий на индивидуальную сдельщину. На 1 марта 1936 г. в трестах Донбассуголь было 2586 бригад навалотбойщиков, из них на индивидуальной паевой сдельщине 961, или 37%. На 1 июня, т. е. через 3 месяца, из 2459 бригад на индивидуальную паевую сдельщину перешло уже 1671, или 68%.

Количество рабочих, занятых в бригадах навалотбойщиков, за те же три месяца снизилось с 18402 до 16885, из них число рабочих на индивидуальной паевой сдельщине возросло с 7848 до 12213.

Новые формы организации труда охватывают не только рабочих, работающих непосредственно в забое, но и рабочих, занятых на внутришахтном транспорте.

★

Гнусные и подлые троцкистские агенты Гестапо пытаются задержать победоносное стахановское движение. 22 ноября был вынесен приговор по делу контрреволюционной троцкистско-диверсионной группы на Кемеровском руднике.

«В преступной деятельности кемеровской группки троцкистов отражена, как в капле воды, вся гнусность и предельная низость вдохновителя и организатора кемеровских бандитов — Троцкого, по непосредственной указке которого они творили свое грязное дело» («Правда» от 23/XI 1936 г.).

В своей борьбе с советским государством для срыва социалистического строительства и реставрации капитализма в СССР контрреволюционное троцкистское подполье стало на путь вредительства и диверсии на важнейших участках социалистического строительства — в угле, металле и химии.

Западносибирский троцкистский контрреволюционный центр из-

брал аренной своей деятельности Кемеровский рудник Кузбасса, имеющий большое народнохозяйственное и оборонное значение.

Кемеровская троцкистская группа — это объединение контрреволюционеров всех мастей: контрреволюционные троцкисты, шпион одного из иностранных государств немецкий подданный инж. Штиклинг и матерой диверсант-вредитель — шахтинец Пешехонов.

«Мерзостные преступления троцкистско-фашистских подлецов, ставших на путь контрреволюционного террора: вредительства, диверсантских и шпионских действий, — лишь последнее звено в цепи долголетней борьбы троцкизма против построения социализма в нашей стране за реставрацию капиталистического убожества и рабства» («Правда», передовая от 23/XI 1936 г.).

Как бы ни изощрялись классовые враги в попытках задержать мощное и победоносное движение социализма в СССР, трудящиеся массы нашей страны под руководством коммунистической партии во главе с великим Сталиным уничтожат, раздавят всех врагов социализма.

30 августа 1936 г. исполнился год после знаменательного достижения Алексея Стаханова. Стахановское движение быстро охватило все отрасли промышленности. «Это движение ломает старые взгляды на технику, ломает старые технические нормы, старые проектные мощности, старые производственные планы, требует создания новых более высоких технических норм, проектных мощностей, производственных планов. Оно призвано произвести в нашей промышленности революцию. Именно потому оно, стахановское движение, является в основе своей глубоко революционным»¹.

Выдвижение ударников-стахановцев «практических вдохновителей трудового под'ема» (Сталин) на руководящую работу — неизменный спутник стахановского движения.

Приводим данные по трестам Донбассугля:

	На 1/III 1936 г.	На 1/IV 1936 г.	На 1/V 1936 г.	На 1/VI 1936 г.
Всего выдвиненцев	421	510	651	678
В том числе бригадиров	119	147	186	168
Десятников	209	254	310	355
Помощников начальников участ- ков	71	80	122	129
Начальников участков	17	23	29	26

Перед руководящими работниками угольной промышленности стоит задача — «не оттирать этих инициативных товарищей, смелее выдвигать их на командные должности, дать им возможность проявить свои организаторские способности, дать им возможность пополнить свои знания и создать им соответствующую обстановку, не жалея на это денег»².

Стахановское движение — это новый этап не только в работе

¹ Сталин, Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев стр. 363.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 458, изд. 10-е.

О перестройке преподавания политэкономии

(Доклады в Институте экономики Академии наук СССР)

В ноябре в Институте экономики Академии наук СССР на широком собрании научных работников и преподавателей были заслушаны доклады на тему «О перестройке преподавания курса политэкономии в вузах». Вступительное слово об основных установках к перестройке курса политэкономии в вузах в соответствии с решением ЦК ВКП(б) было сделано зав. отделом печати ЦК т. Б. М. Талем. Затем состоялись доклады т. Леонтьева — «О возникновении капитализма», т. Островитянова — «Промышленный капитализм», т. Л. Мендельсона — «Империализм», т. Лаптева — «Аграрный вопрос» и т. Борилина — «Социализм». Обработанные стенограммы докладов тт. Островитянова и Мендельсона печатаются в настоящем номере «Проблем экономики».

Тов. Леонтьев в докладе «Возникновение капитализма» отметил, что в программах, учебниках и преподавании необходимо отвести гораздо большее место, чем это было до сих пор, анализу основных коренных черт докапиталистических формаций (первобытный коммунизм, рабовладельческий строй, феодализм). Изучение докапиталистических формаций должно происходить под углом зрения показа хода исторического пути человечества, ведущего к победе социализма. Необходимо выделить основные признаки, характеризующие каждую докапиталистическую формацию во всей ее специфике. Надо показать роль и характер труда, собственности и государства в каждой из формаций.

При изучении докапиталистических формаций необходимо исходить из указаний товарища Сталина о роли борьбы угнетенных классов против угнетателей, о коренном отличии нашей революции, приведшей к уничтожению всякой эксплуатации, от всех предшествующих революций, которые приводили лишь к замене одной формы эксплуатации другой. Только такой подход к изучению докапиталистических формаций способен вызвать у студентов ненависть ко всем и всяким формам классовой эксплуатации и помочь оценить огромные победы социализма в СССР.

Тов. Лаптев в докладе «Аграрный вопрос» останавливается на недостатках в преподавании проблем, связанных с аграрным вопросом. До последнего времени, — говорит т. Лаптев, — главное внимание приковывалось к выяснению источника дифференциальной земельной ренты, а аграрный вопрос в целом в учебниках политической экономии и преподавании как следует не поставлен. Аграрные проблемы необходимо рассматривать под углом зрения сталинского положения о диктатуре пролетариата, как главном и основном в ленинизме.

Как на важнейшие недостатки преподавания т. Лаптев указывает: на недостаточное использование при анализе аграрных проблем книги Ленина «Развитие капитализма в России», книги, которая дает блестящий анализ различных форм эксплуатации крестьянства до революции; на недостаточное углубленное освещение значения отмены частной собственности на землю; на недостаточную критику буржуазных и троцкистских теорий в аграрном вопросе и, в частности, на отсутствие критики в существующих учебниках политэкономии теории «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства; на абстрактную постановку вопроса о двух путях развития капитализма в земледелии. Для показа этих путей развития не используется богатейший исторический материал, содержащийся в работах Ленина.

Наконец, т. Лаптев считает, что в программах и учебниках политэкономии должна найти соответствующее место критика буржуазных и мелкобуржуазных теорий в аграрном вопросе, а также критика аграрных программ буржуазных партий и аграрных программ социал-демократии.

Тов. Борилин в докладе по разделу «Социализм» остановился на ряде вопросов, связанных с преподаванием этого важнейшего раздела. Тов. Борилин подробно остановился на вопросе о предмете преподавания политической экономии социализма и построении программы. Кроме того докладчик проиллюстрировал на примере 2—3 тем постановку вопросов, которую необходимо делать

в преподавании. Докладчик считает важнейшим недостатком в преподавании раздела, посвященного экономике социализма, совершенно ничтожное место, которое отводится анализу закономерностей социалистического способа производства. А самое изложение отдельных вопросов политэкономии социализма обычно носит схематический характер. Как и в других разделах политэкономии, совершенно не привлекается богатейший фактический материал из истории социа-

листического строительства в СССР Тов. Борилин отметил исключительное значение построения систематического курса политической экономии социализма в связи с огромными победами социалистической системы хозяйства, гениальным отражением которой является сталинская Конституция.

Все докладчики подчеркивали исключительную важность решения ЦК ВКП(б) о перестройке преподавания политической экономии.

К теории баланса народного хозяйства

(Совещания в Академии наук СССР)

В октябре Институт экономики Академии наук СССР созвал специальное совещание по вопросам баланса народного хозяйства. На совещании были обсуждены тезисы и доклад акад. С. Г. Струмилина на тему «К теории баланса народного хозяйства».

После доклада, основное содержание которого дано в статье, напечатанной в № 5 нашего журнала, акад. Струмилину были заданы следующие вопросы:

1. Почему в общей сводной схеме баланса народного хозяйства, представленной докладчиком для обсуждения, не нашли отражения две формы социалистической собственности? Не считает ли докладчик необходимым дать в общей схеме отдельными графами государственную собственность и собственность кооперативно-колхозную?

2. По каким признакам, по мнению докладчика, можно разбить продукцию транспорта, сельского хозяйства и торговли на средства производства и предметы потребления, т. е. как можно расчленить эти отрасли народного хозяйства между двумя подразделениями общественного производства?

3. Каким образом докладчик предполагает решить проблему индексов цен? Решение этой проблемы необходимо для того, чтобы обеспечить сопоставимость балансов за различные годы и для анализа динамики народного хозяйства.

По мнению акад. Струмилина, в общей схеме баланса народного хозяйства нет необходимости производить разбивку собственности по формам собственности. Эта разбивка только усложнила бы схему баланса, сделала бы баланс малопонятным. Расчленение собственности по основным формам надо дать в дополнительных таблицах, расшифровывающих сводную схему баланса народного хозяйства СССР.

Сельское хозяйство акад. Струмилин

почти целиком относят ко второму подразделению общественного производства. Транспорт и связь относятся им к сфере производства, средств производства; что касается торговли, то эта сфера, поскольку она доводит продукт до потребления, зачисляется докладчиком во второе подразделение общественного производства. К торговле акад. Струмилин относит в основном розничную торговлю-распределительную сеть. Снабжение производственных предприятий предметами производственного потребления, например средствами производства, он относит не к торговле-распределительной сети, а к соответствующим отраслям производства материальных благ. Что же касается индексов цен, то представленная им общая сводная схема баланса народного хозяйства не решает этого большого, сложного, самостоятельного вопроса, ибо это, по словам акад. Струмилина, не вошло в круг поставленных им перед собой задач. Этот вопрос он сознательно оставил в стороне.

После ответов на вопросы начались прения. В прениях выступали тт. Мендельсон, Пашков, Аракелян, Ридник, Хромов и Лурье.

В своем выступлении т. Мендельсон А. С. прежде всего сформулировал задачу, которую необходимо решить, составляя баланс народного хозяйства. С его точки зрения, схема баланса народного хозяйства должна отобразить процесс воспроизводства в его конкретных формах. Она должна иметь практическое значение в деле планирования народного хозяйства и в деле руководства процессом социалистического строительства. Схема должна отчетливо выразить цель социалистического строительства и средства достижения этой цели — распределение и использование трудовых и материальных ресурсов народного хозяйства (основные и оборотные фонды,

фонды предметов потребления и т. д. и т. п.). Давая экономическую характеристику процесса воспроизводства, схема баланса народного хозяйства не является бухгалтерским балансом. Нужно помнить, что речь идет о балансе народного хозяйства, взятого как органическое целое, а не о балансе его отдельных частей. Между балансом народного хозяйства и бухгалтерским балансом отдельной отрасли или отдельного предприятия — большая разница.

Затем т. Мендельсон отмечает, что баланс народного хозяйства невозможно уложить в какую-нибудь одну, единую схему. Для того, чтобы баланс народного хозяйства имел практическое значение, он должен представлять собою систему схем, систему синтетических балансов, должен являться рядом схем. Кроме того надо иметь в виду, что баланс народного хозяйства состоит из разнородных по своей природе элементов. Эти различные элементы народнохозяйственного баланса, как например баланс труда и баланс фондов, не могут быть сложены. Тов. Мендельсон предлагает составить несколько синтетических балансов, которые в совокупности должны дать баланс народного хозяйства. В составе этих балансов должны быть баланс народного богатства, баланс труда и баланс производства, потребления и накопления. В первом из этих балансов все народное богатство необходимо расчленить по формам собственности в полном соответствии с новой Конституцией СССР.

Как недостаток схемы, представленной акад. Струмилиным, тов. Мендельсон отмечает отсутствие в ней фондов потребления и баланса труда. По мнению тов. Мендельсона, в составе народного богатства нужно выделить, отдельно отразить фонды потребления. Баланс труда не может быть представлен в общей схеме забалансовыми статьями. Нужно разработать отдельную специальную схему баланса труда.

В заключение т. Мендельсон рекомендует изменить формулировку тезисов в части, касающейся целей социалистического воспроизводства. В тезисах следует подчеркнуть, что целью социалистического воспроизводства является построение коммунистического общества, а не потребление.

Тов. Аракелян следующим образом сформулировал задачи составления схемы баланса народного хозяйства: схема должна отразить результаты, уровень и темпы воспроизводства, а также показать те народнохозяйственные процессы, которые обусловили получение данных результатов. Эта вторая задача схемой акад. Струмилина не разрешена. По мнению т. Аракеяна, общая схема баланса народного хозяйства обязательно должна отразить формы собственности, должна быть составлена в социальном разрезе.

По мнению т. Ридника, возможна единая «обобщающая» схема баланса народного хозяйства. Она должна опираться на частные специальные балансы. Так как акад. Струмилин составил свою схему иначе, — не базируясь на ряде частных балансов, — то его схему принять нельзя. В заключение своего выступления т. Ридник обращает внимание на необходимость разработать систему показателей баланса народного хозяйства.

Тов. Хромов отмечает, что решение основных проблем баланса народного хозяйства предполагает одновременное решение ряда коренных вопросов политической экономии социализма. В этом одна из трудностей разработки схемы баланса народного хозяйства. Тов. Хромов указывает, что в связи с разработкой схемы баланса народного хозяйства необходимо поставить вопрос о переоценке основных фондов промышленности. Анализируя представленную схему, т. Хромов заявил, что, по его мнению, неправильно относить готовые изделия к производственным оборотным фондам. Так же как и т. Мендельсон, т. Хромов считает целесообразным выделить в народном богатстве фонды потребления.

Руководивший совещанием т. Лурье Д. Г. прежде всего отметил, что прав т. Хромов, указывая на тесную связь между вопросами политической экономии и проблемами баланса народного хозяйства. Он также признает правильным точку зрения докладчика, заявляющего, что деление труда на производительный и непроизводительный является для советского хозяйства реакционным. Однако, т. Лурье находит, что акад. Струмилин в некоторых местах письменного доклада недостаточно убедительно доказывает и иллюстрирует это правильное положение.

В частности формула $P = V + S$ находится в некотором противоречии с основным положением о характере производительного труда. Из этой формулы можно сделать вывод, что труд непроизводительной сферы не создает народного дохода и не участвует в накоплении дохода. Так поняли докладчика некоторые из выступавших здесь товарищей. По мнению т. Лурье, трудность решения вопроса состоит в том, что эффективность труда непроизводительной сферы не поддается исчислению в денежном выражении. Но этот факт — невозможность исчислить эффективность труда непроизводительной сферы в денежном выражении — не является убедительным доказательством того, что труд сферы услуг и управления «создает ровно столько, сколько получает», т. е. не создаст накопления.

Деление на производственную и непроизводительную сферы, приведенное в схеме акад. Струмилина, является правильным и логичным.

По мнению т. Лурье, вопрос о том, каким количеством схем — одной или несколькими — необходимо выразить баланс народного хозяйства, не является принципиальным вопросом. При составлении баланса народного хозяйства речь идет об определенной совокупности элементов показателей. Если эту совокупность элементов можно «уложить» в одну схему, то надо дать одну сводную схему. Если в одну схему эти показатели свести нельзя, то надо дать 3—4 схемы.

Тов. Лурье согласен с теми товарищами, которые считают необходимым дать баланс народного богатства в социальном разрезе и выделить в этом балансе фонды потребления.

Кроме того он полагает, что раздел второй «Распределение» и раздел третий «Потребление» следует объединить. Процессы распределения надо понимать в широком смысле слова.

Тов. Лурье отмечает как недостаток схемы отсутствие в ней финансового разреза.

В заключительном слове акад. Струмилин, возражая т. Мендельсону, заявил, что его общая схема баланса народного хозяйства предполагает целый ряд вспомогательных, специальных балансов. Все эти расшифровывающие частные балансы должны быть увязаны и сложены в единой сводной схеме. Эта сводная схема должна дать «самую общую картину» процесса воспроизводства и не может претендовать на такую степень конкретности, при которой отдельные отрасли народного хозяйства и отдельные предприятия могли бы найти в балансе народного хозяйства оперативное задание. В предложенной для обсуждения схеме, по мнению докладчика, имеются основные моменты баланса труда, баланса производства и потребления и финансового плана. Он является экономической характеристикой процесса воспроизводства в рамках всего народного хозяйства и не может походить на бухгалтерский баланс какой-либо части народного хозяйства. В этом акад. Струмилин целиком согласен с т. Мендельсоном. По мнению докладчика, из предложенной им схемы ничего выбросить нельзя.

Акад. Струмилин отмечает, что одним из существенных недостатков предыдущих работ по балансу народного хозяйства являлось отсутствие попыток объединить, увязать друг с другом, сложить в соответствующих частях частные балансы.

Докладчик полагает, что когда дело идет о балансе народного хозяйства, взятого как целое, а не о балансе отдельной отрасли или отдельного предприятия, нет необходимости показывать готовые изде-

лия отдельно от оборотных фондов и резервов.

Разбивку народного богатства по формам собственности акад. Струмилин предполагает дать в подсобных вспомогательных таблицах. При этой разбивке будут учтены и использованы соответствующие формулировки Конституции СССР.

По вопросу о производительном и непроизводительном труде докладчик заявил, что он рассматривает все народное хозяйство в целом как единый производственный комбинат, в котором имеются органически связанные между собою основные цеха, производящие материальные ценности, имеются вспомогательные лечебные и учебные цеха, имеется, наконец, «заводская контора». Обслуживающий труд вспомогательных цехов создает стоимость и участвует в общественном накоплении.

Возражая выступавшим, акад. Струмилин отметил, что они переоценивают значение валовой продукции, являющейся статистической, а не экономической категорией. Для построения баланса народного хозяйства более необходимо исчислить общественный продукт.

Акад. Струмилин согласен, что нашей целью является построение коммунистического общества, а не потребления. Однако он полагает, что, противопоставляя нашу систему системе капиталистической, не следует забывать, что в капиталистическом обществе первой и последней задачей производства является накопление, а в социалистическом обществе само накопление имеет своей конечной целью удовлетворение потребностей.

В ноябре под руководством постоянного секретаря Академии наук СССР акад. Н. П. Горбунова в президиуме Академии наук СССР состоялось совещание по вопросам организации балансовых работ. После доклада руководителя сектора баланса народного хозяйства Института экономики т. Мендельсона А. С. и прений, в которых приняли участие представители различных научных, хозяйственных и плановых учреждений и организаций, была избрана комиссия. Эта комиссия, работающая под руководством вице-президента Академии наук СССР акад. Г. М. Кржижановского, должна выработать конкретные предложения об организации балансовых работ в более широких размерах. Она должна наметить мероприятия для привлечения к балансовым работам Института экономики Академии наук СССР многих оперативных, плановых и научных организаций и учреждений, не входящих в систему Академии наук СССР.

Д. Москвин

СССР

СТРАНА СОЦИАЛИЗМА

Таблица 1

Победа социализма в СССР*

I

Показатели	1924 г.	1928 г.	1935 г.
Удельный вес социалистических форм хозяйства (в процентах)			
В основных производственных фондах страны	48,8 ¹	54,6	97,57
Во всем народном доходе	35,0 ²	44,0	97,8
В численности всех рабочих и служащих	81,2 ³	84,5	99,96
В валовой продукции всей промышленности	76,7 ⁴	89,5 ⁵	99,71
В валовой продукции всего сельского хозяйства	1,5	3,3	94,2
В розничном товарообороте	47,3	77,5	100,0

¹ 1925 г. ² 1924/25 г. ³ 1925/26 г. ⁴ 1923/24 г. ⁵ 1929 г.

II

Показатели	1913 г.	1928 г.	1935 г.
Народный доход (в млрд. руб.; в ценах 1926/27 г.)	21,0	25,0	66,5
В том числе социалистическое хозяйство	—	11,0	65,1
Основные производственные фонды (в млрд. руб.; в ценах 1933 г.)	53,5	106,8
В том числе социалистическое хозяйство	—	29,2	104,2
Количество рабочих и служащих (в млн. чел.)	11,4	11,6	24,72
В том числе социалистическое хозяйство	—	9,8	24,71

Таблица 2

Капитальные вложения в социалистическое хозяйство
(в млн. руб.; в текущих ценах)

Годы	Все социалистическое хозяйство	В том числе:			
		промышленность	сельское хозяйство	Транспорт	
				весь	железнодорожный
1923/24	861	355	56	214	178
1924/25	1 200	481	71	272	220
1925/26	2 138	972	126	523	429
1926/27 ¹	3 664	1 760	213	860	715
1928	4 083	1 880	379	905	731
1929	5 885	2 615	840	1 259	873
1930	9 786	4 115	2 590	1 780	1 112
1931	15 681	7 407	3 645	2 874	1 910
1932	20 086	10 431	3 800	3 692	2 569
1933	18 432	8 863	3 900	3 414	2 107
1934	23 832	10 624	4 661	4 795	2 928
1935	27 693	11 880	4 983	6 007	4 038
<i>Итого 1923/24—1928</i>	<i>11 936</i>	<i>5 448</i>	<i>845²</i>	<i>2 774³</i>	<i>2 273</i>
<i>1929—1932</i>	<i>51 438</i>	<i>24 563</i>	<i>10 895²</i>	<i>9 605³</i>	<i>6 464</i>
<i>1933—1935</i>	<i>69 957</i>	<i>31 367</i>	<i>13 544²</i>	<i>14 306³</i>	<i>9 073</i>

* Все таблицы — по материалам ЦУИХУ.

¹ Включая IV квартал 1927 г. ² Включая собственные средства колхозов. ³ Включая участие населения в дорожном строительстве.

Таблица 3

Валовая продукция крупной промышленности
(в млн. руб.; в ценах 1926/27 г.)

Отрасли	1913 г.	1924 г.	1928 г.	1932 г.	1935 г.	Во сколько раз 1935 г. больше 1913 г.
Вся крупная промышленность ¹	10 251	4 660	15 741	36 800	59 345	5,8
Электростанции	45	65	181	681	1 436	31,9
Угольная	301	171	377	742	1 248	4,1
Нефтедобывающая	194	136	300	511	633	3,3
Черная металлургия	755	185	748	1 353	2 835	3,8
Машиностроение	748	530	1 735	7 616	15 049	20,2
Основная химия	83	45	90	267	578	7,0
Цементная	69	14	68	135	172	2,5
Деревообрабатывающая	393	213	555	1 572	2 368	6,0
Бумажная	128	70	165	275	385	3,0
Хлопчатобумажная	1 876	840	2 742	3 047	3 686	2,0
Льняная	168	127	192	216	342	2,6
Шерстяная	316	180	535	654	774	2,4
Трикотажная	17	...	172	559	1 000	58,8
Швейная	14	47	449	2 142	2 125	151,8
Кожевенная (без обувной)	86	161	370	702	623	7,2
Обувная	65	70	273	866	871	13,4
Жировая, мыловаренная и парфюмерная	101	60	290	385	544	5,4
Пищевкусовая ²	2 722	1 140	3 578	6 531	10 630	3,7
В том числе:						
Мясная	729	1 135	—
Консервная	183	220	—
Маслобойная	113	66	189	255	291	2,6
Мукомольно-крупяная	607	488	1 066	1 110	2 018	3,3
Сахарная	649	214	640	447	889	1,4
Кондитерская	158	...	178	861	996	6,3

¹ Без лесозаготовок и рыбной промышленности. ² 1913 и 1924 гг. без рыбной промышленности, остальные годы — включая рыбную промышленность; в 1935 г. рыбная промышленность дала продукции на 408 млн. руб.

Таблица 4

Удельный вес новых и полностью реконструированных заводов в промышленности

Отрасли промышленности	В % ко всем основным производственным фондам на 1/1 1936 г.	В % ко всей валовой продукции 1935 г.
Вся обрабатывающая промышленность	79,8	68,8
Электростанции	87,5	81,2
Химическая	94,0	88,3
Черная металлургия	97,2	94,9
Цветная »	89,5	68,4
Металлообрабатывающая	85,0	84,1
Деревообрабатывающая	87,2	83,0
Бумажная	60,6	51,3
Текстильная	35,3	30,3
Швейная	85,6	73,5
Пищевкусовая	64,7	56,6
В том числе:		
Мясная	93,0	84,8
Хлебопечение	99,0	97,4
Консервная	98,5	98,5

Полностью реконструированные заводы, увеличившие свои производственные фонды на 1 января 1936 г. в 2 и более раза по сравнению с 1 октября 1928 г. Новые заводы, введенные в эксплуатацию в 1929—1935 гг.

Таблица 5

Обновление оборудования промышленности СССР

Виды машин	Число машин на 15/IX 1934 г.	Процент машин, установленных:			Кроме того установленных с 15/IX 1934 г. по 1/I 1936 г. (в % к числу машин на 15/IX 1934)
		до 1917	1918—1928	1929—15/IX 1934	
Паровые котлы (без отопительных) (поверхность нагрева в тыс. кв. метров)	3 270,9	33,3	18,2	48,5	10,7
Паровые турбины (в тыс. киловатт)	4 990,1	9,9	13,1	77,0	12,2
Дизели (в тыс. киловатт)	477,6	23,8	19,3	56,9	14,1
Электродвигатели (в тыс. киловатт)	6 264,9	11,1	14,5	74,4	12,1
Компрессоры	11 834	15,8	16,9	67,3	16,0
Транспортеры	32 993	15,9	13,6	70,5	11,5
Электрокары	1 781	0,4	5,6	94,0	...
Электропоезда узкоколейные	795	10,8	11,1	78,1	...
Мотовозы узкоколейные	784	6,7	8,6	84,7	...
Врубные машины	2 066	0,1	15,4	84,5	...
Экскаваторы	553	5,6	8,2	86,2	23,5
Металлорежущие станки	231 680	23,1	17,6	59,3	13,3
Машины для электрической сварки	13 762	0,5	6,0	93,5	30,0
Лесопильные рамы	3 889	22,0	24,4	53,6	9,8
Стеклопильные машины «Фурко»	241	—	12,0	88,0	20,3
Машины для верхнего и бельевого трикотажа	12 216	9,9	28,0	62,1	...
Швейные машины	106 600	8,0	19,8	72,2	...
Прошивные машины для обуви	748	6,6	17,3	76,1	...
Специальные прессы для обувной промышленности	290	7,3	28,9	63,8	...
Специальные машины для пищевой промышленности	2 979	4,8	20,7	74,5	...

Таблица 6

Роль советского машиностроения в реконструкции промышленности

Виды машин	Процент машин внутреннего производства в числе машин, установленных:			
	до 1917	1918—1928	1929—1932	1933—1934
Паровые котлы (без отопительных; по поверхности нагрева)	39,9	57,1	57,2	76,9
Паровые турбины (по мощности)	0,5	10,8	16,7	51,8
Дизели (по мощности)	37,3	73,8	72,8	74,7
Электродвигатели (по мощности)	12,3	23,5	33,7	90,3
Компрессоры	28,9	40,7	46,1	56,8
Врубные машины	—	22,9	34,9	81,6
Драги	28,6	58,3	88,2	100,0
Дробилки	39,4	58,0	65,3	80,5
Металлорежущие станки	28,9	41,6	52,4	68,1
Машины для электрической сварки	—	65,8	91,0	96,4
Лесопильные рамы	24,0	31,1	40,6	65,6
Стеклопильные машины «Фурко»	—	—	87,5	100,0
Бумагоделательные и картоноделательные машины	3,1	5,3	14,3	100,0
Наборные машины	—	0,6	0,5	44,4
Ватера прядильные (по числу веретен)	0,2	1,5	38,7	64,6
Ткацкие станки (приводные)	65,1	74,1	87,7	83,4
В том числе автоматы	1,0	90,0	99,8	95,3
Машины для верхнего и бельевого трикотажа	0,7	27,6	51,9	65,3
Швейные машины	9,0	20,4	44,2	78,2
Прошивные машины для обуви	—	2,4	16,4	72,3

Таблица 7

Электрические станции

Показатели	1913	1924	1928	1932	1935
Мощность всех электростанций (в тыс. киловатт; на конец года)	1 098*	1 308	1 905	4 677	6 914*
В том числе районных станций .	177	307	626	3 020	4 518
Удельный вес районных электростанций (в процентах)	16,1	23,4	32,8	64,5	65,3
Вся выработка электроэнергии (в млн. киловатт-часов)	1 945	1 562	5 007	13 540	26 294
В том числе районными станциями	431	702	2 001	9 217	19 414
Удельный вес районных электростанций (в процентах)	22,2	44,9	39,9	68,0	73,8

Таблица 8

Энерго- и электровооруженность рабочего в крупной промышленности
(количество киловатт-часов энергии на 1 отработанный человеко-час)

Показатели и отрасли промышленности	Энерговооруженность ¹			В том числе электровооруженность ²		
	1928	1932	1935	1923	1932	1935
Вся крупная промышленность . . .	1,30	1,67	2,50	0,69	1,16	1,90
В том числе:						
Каменноугольная	1,28	1,34	1,96	0,79	1,04	1,69
Нефтедобывающая	4,98	8,45	11,73	3,68	6,74	10,37
Нефтеперерабатывающая	2,25	5,12	8,32	1,69	3,89	5,24
Черная металлургия	3,33	5,26	8,67	1,33	2,47	4,96
Металлообработывающая	0,77	0,97	1,48	0,55	0,84	1,27
Химическая	2,70	4,16	6,11	2,04	3,71	5,36
Текстильная	0,96	1,30	1,30	0,51	0,95	1,04
Пищевкусовая	1,65	1,72	1,88	0,37	0,61	0,89

* В № 5 «Проблем экономии», стр. 13, опечатка: мощность электростанций указана в миллиардах квт, вместо миллионов.

¹ Число киловатт-часов механической и электрической энергии, потребленной на 1 отработанный человеко-час. ² Число киловатт-часов электрической энергии, потребленной на 1 отработанный человеко-час.

Таблица 9

Реконструкция черной металлургии

Показатели	На 1/X 1928	На 1/I 1933	На 1/I 1936
Доменные печи			
Число печей	69	103	112
Полезный объем печей:			
В тыс. куб. метров	20,0	36,9	50,5
В процентах к 1/X 1928 г.	100,0	184,5	252,5
Средний полезный объем одной печи (в куб. метрах)	290	358	451
Удельный вес мощных печей (800 куб. метров и выше; в процентах):			
По количеству печей	—	7,8	20,5
По полезному объему	—	20,3	44,3
Мартеновские печи:			
Число печей	222	296	362
Их площадь пода:			
В тыс. кв. метров	4,8	6,7	9,7
В процентах к 1/X 1928 г.	100,0	139,6	202,1
Средняя площадь пода одной печи (в кв. метрах)	22	23	27
Удельный вес мощных печей (41 кв. метр и выше; в процентах):			
По количеству печей	2,7	6,4	16,9
По площади пода	5,5	13,3	35,9

Таблица 10

Производительность труда в промышленности (в % к 1928 г.)

Отрасли промышленности	1928	1932	1935
Вся промышленность	100,0	136,8	190,3
В том числе:			
Производство средств производства	100,0	148,5	226,1
Производство предметов потребления	100,0	137,0	165,8
Угольная	100,0	117,1	163,8
Нефтедобывающая	100,0	167,5	177,8
Железорудная	100,0	149,3	253,9
Черная металлургия	100,0	133,7	219,2
Цветная »	100,0	117,9	186,4
Металлообработывающая	100,0	157,4	260,9
Основная химия	100,0	167,2	302,4
Хлопчатобумажная	100,0	120,2	137,0
Трикотажная	100,0	150,2	205,1
Консервная	100,0	210,4	277,3

Таблица 11

Порядковое место хозяйства СССР в мировом хозяйстве

Отрасли	1913		1924		1928		1932		1935	
	Во всем мире	В Европе	Во всем мире	В Европе	Во всем мире	В Европе	Во всем мире	В Европе	Во всем мире	В Европе
Валовая продукция промышленности	5	4	5	4	2	1	2	1
Машиностроение	4	3	4	3	2	1	2	1
Сельскохозяйственное машиностроение	4	3	2	1	2	1
Тракторы (по мощности)	Н	е	6	ы	4	3	1	1	1	1
Комбайны	Н	е	6	ы	—	—	1	1	1	1
Автомобили	Н	е	6	ы	12	10	7	5	6	4
В том числе грузовики	Н	е	6	ы	11	9	4	3	3	2
Электроэнергия	15	7	14	11	10	7	7	4	3	2
Каменный уголь	6	5	10	6	6	5	4	3	4	3
Нефть	2	1	3	1	3	1	2	1	2	1
Чугун ¹	5	4	9	8	6	5	2	1	2	1
Сталь	5	4	10	9	5	4	2	1	3	2
Медь	7	3	13	6	8	2	8	2	6	1
Алюминий	Н	е	6	ы	—	—	11	9	3	2
Суперфосфат ²	16	13	21	17	18	14	7	5	3	1
Серная кислота	8	6	9	7	6	4	4	2
Калийные удобрения ³	Н	е	6	ы	—	—	6	5	3	3
Мыло	5	4	5	4	5	4	4	3
Обувь ⁴	5	4	3	2	3	2
Пиломатериалы	2	1	2	1	2	1	2	1
Пшеница	1	1	2	1	2	1	1	1	1	1
Сахарная свекла	2	2	5	4	2	2	4	3	1	1
Хлопок-волокно	5	1	4	1	4	1
Лен-волокно	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Перевозка грузов по железным дорогам (в тонно-километрах)	2	1	2	1	2	1	2	1

¹ Включая электроферросплавы. валеной и резиновой обуви.

² В пересчете на 14%-ный.

³ По содержанию K₂O. ⁴ Без

Таблица 12

Продукция промышленности СССР в процентах к промышленной продукции капиталистического мира

Виды продукции	1913	1924	1928	1932	1935
Каменный уголь	2,5	1,4	2,9	7,2	10,7
Чугун	5,6	1,1	3,8	18,5	20,5
Сталь	6,0	1,5	4,0	13,3	14,6
Электроэнергия	5,2	0,9	1,9	5,3	7,7
Медь черновая	3,2	0,4	1,8	5,0	5,3
Алюминий	—	—	—	0,6	10,7
Суперфосфат	0,5	0,2	1,0	6,3	9,7

Таблица 13

Освобождение СССР от иностранной зависимости

Т о в а р ы	Г о д ы	Импорт к общему потребле- нию в стра- не (в %)	Общее по- требление в стране (в % к 1913 г.
Машины для промышленности, транспор- та и других отраслей	1913	20,9	100,0
	1927/28	21,0	249,5
	1932	11,0	971,8
	1935	1,0	1 595,1
Сельскохозяйственные машины	1913	41,3	100,0
	1927/28	15,8	176,1
	1932	0,1	410,4
	1935	0,0	587,0
Тракторы	1913	100,0	...
	1927/28	66,1	100,0
	1931	42,2	1 755,9 ¹
	1935	0,0	3 023,9 ¹
Автомобили	1913	100,0	...
	1927/28	68,9	100,0
	1932	3,9	1 151,8 ¹
	1935	0,3	4 492,6 ¹
Алюминий	1913	100,0	100,0
	1927/28	100,0	311,1
	1932	92,0	627,8
	1935	2,0	1 416,7
Каучук	1913	100,0	100,0
	1927/28	100,0	115,2
	1932	99,8	240,0
	1935	59,9	500,4
Хлопок	1913	46,9	100,0
	1927/28	41,4	83,4
	1932	5,9	98,7
	1935	7,4	141,5
Бумага	1913	39,2	100,0
	1927/28	24,0	115,7
	1932	0,1	147,8
	1935	0,0	197,4

¹ В процентах к 1927/28 г.

Таблица 14

Коллективизация крестьянских хозяйств

(в %; на июль соответствующего года)

Показатели	1924	1928	1932	1934	1935	1936
По количеству хозяйств	0,9	1,7	61,5	71,4	83,2	90,3
По посевной площади	2,3	77,6	87,4	94,1	98,2

Таблица 15

Развитие МТС

Показатели	1930	1931	1932	1935	1936 ¹
Число МТС	158	1 228	2 115	4 128	4 993 ²
Число колхозов, обслуживаемых МТС:					
в тысячах	11,6	51,7	71,8	125,4	—
в % ко всему числу колхозов	13,6	24,5	34,0	51,1	—
Посевная площадь в колхозах, обслужив. МТС:					
в миллионах га	10,4	29,3	45,1	75,7	91,3
в % к посевной площади всех колхозов	27,4	37,1	49,3	72,4	82,6
Число тракторов в МТС (в тыс. штук)	7,1	50,1	69,4	203,0	289,7
Мощность тракторов (в тыс. лош. сил)	87	681	931	3 313	5 065
Грузовые автомобили (в тыс. штук) ³	—	0,2	1,0	19,5	27,8
Комбайны (в тыс. шт.) ³	—	7	0,1	15,2	29,3
Молотилки сложные и полусложные (в тыс. шт.) ³	—	2,9	27,8	78,0	83,8

¹ Данные предварительные. ² На 1/X. ³ На 1/I.

Таблица 16

Развитие совхозов¹

Показатели	1928	1932	1936 ²
Посевная площадь (в млн. га)	1,7	13,4	15,0
Численность рабочих (среднегодовая; в млн.)	0,3	1,9	1,9 ³
Количество тракторов на начало года (в тыс. штук)	4,7	51,5	101,9
Мощность тракторов на начало года (в тыс. лош. сил)	56	892	1 860
Число комбайнов на начало года (в тыс. штук)	—	6,3	21,0
Процент механизации тяги ⁴	43	73	83
Процент посева, выполненного тракторами	36	...	88
Процент уборки хлебов, выполненной тракторами	31	...	88
Процент посевов зерновых, убранных комбайнами (зерносовхозы НКСовхозов)	—	29	99
Поголовье скота на 1/VI (в тыс. голов):			
Крупный рогатый скот	180	3 526	5 009
Свиньи	59	1 928	4 929
Овцы и козы	747	7 221	10 565

¹ Включая данные по коопхозам и подсобным сельскохозяйственным предприятиям. ² Предварительные данные. ³ За 7 месяцев. ⁴ 1928 и 1932 гг.—на конец года; 1936 г.—на начало года.

Таблица 17

Изменение состава и рост парка машин в сельском хозяйстве
(в тыс. штук)

Машины и орудия	1910	1928 ¹	1936 ²
Орудия для пахоты			
Сохи, косули и сабаны (в млн. штук)	8,1	4,6	—
Плуги конные (в млн. штук)	7,3	14,0	6,0
Плуги тракторные	0,3 ³	9,3	308,2
Сеялки			
Тракторные	—	0,5	155,9
Машины для уборки зерновых			
Комбайны зерновые	—	—	50,3
Сноповязалки тракторные	—	0,1	20,8
Жнейки	761,4	1 299,7	1 003,0
Молотилки			
Сложные	—	5,6	96,9
Полусложные	—		23,2
Конные	454,7	552,0	351,6
Машины для уборки технических культур			
Свеклоподъемники тракторные	—	—	8,8
Льнотеребилки широкозахватные	—	—	4,2
Тракторы	—	26,7	360,2 ⁴

¹ Данные без ЭСФСР, Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР. ² Без машин у единоличников; данные на 1 января. ³ Паровые. ⁴ На 1 января 1936 г. За 9 месяцев 1936 г. в сельское хозяйство поступило 80,2 тыс. тракторов мощностью в 1682,7 тыс. лошадиных сил.

Таблица 18

Механизация производственных процессов в сельском хозяйстве СССР (в %)

Показатели	1928	1932	1936 ¹
Пахота под яровые			
Сохой	9,8	—	—
Конным плугом	89,2	81,0	49,6
Тракторным плугом	1,0	19,0	50,4
Сев яровых			
Ручной	74,4	51,7	19,9
Конной сеялкой	25,4	28,3	44,1
Тракторной сеялкой	0,2	20,0	36,0
Уборка зерновых			
Серпом и косой	44,4	35,4	15,6
Конным инвентарем	55,4	54,6	48,8
Тракторным инвентарем	0,2	10,0	35,6
В том числе комбайнами	—	4,0	26,6
Молотьба зерновых			
Ручным способом	40,7	60,0	1,9
Молотилками:			
от конного привода	58,0		20,4
» механического привода	1,3	40,0	77,7

¹ Предварительные данные.

Таблица 19

Использование тракторов в СССР и в США

Показатели	СССР (данные по МТС)			США 1930
	1933	1935	1936	
Численность тракторного парка (в тыс.; на 1 июня)	96,8	203,0	289,7	920
Тяговая мощность (в тыс. лош. сил)	1 354,4	3 312,8	5 065,5	11 000
Вся выработка тракторного парка в переводе на вспашку (в млн. га) ¹	35,2	100,2	165,5 ²	66
Годовая выработка в среднем на 1 условный 15-сильный трактор в переводе на вспашку (в га) ¹	363,0	427,0	492,0 ²	90

¹ Без работы на молотье. ² План

Таблица 20

Количество рабочих и служащих в народном хозяйстве

Отрасли	1924/25	1928	1932	1935
<i>Все народное хозяйство</i>				
В миллионах человек	8,5	11,6	22,9	24,7
В процентах к 1924/25 г.	100	136	269	290
<i>Крупная промышленность</i>				
В миллионах человек	2,1	3,1	6,5	7,1
В процентах к 1924/25 г.	100	147	307	336
<i>Строительство</i>				
В миллионах человек	0,3	0,7	3,1	2,2
В процентах к 1924/25 г.	100	252	1 090	773
<i>Железнодорожный транспорт</i>				
В миллионах человек	0,8	1,0	1,5	1,8
В процентах к 1924/25 г.	100	120	189	221
<i>Совхозы и МТС</i>				
В миллионах человек	0,2	0,3	2,4	2,8
В процентах к 1924/25 г.	100	143	980	1 168

Таблица 21

Ликвидация безработицы в СССР

Г о д ы	Количество работающих (в тыс.) ¹	Числось безработных на учете бирж труда (в тыс.)	Прирост (+) или убыль (-)		% коллективизации крестьянских хозяйств	
			количества работающих (в тыс.)	количества безработных (в тыс.)		
1928 {	на 1 апреля	8 380	1 576	- 695	+ 535	1,7
	» 1 октября	9 727	1 365	+ 1 347	- 211	—
1929 {	» 1 апреля	9 226	1 741	- 501	+ 376	3,9
	» 1 октября	10 677	1 242	+ 1 451	- 499	—
1930 {	» 1 апреля	11 354	1 081	+ 677	- 161	23,6
	» 1 октября	14 704	240 ²	+ 3 350	- 841	—
1931 {	» 1 апреля	17 052	0	+ 2 348	...	52,7
	» 1 октября	20 301	0	+ 3 249	...	—

¹ По данным ВЦСПС. ² На 1 ноября. Преобладающее большинство из них училось на профессиональных курсах или работало в трудовых коллективах; остальные зачислялись на учет бирж труда на несколько дней для оформления поступления на работу или перехода с одного места работы на другое. Таким образом безработица была по существу ликвидирована уже к концу 1930 г.

Таблица 22

Число рабочих и служащих, получивших работу
(в миллионах)

Г о д ы	Общее число рабочих и служащих	Принято на работу новых рабочих и служащих ¹
1929	12,2	1,1
1930	14,5	2,9
1931	19,0	5,3
1932	22,9	4,8
В среднем за год	—	3,5
1933	22,3	0,3
1934	23,7	2,3
1935	24,8	2,1
В среднем за год	—	1,6

Таблица 23

Число вовлеченных в крупную промышленность рабочих и служащих
(в миллионах)

Г о д ы	Общее число рабочих и служащих к концу года	Принято на работу новых рабочих и служащих
1929	3,6	0,5
1930	5,0	1,6
1931	6,3	1,6
1932	6,4	0,4
В среднем за год	—	1,0
1933	6,4	0,3
1934	6,9	0,8
1935	7,5	0,9
В среднем за год	—	0,7

¹ Исчислено с учетом принятых взамен естественной убыли.

¹ Исчислено с учетом принятых взамен естественной убыли.

Таблица 24

Заработная плата рабочих и служащих

Показатели по отрасли	1924/25	1928	1932	1935	Во сколько раз 1935 г. больше 1924/25 г.
Годовой фонд зарплаты по всему народному хозяйству (в млрд. руб.)	3,8	8,2	32,7	56,2	14,6
Средняя годовая зарплата по всему народному хозяйству (в руб.)	450	703	1 427	2 274	5,1

Таблица 25

Доход рабочей семьи
(по данным бюджетного обследования; в рублях в месяц)

Показатели	1930	1932	1935	1935 в % к 1930
Зарплата				
На 1 работника	81,2	113,4	197,4	243,2
На 1 члена семьи	26,7	41,5	76,4	285,5
Культурно-бытовое обслуживание за счет государства и профсоюзов				
В среднем на 1 члена семьи	8,3	16,0	26,3	318,4
В процентах к индивидуальной зарплате	31,0	38,6	34,5	—
Прочие доходы				
В среднем на 1 члена семьи	2,5	6,0	9,2	370,6
Весь доход в среднем на 1 члена семьи	37,5	63,5	111,9	298,4

Таблица 26

Культурно-бытовое обслуживание рабочих и служащих за счет государства и профсоюзов (в млн. руб.)

Статьи расхода	1927/28	1932	1933	1934	1935 [†]
Всего	1 630	6 323	7 530	9 304	12 072
Пенсии и пособия соцстраха и профсоюзов	655	1 396	1 597	1 999	2 591
Стипендии	64	594	908	1 059	1 422
Просвещение и культобслуживание	381	2 815	3 102	3 314	3 944
Здравоохранение	489	1 458	1 859	2 832	4 016
Фонд улучшения быта рабочих	41*	61	65	100	100

[†] Данные предварительные. * Данные за 1928 г.

Таблица 27

Бюджет социального страхования (в млн. рублей)

Статьи бюджета	1927/28	1932	1935
Доходы	1 051	4 401	7 157
Расходы	1 063	4 323	6 888
В том числе:			
Пособия и пенсии	566	1 294	2 617
Из них:			
Пособия по беременности и родам	30	82	214
Пенсии за выслугу лет, по старости и инвалидности	131	331	656
Дома отдыха, санатории и курорты	25	137	383
Обслуживание детей застрахованных	65	201	328
Лечебное питание	—	32	103
Медицинская помощь застрахованным	247	759	1 786

Таблица 28

Розничная торговля и общественное питание
(в млрд. руб.)

Показатели	1924	1928	1932	1935
Розничный товарооборот	6,0	15,2	35,5	74,2
Город	4,8	10,5	23,4	52,4
Деревня	1,2	4,7	12,1	21,8
Оборот общественного питания	0,3	0,6	4,9	7,2
Весь товарооборот	6,3	15,8	40,4	81,4

Таблица 29

Цены сельскохозяйственных товаров на колхозных рынках
(июньские цены в процентах к мартовским ценам 1933 г.; по 10 крупнейшим городам)

Товары	1933	1934	1935	1936
Хлебные	103,0	37,9	30,6	13,0
Овощные	122,8	52,2	34,1	23,5
Мясные	86,5	70,5	58,2	43,9
Молочные	70,3	48,8	41,2	34,3
Яйца	57,5	48,0	40,7	29,8
В среднем	80,9	54,3	44,6	35,8

Таблица 30

Сеть учебных заведений и число учащихся

Виды учебных заведений	1914/15	1924/25	1927/28	1932/33	1935/36
Общеобразовательные школы					
Школ (в тысячах)	106,4	92,9	118,2	167,2	164,1
Учащихся (в миллионах)	7,8	9,1	11,3	21,8	25,6
Вузы					
Учебных заведений	91	160	129	595 ¹	595
Учащихся (в тысячах)	124,7	165,4	159,8	417,0 ¹	524,8
Техникумы					
Учебных заведений	233	919	1032	2838 ¹	2572
Учащихся (в тысячах)	48,0	164,5	187,3	601,6 ¹	711,1
Рабфаки					
Учебных заведений	—	113	147	816 ¹	716
Учащихся (в тысячах)	—	43,3	49,2	271,3 ¹	250,8
Низшие профессиональные учебные заведения					
Учебных заведений	2644	2018	1814	2357 ¹	1797
Учащихся (в тысячах)	219,0	189,2	178,3	400,0 ¹	259,1

¹ 1933/34 г.

Рост уровня образования населения СССР

Таблица 31

Уровень образования	Получили образование ¹ (тыс. чел.) за:			Уровень образования			Получил образование ¹ (тыс. чел.) за:		
	1924—1928	1929—1932	1933—1935	Итого 1924—1935	1924—1928	1929—1932	1933—1935	Итого 1924—1935	
Начальное образование	3 525	7 672	12 572	23 769	425	632	588	1 645	
Неполное средн. образование	917	1 904	4 252	7 073					
Через:									
Общеобразовательную школу	739	1 454	3 322	5 515	239	185	103	527	
Низшие профессиональные учебные заведения	178	450	930	1 558	45	156	145	346	
В том числе ФЗУ	80	450	930	1 460	141	291	340	772	
					117	170	135	422	

Развитие союзных республик

Таблица 32

	Валовая продукция крупной промышленности (в млн. рублей в ценах 1926/27 г.)			Число рабочих крупной промышленности (в тыс. чел.)			Освоение производственных фондов крупной промышленности в млн. рублей			Коллективизация крестьянских хозяйств (в %)			Тракторный парк (в тыс. лошадиных сил)			Число учащихся школ всеобщего обучения (в тыс.)		
	1913	1927/8	1935	1913	1927/28	1935	1927/28	1935	1927/28	1935	1927/28	1935	1927/28	1935	1927/28	1935	1927/28	1935
РСФСР	7 250	10 832	42 505	1 915	4 622	6 814	28 225	1,6	90,3	—	3 941	5 631	7 434	16 330				
УССР	2 125	2 851	11 287	547	1 398	2 141	9 282	2,5	95,0	96	1 188	1 587	2 394	4 976				
БССР	89	162	1 185	25,9	137,5	82,4	567,2	0,7	86,6	1,0	84,7	294	485	949				
Азербайджанская ССР	378	491	1 667	52,0	85,7	518	1 600	1,3	79,5	0,6	64,1	—	171	510				
Грузинская ССР	43,0	70,2	640,9	10,9	55,0	53,1	595,8	0,9	74,4	0,3	23,6	—	286	615				
Армянская ССР	14,7	18,6	142,9	5,1	16,8	23,5	173,4	0,7	80,8	1,8	15,1	—	83	215				
Узбекская ССР ²	268,8	263,6	837,5	14,9	74,6	69,9	455,9	1,2	88,8	11,8	230,7	—	136	676				
	35,9	57,2	463,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
	29,9	42,0	171,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
Туркменская ССР ²	10,4	14,6	117,1	—	17,1	13,7	123,0	0,5	88,8	3,2	37,8	—	32	145				
Таджикская ССР	1,0	—	76,3	0,2	9,5	—	75,3	1,9	80,3	—	37,1	—	14	151				
Казахская ССР	50,9	71,9	432,4	17,8	73,4	61,4	528,0	1,8	95,1	—	336	—	279	794				
Киргизская ССР	1,2	11,6	99,8	1,1	15,2	—	85,4	1,7	82,4	0,3	39,9	—	42	197				

¹ Включая продолжавших обучение на более высоком уровне.² Численность — включая х.юношеческие и мастовые запорды, значительная — без хлопководческих и мастовых запордов.

Таблица 33

Выполнение народнохозяйственного плана сахановского (1936) года¹

Показатели	Годовой план	Выполн. за 11 мес.		Темпы роста (в процентах)		
		абсолютн. показат.	в % к годов. плану	по годовому плану	Фактич. за 11 мес.	
					1936	1935
Валовая продукция союзной и местной промышленности (в млн. руб.)	61 513	57 917	94,2	24,5	31,2	21,8
Производство средств производства (в млн. руб.)	37 939	35 668	94,6	—	33,5	24,8
Производство предметов потребления (в млн. руб.)	23 574	22 250	94,4	—	27,7	17,0
Наркомтяжпром	31 373	29 817	95,0	26,0	34,1	25,9
Наркомлес	3 185	2 669	83,8	22,3	16,1	15,3
Наркомлегпром	7 541	7 027	93,2	29,2	34,6	10,2
Наркомпищепром	9 120	8 677	95,1	22,0	29,6	24,7
Наркомместпромы	8 368	7 954	95,1	23,0	30,6	14,6
Производительность труда одного рабочего (в руб.): ²						
Вся союзная промышленность	—	—	—	21,6	23,8	13,6
Наркомтяжпром	—	—	—	23,0	26,4	17,2
Наркомлес	—	—	—	21,5	17,7	11,7
Наркомлегпром	—	—	—	21,0	20,7	0,8
Наркомпищепром	—	—	—	15,8	15,5	9,8
Железнодорожный транспорт						
Погружено вагонов (в тыс.)	28 731,0	29 043,2	103,9	15,0	28,8	20,9
Товарооборот						
Оборот рознич. торговли (в млн. руб.)	—	78 165	97,4	26,0	33,2	33,5
Труд ²						
Среднесписочное число рабочих в крупной пром.	—	—	—	4,5	8,5	8,1
Фонд зарпл. в крупной промышленности	—	—	—	17,0	31,8	36,0
Среднемесячная зарплата в крупной пром.	—	—	—	12,0	21,4	25,9

¹ По учетному кругу.² За 10 мес., в процентах к соответствующему периоду прошлого года.

Таблица 34

Овладение новой техникой в крупной промышленности (в % к предшествующему году)¹

Показатели	1932	1933	1934	1935	1936
Прирост валовой продукции	+13,7	+8,2 ²	+20,3	+21,8	+32,8 ³
Прирост производственных фондов	+22,4	+30,2	+28,2	+22,1	+23,3

¹ Прирост валовой продукции за каждый год сравнивается с приростом фондов за год, предшествующий отчетному. ² Прирост продукции по союзной и местной промышленности на 1933 г. составил 5,9%, а за январь — сентябрь 1933 г. — 2,9%. ³ За 9 месяцев.

Таблица 35

Увеличение темпов роста промышленности в стахановском году
(валовая продукция союзной и местной промышленности за январь — ноябрь;
в процентах к предшествующему году)

Отрасли промышлен-ности	1933	1934	1935	1936
Вся промышленная продукция . .	104,9	119,9	121,9	131,2
Производство средств производства	109,1	125,1	124,9	133,5
Пр-ство предметов потребления	99,8	112,5	117,2	127,7
Черная металлургия	114,3	137,9	128,9	132,5
Металлообработывающая	114,5	125,2	129,0	142,1
Хлопчатобумажная	103,0	110,0	101,1	129,8
Шерстяная	104,0	95,8	112,9	119,8
Льняная	108,0	117,5	130,9	136,5
Кожевенно-обувная	87,2	90,5	115,7	141,2

Таблица 36

Качественные показатели работы промышленности, транспорта и сельского хозяйства в стахановском (1936) году

Отрасли и показатели	1935	1936	
	Средне-годов. по-казатели	Показа-тели	Период
Промышленность			
Районные электростанции			
Коэффициент использования установленной мощ-ности (в процентах)	52,2	62,1	январь—ноябрь
Нормы расхода топлива (в килограммах на 1 произведенный киловатт-час)	0,643	0,612	январь — ок-тябрь
Угольная промышленность (Донец-кий бассейн)			
Производительность отбойного молотка (в смену; в тоннах)	8,0	13,1	октябрь
Черная металлургия			
Коэффициент использования полезного объема доменной печи	1,20	1,08	январь—ноябрь
С'ем стали с кв. метра площади пода марте-новской печи	3,85	4,58	январь—ноябрь
Химическая промышленность			
Среднесуточный с'ем серной кислоты с кубо-метра объема башен	18,2	28,6	ноябрь
Сельское хозяйство			
Выработка на 1 комбайн (в га):			
В МТС	256,4	339,0	на 10 сентября годовой план
В зерносовхозах НКСХ	176,2	275	
Производительность 15-сильного трактора (в пе-реводе на мягкую пахоту без молотбы; в га) в МТС	427,0	492	» »
Транспорт			
Среднесуточный пробег товарного вагона (в километрах)	128,4	142,6	январь — ок-тябрь
Оборот вагона товарного парка (в сутках) . . .	7,69	6,66	тоже
Среднесуточный пробег товарного паровоза (в километрах)	189,1	234,7	январь—ноябрь
Оборот товарного паровоза (в часах)	28,44	22,3	ноябрь
Средняя коммерческая скорость товарного поезда (в км/час)	15,7	18,6	январь—ноябрь

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ» в 1936 г.**

О СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

	№№	Стр.
Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР — О Конституции Союза ССР	3	3
Проект Конституции Союза ССР	3	5— 21
И. В. Сталин — О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов 25 ноября 1936 г.	6	3— 22
Постановление Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик Об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик	6	23
Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик	6	24— 38
Д. Лурье — Сталинская Конституция социалистического государства	3	22— 36
Э. Квириг — Советская Конституция и формы собственности в СССР	4	21— 30
М. Кривицкий — Право на труд	4	11— 20
Б. Смулевич — Право на образование	6	81— 91

ОБЩИЕ СТАТЬИ

В. М. Молотов — План и задачи. Доклад о народнохозяйственном плане 1936 г. на 2-й сессии ЦИК Союза ССР 10 января 1936 г.	1	3— 26
В. Я. Чубарь — Речь товарища Сталина на I Всесоюзном совещании стахановцев и задачи работников науки (доклад на общесоюзном собрании научных работников 2/XII 1935 г.)	1	27— 35
А. Бурилин — Жилищно-коммунальный вопрос в дореволюционной России	6	92—108
М. Ильин — Блестящая победа ленинско-сталинской национальной политики	4	69— 88
Г. Крумин — Выше революционную бдительность	4	3— 10
И. Кузьминов — Советская производственно-техническая интеллигенция	5	87—104
Д. Лурье — К 19-й годовщине Великой социалистической революции в СССР	5	3— 20
Б. Смулевич — Фашистские «теории» населения и социалистическая действительность	3	93—106
С. Хейнман — К вопросу о ликвидации противоположности между трудом умственным и трудом физическим	5	75— 86

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Б. Борилин — Задачи преподавания политической экономии	1	70— 86
Г. Крумин — О некоторых задачах на экономическом фронте	2	3— 11
Л. Мендельсон — О разделе «Империализм» в курсе политэкономии	6	64— 80
К. Островитянов — Промышленный капитализм как стадия в развитии капиталистического общества	6	49—63
Я. Сегалл — Германский фашист в роли «критика» Маркса	1	110—138
Б. Таль — О предмете политической экономии и ее преподавании	6	39— 48

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

М. Азарин — Распределение при социализме и колхозный трудовой день	4	31— 48
А. Аракелян — Основной капитал и основные фонды	2	12— 25
А. Аракелян — Вопросы амортизации основных фондов промышленности	3	68— 92

	№№	Стр.
И. Балашов, А. Фиссон, С. Гуревич — Победа социалистического сельского хозяйства	2	82—103
Р. Бешер — Стахановское движение и производительность труда	2	44—63
А. Болгов — Культурный подъем колхозного крестьянства	5	105—120
Э. Бронштейн — Проблема кадров и стахановское движение (на опыте машиностроительной промышленности)	1	53—69
И. Будныйкий — К вопросу о потерях в энергохозяйстве	6	109—121
Г. Делборн — Основные задачи советской торговли	5	121—134
М. Кривицкий — В борьбе за производительность труда	5	21—29
И. Левитанус — Важнейшие резервы в использовании с.-х. техники до дна	3	130—152
Э. Локшин — Формы заработной платы на современном этапе	3	107—122
Д. Лурье, С. Потапов, Г. Калугин — Некоторые вопросы экономики колхозов	3	52—67
А. Мендельсон — Тысяча девятьсот тридцать пятый год	1	36—52
А. Мендельсон — Первая треть стахановского года	3	37—51
А. Мендельсон — Две трети стахановского года	5	30—42
И. Меренков — Опыт передового — другим заводам	3	153—166
Е. Перельман — Стахановское движение и задачи техники (на примере горной промышленности)	3	123—132
Я. Резвушкин — Национализация промышленности на Урале	3	167—183
М. Рубинчик — Рабочий контроль и национализация промышленности в первые месяцы советской власти	1	87—105
С. Струмилин — К теории баланса народного хозяйства	5	43—74
Л. Телятников — Новейшие тенденции в развитии станкостроения	4	49—68
С. Хейнман — Угольная промышленность СССР в 1935 и 1936 гг.	6	178—198
П. Хромов — Стахановское движение и использование оборудования	2	26—43
М. Ширман — К методологии анализа и планирования урожайности СССР — страна социализма (таблицы)	2	64—81
	6	203—220

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

М. Бортник — Проблемы мирового валютного кризиса	2	104—122
Ю. Виндер — Государственные доли в капиталистических странах	4	89—104
И. Дворкин — Некоторые экономические итоги фашистской диктатуры в Германии	1	131—147
З. Рабинович — Экономика Испании	6	122—133
М. Спектатор — Что дает с.-х. перепись США 1930 г. для характеристики процесса развития капитализма в земледелии	1	148—174
В. Штейн — Империалистические державы в борьбе за китайский рынок	5	135—153

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И. Блюмин — Экономические взгляды В. А. Милютина	2	123—140
И. Блюмин — Экономические взгляды Н. И. Тургенева	4	104—124
И. Блюмин — Экономические воззрения Шторха	6	134—154
Б. Кафеагауз — И. Посошков о крестьянском вопросе	2	141—155
Д. Розенберг — Экономическая мысль античного мира	3	184—197

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Блюмин — Давид Рикардо, Соч., т. II	1	190—199
И. Бородин — Стахановские методы использования комбайнов («Советские передовых комбайнеров СССР с членами ЦК ВКП(б) и правительства 1 декабря 1935 г.»)	1	182—189
М. Бронский — Неопубликованная работа Маркса о деньгах («Архив Маркса и Энгельса», т. IV)	2	156—177
М. Бронский — Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича	3	198—207
М. Бронский — А. П. Серебровский. На золотом фронте	4	125—132
М. Ваннэ — Д. Розенберг. История политической экономии, часть II	3	208—215
М. Ваннэ — Политическая экономия романтизма (Сисмонди, Новые начала политической экономии)	6	162—177
В. Виргинский — Louis Mumford. Technics and Civilisation	1	205—209
Г. Крумин — XXVIII Ленинский сборник	6	155—161
Б. Кафеагауз — Меркантилизм (сборник)	2	179—182

	№№	стр.
И. Кузьминов — Командный состав народного хозяйства СССР (Бейлин. Кадры специалистов СССР)	2	168—174
А. Либкинд — О производительности труда в колхозах (сборник)	2	175—178
Э. Локшин — Книга о наиболее жизненном и непреодолимом движении современности («Первое всесоюзное совещание рабочих и работников стахановцев»)	1	175—181
Ш. Лиф — Н. Г. Чернышевский, Избранные сочинения, второй полутом II т.	4	133—138
Н. Николаевский — Ф. Ф. Дунаев, Очерки по экономике социалистической нефтяной промышленности	4	139—144
Р. Рахмилевич — Обнищание пролетариата в капиталистических странах (сборник)	3	216—222
Я. Сегалл — Новинки иностранной литературы	1	210—216
Я. Сегалл — Фашистские учебники политэкономии в Германии	2	188—196
М. Спектатор — Сельское хозяйство Чехословакии	2	183—187
Ф. Фролов — МТС и колхозы (Я. Ловков, Д. Рыбалко — Договорные отношения МТС с колхозами)	5	154—157
М. Фейгельсон — В. В. Савин, Основы экономики социалистической торфяной промышленности	1	200—209

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

С. Мацкевич — Проблемы механизации культиваторных работ	5	158—160
И. Мильграм — Институт экономики Академии наук СССР	4	145—147
О перестройке преподавания политэкономии (доклады в Институте экономики Академии наук СССР)	6	199—201
М. Мискина — Маска с врага сорвана	4	150—151
Д. Москвин — К теории баланса народного хозяйства СССР (совещания в Академии наук СССР)	6	200—202
Е. Яковлева — Экономические взгляды В. А. Милютина (доклад И. Блюмина в секторе политэкономии Института экономики Академии наук)	4	147—150
Об академике Н. Н. Лузине (Постановление Президиума Академии наук СССР)	4	151
Еще одно проявление раболепия перед буржуазной наукой	4	152—153

Содержание

	<i>Стр.</i>
Доклад товарища Сталина И. В. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов о проекте Конституции Союза ССР	3
Постановление VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик	23
Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик	24
Б. Таль — О предмете политической экономии и ее преподавании	39
К. Островитянов — Промышленный капитализм как стадия в развитии капиталистического общества	49
Л. Мендельсон — О разделе «Империализм» в курсе политической экономии	64
Б. Смулевич — Право на образование и советская демократия	81
А. Бурилин — Жилищно-коммунальный вопрос в дореволюционной России	92
Инж. И. Будницкий — К вопросу о потерях в энергохозяйстве	109
З. Рабинович — Экономика Испании	132

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И. Блюмин — Социально-экономические воззрения Шторха	134
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Крумин — Ценный вклад в сокровищницу марксизма	155
М. Ванне — Политическая экономия романтизма	162

ОБЗОРЫ И МАТЕРИАЛЫ

С. Хейнман — Угольная промышленность СССР в 1935—1936 гг.	178
---	-----

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

О перестройке преподавания политэкономии. (Доклад в Институте экономики Академии наук СССР)	199
Д. Москвин — К теории баланса народного хозяйства (совещания в Академии наук СССР)	200
СССР — страна социализма	203
Указатель статей, напечатанных в журнале «Проблемы экономики» в 1936 г.	221

Адрес редакции — Волхонка, 14. Тел. 1-25-81.

Сдано в производство 10-III/XII 1936 г.
Подписано к печати 29/XII 1936 г.
Уполн. Главлита Б—32155
Формат 72 X 105¹/₁₆—Союзгиз № 53 (п)
Заказ типографии № 1569.
Объем 14 п. л.
Тираж 13850
Техред-выпускающий А. Г. Налимов, г.

РЕДАКЦИЯ

Г. И. Крумин (отв. редактор)
Л. М. Гатовский
Э. И. Квиринг
М. М. Кривицкий
М. М. Шурыгин

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует
78	3 снизу	объединению	обеднению
142	10 сверху	земледельческого	землевладельческого
166	10 снизу	1703 г.	1803 г.
181	10 сверху	133,1%	33,1%
195	23 снизу	1936 г.	1935 г.